

ИЗ НАСЛЕДИЯ МИРОВОЙ ПСИХОЛОГИИ

Emile Tardieu

L'ENNUI
ÉTUDE PSYCHOLOGIQUE

Э. Тардье

СКУКА

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Перевод с французского

Издание второе

URSS

МОСКВА

Тардьє Эмиль

Скука: Психологическое исследование: Пер. с фр. Изд. 2-е. — М.: Издательство ЛКИ, 2007. — 256 с. (Из наследия мировой психологии.)

Вниманию читателей предлагается книга французского исследователя Э. Тардьє, посвященная скуке — явлению, занимающему немалое место в жизни человека. Автор рассматривает скуку как психо-физиологический комплекс, бесконечно разнообразный по содержанию и по форме. Подробно и всесторонне изучаются разнообразные причины скуки, ее моральная сущность, различные виды и объективные формы скуки, общие характерные черты скучающего человека. В заключение делается безуспешная попытка ответить на один из основных вопросов исследования: как победить скуку?

Издание будет полезно психологам и врачам-психотерапевтам, философам и историкам науки, а также широкому кругу читателей, интересующихся поставленными в книге проблемами.

Издательство выражает глубокую признательность Илье Никифорову, который предоставил для переиздания раритетные книги из своей личной библиотеки. Эти издания, сохранившие свою актуальность, стали библиографической редкостью.

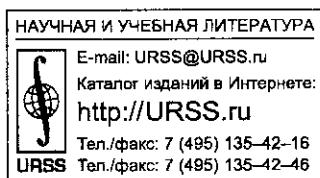
Настоящая книга была предложена к изданию Ильей Никифоровым.

Издательство ЛКИ. 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, 9.
Формат 60×90/16. Печ. л. 16. Зак. № 1072.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД». 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, д. 11А, стр. 11.

ISBN 978-5-382-00262-0

© Издательство ЛКИ, 2007

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения Издательства.

Предисловіе.

Эта книга изслѣдуетъ цѣлый рядъ видовъ скуки, но кромѣ указанныхъ въ ней остается еще большее количество и нѣтъ возможности пересмотрѣть ихъ всѣ. Скука заполняетъ насъ, она примѣшивается въ большей или меньшей степени во всѣ наши дѣйствія, хотя часто ея участіе не явственно и она не составляетъ всю сущность ихъ. Это уже дѣло психолога обнаружить ее въ явленіяхъ и выдѣлить то, что приходится на ея долю.

Надо будетъ согласиться, что ея доля очень велика, если принять во вниманіе два слѣдующихъ положенія, составляющія выводъ этого изслѣдованія: во-первыхъ, что наша жизнь не имѣетъ ни основанія, ни цѣли и что она напрасно стремится достигъ равновѣсія и счастья, — во-вторыхъ, что организмъ, рождающійся обреченнымъ уничтоженію, утомляется, истощается, а потому постоянно страдаетъ. Скука есть результатъ нашего безсилія и слѣдствіе безсмысленности нашей судьбы въ мірѣ, куда мы брошены по непонятнымъ намъ причинамъ.

Разсматривать все съ точки зрѣнія скуки значить представлять себѣ человѣка дѣйствительно пустымъ и безсильнымъ паяцемъ, значить открыть трагическую и комическую стороны его существованія. Наше изслѣдованіе отнимаетъ вѣру въ жизнь, ведущую къ ничтожеству и предоставляет удовольствоваться при удобныхъ случаяхъ смѣхомъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Слово «скука» произносится нами поминутно; это объясняется тѣмъ, что оно обозначаетъ собою очень разнообразныя состоянія души. И если есть основаніе такъ часто употреблять его, если оно освѣщаетъ множество положеній, то можно удивляться, что психологи до сихъ поръ не опредѣлили вполне точно его значенія. Вѣроятная причина этого неблагодарность и трудность работы.

Скука есть психо-фізіологическій комплексъ безконечно разнообразный по содержанію и по формѣ. Существенной чертой его является страданіе и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отличается необыкновенной измѣнчивостью, можетъ состоять изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ. Скука является по всякому поводу, то появляется, то пропадаетъ, снова появляется, не открывая намъ своего закона, не давая времени постичь ея тайну.

По своимъ постояннымъ свойствамъ, скука есть страданіе являющееся слѣдствіемъ истощенія или неудавшейся жизни; это или минутное, или продолжительное безсиліе, беспокойная и стонущая летар-

гія. Въ неясныхъ формахъ скука представляетъ тяжелое ощущеніе, скрытое и неопредѣленное безпокойство; но если она порождается причинами постоянными, то завладѣваетъ всей душой и всѣми душевными способностями и тогда скука дѣлается неизлечимымъ отчаяніемъ, столкновеніемъ раздраженнаго желанія съ ускользящей отъ него дѣйствительностью, борьбой ума съ собственнымъ оцѣпенѣніемъ, острымъ чувствомъ невозможности счастья. Какъ страданіе, то поверхностное, то глубокое, скука постоянно преслѣдуетъ и волнуетъ насъ, заставляя неизбежно искать развлеченій. На ея удары, то легкіе, то сильныя, на ея безконечныя приступы, мы реагируемъ скоротечными жестами или ироніи, или сквернаго расположенія духа, или рѣзкими, опрометчивыми поступками. Для болѣе яснаго опредѣленія скуки, подберемъ ей синонимы: это волненіе, отреченіе, тоска по неосуществимому, скептицизмъ много прожившаго человѣка; она можетъ быть и въ жизни еще опьяненной увлеченіями, стремящейся къ веселю и наслажденію, и въ разочарованіи ведущемъ къ самоубійству.

Такъ какъ нашъ предметъ въ высокой степени сложный, то надо попытаться дать опредѣленіе, которое точнѣе указало-бы его границы. Мы скажемъ: скука есть страданіе общее, заключающее въ себѣ всѣ виды страданія, начиная съ безсознательнаго недовольства, кончая сознательнымъ отчаяніемъ. Она обуславливается самыми разнообразными причинами, но главной причиной ея является явное замедленіе движенія нашей жизни. Кромѣ того, скука субъективна и выражается состояніями души, называемыми

отвращеніемъ, отчаяніемъ, безсиліемъ, угрюмостью, гнѣвомъ.

Говорятъ, что скука лежитъ въ основѣ человеческой жизни. Это глубоко справедливо. Что же касается вопроса, первично-ли это, столь важное въ нашей жизни явленіе, то можно отвѣтить отрицательно. Обыкновенно начинаютъ жизнь не со скуки, а съ увлекательныхъ иллюзій, съ оптимистической энергіи; первенцами въ нашемъ сердцѣ являются желаніе и безбрежныя надежды. Прежде скуки, выразившейся въ нашихъ жалобахъ, въ зѣвотѣ, въ досадѣ, въ отрицаніи всего, и въ сарказмахъ, мы знали веселье, восторги, увѣренность честолюбиваго воображенія, стремительный пылъ инстинктовъ и вождельній, признавали все могущество жизни, тогда столь увлекательной и неодолимой. Скука есть разочарованіе послѣ надежды, презрительное или яростное отреченіе, послѣ неудавшагося усилія. Въ такой моментъ скука можетъ вполне завладѣть душой и сдѣлаться ея единственнымъ побужденіемъ. Когда жизнь сто разъ предала насъ, новая мечта уже кажется намъ западней, а боязнь неудачъ и страданій дѣлаетъ насъ осторожными передъ какими бы то ни была обольщеніями. Скука, съ ея сомнѣніями, отрицаніемъ и издѣвательствомъ надо всѣмъ, дѣлается нашимъ властелиномъ, отвѣчающимъ за насъ. Мы не поддаемся болѣе убѣжденію, насъ нельзя заставить быть довольными. Ведя къ отчаянію, скука парализуетъ самые сильныя порывы сердца; изъ за нея весь міръ подергивается для насъ мрачной пеленой, а въ сердцѣ навсегда гаснутъ обманчивыя желанія,

Скука есть нравственное страданіе; это стоны и самоанализъ души. Случается, что страданіе проявляется физически: въ зѣвотѣ, гримасахъ, подергиваніи; вызываетъ разстройство кровообращенія и питанія, чувствительность къ холоду, обморокъ, разслабленность, потерю аппетита, потерю въ вѣсѣ, апатію; отзывается и на нашихъ душевныхъ способностяхъ; вызываетъ безпорядокъ въ мысляхъ, галлюцинаціи, глупыя побужденія, маніи, ипохондрию, глупость, оцѣпенѣніе. Иногда скука сказывается въ чертахъ лица, во взглядѣ. Скуку сравниваютъ съ внутренней черствостью, съ тяжестью, съ чувствомъ отвращенія.

Являясь плодомъ размышленія и анализа, скука субъективна. Ее испытываютъ тѣ лица, которыя отдаютъ много вниманія своимъ радостямъ и своему горю, создаютъ изъ нихъ цѣлыя поэмы и внимательно изслѣдуютъ глубины своего сердца. Скука есть разговоръ съ самимъ собою любителей грезъ, которые живутъ внутренней жизнью и судятъ о мірѣ свысока. Скука бываетъ и у людей иной категоріи, у людей страстныхъ, у ненасытныхъ, прожигающихъ свою жизнь, которые усиленно предаются чувственнымъ наслажденіямъ и постоянно проверяютъ свои ощущенія. Скука неразлучна съ тѣми, у кого есть явное и при томъ раннее предрасположеніе къ ней. Характерными признаками въ этомъ отношеніи является быстрое истощеніе и склонность къ пессимизму. Человѣкъ съ неослабѣвающей жизненной энергіей всегда скоро избавится отъ скуки.

Можно спросить, не однообразіе ли жизни, которая въ основахъ своихъ не мѣняется, поддержи-

ваетъ скуку, отъ которой нельзя избавиться, и не будетъ ли справедливо повторить знаменитыя слова Экклезіаста: Нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ.

Слабость нашего ума насъ обманываетъ: всегда есть новое; но для того, чтобы видѣть и отмѣтить это новое, нуженъ проникновенный и дѣятельный умъ. Не будемъ обвинять жизнь, которая всегда обновляется и кипитъ, и природу, которая безконечно разнообразна; ибо однообразіе, на которое мы жалуемся, въ насъ самихъ. Человѣчество, взятое въ цѣломъ и рассматриваемое какъ одинъ человѣкъ, живущій вѣка, не скучаетъ потому, что находитъ неизчерпаемый интересъ въ жизни, открываетъ каждый день новыя, неизслѣдованныя богатства въ природѣ, которую никогда ему не придется познать до конца. Скука есть свойство нашей индивидуальности, у которой нѣтъ вѣчной молодости и способности къ неустанной дѣятельности.

Изслѣдовать скуку все равно, что сдѣлать обзоръ человѣческой жизни. Скука существуетъ при всѣхъ условіяхъ, и во всѣхъ возрастахъ. Мы встрѣчаемъ ее всегда: и среди дѣятельности, и во время отдыха; она является и въ честолюбіи и въ воздержаніи, можетъ быть и въ началѣ нашей жизни, и въ концѣ, а иногда и въ теченіи всей жизни; нѣтъ такого торжественнаго дня, нѣтъ такой высокой радости, къ которымъ она не могла бы примѣшаться.

Конечно въ свѣтлыхъ часахъ жизни, полныхъ надеждъ и у счастливыхъ, уравновѣшанныхъ и торжествующихъ людей мы рѣже обнаружимъ присутствіе скуки, чѣмъ если обратимся къ туманнымъ,

сѣрымъ днямъ, къ ожесточеннымъ, неудачникамъ, и отрицателямъ, къ слабохарактернымъ и неувѣреннымъ въ себѣ людямъ.

Взявшись описать обратную сторону вещей, мы подчеркнемъ безчисленные неудачи нашей глупой жизни, обнаружимъ обратную сторону нашихъ поддѣльныхъ чувствъ, мы старательно соберемъ, такъ называемыя, скверныя минуты жизни. Разсматривая толпу людей, тщетно маскирующихъ грусть и покорность, мы прежде всего обратимъ вниманіе на человѣка съ несчастнымъ лицомъ, очевидно занятого черными мыслями и на группу веселыхъ прохожихъ, смѣхъ которыхъ кажется подозрительнымъ. Мы воспользуемся для наблюденій человѣческими лицами въ минуты печали; отмѣтимъ въ нихъ отчаяніе, скорбь, угрюмость, безучастность, отвращеніе; отмѣтимъ упадокъ силъ, вопль отчаянія, краснорѣчивыя жалобы Фауста.

Это изслѣдованіе касается всѣхъ вопросовъ, гдѣ дѣло идетъ о скукѣ; лучше всего взять форму монографіи. Намъ часто придется писать слово «скука», которое лежитъ въ основѣ каждой строчки. Есть слова, повтореніе которыхъ болѣе непріятно, болѣе неудобно; это же слово тускло свинцоваго цвѣта; оно звучитъ глухо и тускло; и глазъ и ухо незамѣтно привыкаютъ къ нему.

Это введеніе не краткое изложеніе; мы настойчиво указывали на трудность нашей задачи, чтобы предупредить читателя, что ему придется войти въ тонкости психологическаго анализа.

Прежде всего, мы изслѣдуемъ причины скуки.

ГЛАВА I.

Скука отъ истощенія.

Изслѣдованіе причинъ скуки, предпринятое нами, будетъ довольно обширно, такъ какъ придется привести примѣры различныхъ формъ скуки.

Причины скуки можно свести къ шести главнымъ и каждая изъ нихъ составитъ предметъ особой главы.

Причиной скуки можетъ быть, во-первыхъ, физическое и умственное истощеніе. Значеніе истощенія чрезвычайно велико, и поэтому мы ему удѣлимъ больше мѣста въ нашей работѣ. Отъ истощенія ведетъ начало громадное большинство неизлечимыхъ случаевъ скуки. Слѣдуетъ подозрѣвать вліяніе истощенія даже тогда, когда кажется, что скука является плодомъ одного воображенія, или, что она зависитъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Настаивая на такомъ объясненіи, которое рѣдко признается, мы тѣмъ самымъ отнимаемъ отъ скуки ея поэзію, тѣ высокія побужденія, которыми она часто оправдывается.

Вполнѣ очевидно, что человѣкъ истощенный физически и нравственно, потерявшій свѣжесть чувства, воображенія и силу ума, потерявшій здоровье,

будетъ мрачнымъ и скучающимъ; остается изслѣдовать это подробно.

Физическое истощеніе, въ простомъ видѣ, можетъ само по себѣ создать скуку. Такія случаи бываютъ у спортсменовъ. Докторъ Тиссье, въ своей книгѣ *La Fatigue et l'Entrainement physique*¹⁾, говорить о наблюденіяхъ собранныхъ, на бѣгахъ и состязаніяхъ велосипедистовъ, въ которыхъ мы встрѣчаемъ скуку, какъ прямое слѣдствіе усталости. «Бѣдущій испытываетъ сначала сильную скуку, затѣмъ онъ можетъ дойти до потери памяти... Скука чувствуется во все время продолженіе бѣга, она характерна для доведеннаго до крайности утомленія, извѣстнаго подъ именемъ «*vappage*». Она овладѣваетъ всѣми бѣгающими на призы, независимо отъ того, будутъ-ли эти люди веселаго или мрачнаго характера» (стр. 43). Далѣе, изслѣдуя свидѣтельства участниковъ въ бѣгахъ, онъ говоритъ: «...Глубокая скука появилась въ послѣдніи шесть часовъ бѣга» (стр. 45) «Гюре, сходя съ велосипеда, жаловался только на сильнѣйшую скуку и сильное желаніе спать» (стр. 51). Въ этихъ наблюденіяхъ, имѣющихъ цѣнность опыта, истощеніе и скука составляютъ пару чисто физическихъ элементовъ; какъ только исчезаетъ усталость, такъ исчезаютъ и слѣды скуки.

Дѣйствительно, усталость, какого бы то ни было происхожденія, всегда отзывается на духѣ. Психическими признаками ея будутъ: безпорядокъ въ мысляхъ, умственная пустота, раздражительность, общая

¹⁾ Paris, F. Alcan, 2 éd. 1903.

разслабленность. Это и есть простѣйшіе признаки скуки. Если усталость поверхностна, скоро проходитъ съ отдыхомъ, со сномъ, легко переносится здоровымъ организмомъ, то для скуки нѣтъ времени проявиться. Иное дѣло, когда усталость чрезмѣрна, не устраняется отдыхомъ, но утверждается въ слабомъ организмѣ. Такимъ путемъ получается истощеніе.

Человѣкъ истощенный, навсегда осужденный на усталость, — все равно получилъ-ли онъ это состояніе по наслѣдству или пріобрѣлъ его лично, — всю жизнь испытываетъ скуку. Онъ не способенъ на усилія, чувствуетъ себя ничтожнымъ, пустымъ. Онъ дѣйствуетъ безъ порыва, безъ радости и увѣренности. Онъ лишенъ необходимаго воодушевленія въ дѣлахъ обыденной жизни, которое является пріятнымъ спутникомъ здоровья и веселаго настроенія. Его умъ работаетъ съ трудомъ, его личность затемняется; онъ догадывается, что ему мѣшаетъ слабость и возбужденіе, что онъ стоитъ на пути ошибокъ и глупостей. Къ скукѣ отъ сознанія, что дѣйствуешь при наличности безсилія, присоединяется еще страданіе отъ неудачъ и ошибокъ.

Часто-ли встрѣчается такое истощеніе, отражающееся на духѣ? Для того, чтобы утвердилось такое состояніе, необходимо предрасположеніе и оно встрѣчается нерѣдко; оно быстро развивается у людей слабыхъ отъ рожденія, истеричныхъ, неврастениковъ¹⁾ и надорвавшихъ здоровье. Тогда какъ у

¹⁾ Докторъ Жанэ такъ опредѣляетъ истерію: „умственное страданіе относящееся къ группѣ страданій отъ слабости, отъ истощенія мозга“; онъ находитъ у истеричныхъ «настоящую скуку, ко-

человѣка крѣпкаго, всякая усталость легко проходить и скоро восстанавливается, предрасположенный къ истощенію устаетъ до крайности и, видя это, постоянно испытываетъ скуку.

Важно каждому изъ насъ найти состояніе равновѣсія и сообразовывать съ нимъ свои силы и желанія. Спрашивается, если такое равновѣсіе найдено, будемъ-ли мы застрахованы отъ фактора скуки-истощенія? Ни въ какомъ случаѣ. Располагая браннымъ тѣломъ, мы находимся въ зависимости отъ жизненной усталости, отъ этого, развивающагося съ годами, прогрессивнаго истощенія, которое постепенно подтачиваетъ насъ. Скука начинается съ разрушеніемъ нашего здоровья, которое является нашимъ побѣднымъ оружіемъ и первымъ изъ наслажденій. Скука растетъ на счетъ уменьшенія зарегистрированныхъ ощущеній. Это какъ бы негативъ, возрастающій на счетъ позитива, пустота, создаваемая уменьшеніемъ заполненности.

Наши дѣйствія имѣютъ физическую основу, а все физическое разрушается съ годами и, по жестокому закону, духъ, развиваясь, обогащается, а тѣло въ это-же время разрушается. Бессиліе настигаетъ насъ прежде, чѣмъ желаніе съ своими неистощимыми предложеніями замѣтитъ, что его средства не годны къ употребленію. Всѣ мы переживаемъ самихъ себя. Люди ловкіе и счастливые, увернувшіеся отъ ран-

торую нельзя разсѣять никакими развлеченіями и эта болѣзнь, состоитъ изъ желаній и бессилія". *Etat mental des hystériques.* „Неврастенія можетъ быть разсматриваема подъ тѣмъ же именемъ хронической усталости“. *Féré. La famille névropathique 2 éd. Paris. F. Alcan.*

ней и воображаемой скуки, не избѣгнуть скуки зрѣлыхъ лѣтъ, заката жизни, скуки, какъ слѣдствія надвигающейся дряхлости, нарушающей и радость, и трудъ, примѣшивающейся къ чувствамъ и мыслямъ.

Скука со дня на день упрочивается въ насъ, благодаря истощенію тѣлесной матеріи и растущей путаницѣ нашихъ функцій. Она создается на счетъ нашихъ потерь и разрушеній, мы придвигаемся къ неизбѣжному концу. Скука скажется въ наслоеніяхъ мертвыхъ клѣточекъ, въ отвердѣваніи и меньшей подвижности суставовъ, все въ большемъ отвердѣваніи сосудовъ, въ непоправимой дряблости тканей, въ охлажденіи крови, въ потухшемъ зорѣ, въ нетвердой походкѣ, въ дрожаніи рукъ. Если взять это физическое ослабленіе со стороны психическаго вліянія на нашу жизнь, то окажется, что оно суживаетъ нашъ жизненный кругъ, лишаетъ насъ многого, что дѣлало жизнь пріятной, что наполняло наши дни; оно влечетъ за собою ослабленіе воображенія и бессиліе воли, которая предоставляетъ другимъ пользоваться благами жизни.

Истощеніе, это полуболѣзненное явленіе, вызываетъ въ колеблющемся умѣ волнующія сомнѣнія и страданія; является борьба духа съ тѣломъ, ускоряющая разрушеніе, скрытая борьба между смертью и жизнью, между ненасытными желаніями и несоотвѣтствующей силой нашего организма. Мы хотимъ жить, а на дѣлѣ умираемъ. Между нашими желаніями и нашими силами вѣчно возникаютъ недоразумѣнія. Каково состояніе нашего здоровья въ продолженіи одного дня? Воля приказываетъ, а орга-

низмъ отказывается повиноваться. Между приказаніями и исполненіемъ глубокая, сводящая съ ума пропасть, и наше существо какъ бы надтреснуто, раздвоено. Эта тоскливая провѣрка своихъ силъ, эти страшныя напоминанія потребности счастья, словомъ эта раздирающая борьба между увеличивающимся безсиліемъ и не сдающимися желаніями и составляетъ предметъ и драму скуки.

Есть такія индивидуальности, у которыхъ скука подобнаго рода имѣетъ уже готовую почву; это почти патологическіе темпераменты, въ которыхъ соединяется физическая слабость съ мозговымъ возбужденіемъ, таковы невропаты, вырождающіеся, и всѣ неуравновѣшенные; мозгъ, будучи не полнымъ хозяиномъ своихъ приказаній, увеличиваетъ капризы, которые ведутъ тѣло къ банкротству.

Большинство хроническихъ болѣзней, медленно, но предательски вѣдряющихся въ насъ, ведутъ къ трагическому раздвоенію. Духъ, оставаясь достаточно здоровымъ, занятый мечтами, утомляетъ и истощаетъ тѣло, игнорируя его истощеніе; но не волѣ достанется послѣднее слово! Наше я какъ-бы разрѣзано на два я, не признающихъ другъ друга и потому открывается постоянный, зловѣщій и грозный споръ.

Повидиму, желаніе должно уступить; этого требуетъ и разсудокъ. Человѣкъ, страдающій все усиливающейся усталостью, долженъ отказаться съ необходимой суровостью отъ ослабляющихъ чувственныхъ удовольствій, отъ возбуждающихъ честолюбивыхъ замысловъ, отъ всевозможнаго рода излишествъ и фантазій. «Отрекайся! отрекайся! вотъ, что еже-

часно кричить тебѣ хриплый голосъ» ¹⁾! Да, отречемся во время и искренно; только слабые характеры способны тянуть безконечно эти желанія, являющіяся уже только спазматически. Строгій режимъ обновить нашу атмосферу; въ его предписаніяхъ есть своя прелесть, своя гордая добродѣтель: мудрость, олимпийское спокойствіе, душевный миръ, горделивое презрѣніе къ пустой жизни. Глупо препираться съ истощеніемъ, бороться противъ неизбежнаго. Но гдѣ должна начаться наша строгость? Желаніе поддерживает наше существованіе; если желаніе будетъ отсутствовать, то мы обратимся въ трупъ, умремъ раньше времени отъ истощенія. Желать значитъ жить, жить значитъ желать; эти два термина всегда и вездѣ замѣнимы другъ другомъ. Но мы не можемъ отвернуться отъ нашихъ умирающихъ желаній; мы возлагаемъ на нихъ наши послѣднія надежды и до конца поддерживаемъ ихъ.

Истощеніе можетъ быть умственное; ибо умъ можетъ быть преждевременно истощенъ, безъ явныхъ проявленій истощенія въ тѣлѣ. Что тогда выходитъ Намъ надоѣдаетъ дѣятельность; наша любознательность ослабляется, воображеніе перестаетъ работать; альтруистическія чувства, этотъ даръ великодушія, погибаютъ въ насъ; сердце черствѣетъ. Не любить, не имѣть страстей, едва дѣйствовать, это значитъ затвориться въ тѣсномъ и холодномъ кругѣ, въ обществѣ со скукой. Такое одряхлѣніе происходитъ не сразу, но неизбежно для всѣхъ. Оно имѣетъ свои степени, но оно всеобщій фактъ, и мы постоянно наблюдаемъ

¹⁾ Гёте, Фаустъ.

его. «Какъ-бы я хотѣлъ увлечься омаромъ съ горчицей, гризеткой или хотя бы коллекціей минераловъ!» говоритъ Фантазіо, въ своихъ блестящихъ пѣсняхъ на тему скуки.

Сентъ Бѣфъ, болѣе глубокій чѣмъ Мюссе, выражается такъ (въ 1839 г.): «Я явился на свѣтъ вполне безучастнымъ. Что нужды въ томъ, лишь-бы я что нибудь дѣлалъ по утрамъ и гдѣ нибудь былъ-бы по вечерамъ»!

Викторъ Гюго великолѣпно передаетъ эту безконечную разочарованность:

«Развѣ я все ужъ изчерпалъ, жизнь, любовь, радость, надежду?

Я жду, я прошу, я умоляю;

Я поочереды наклоняю мои урны,

Чтобы изъ каждой получить еще по каплѣ» ¹⁾!

У Боделера, страдавшаго наслѣдственнымъ истощеніемъ мы находимъ богатство образовъ, когда дѣло касается внутренняго ничтожества:

«Мертвый духъ, когда-то любившій битву!

Окрылявшая тебя надежда

Отказывается тебѣ служить. Спи безъ стыда,

Старая кляча, оступающаяся на каждомъ шагу.

Сдавайся сердце, спи сномъ животнаго». ²⁾

Истощеніе духа, которое гаситъ наши способности и увѣчить насъ, ведетъ за собою скуку; но тотъ, кто соглашается ограничить себя, ослабляетъ жестокость пораженія; покорность обезоруживаетъ скуку.

¹⁾ Les Contemplations.

²⁾ Le Goût du neant.

Скука, рождаясь на почвѣ разстроеннаго организма, находится подъ вліяніемъ тѣлесныхъ явленій. Изъ простаго ежедневнаго опыта, мы поймемъ ея механизмъ. Я прогуливаюсь, иду веселымъ шагомъ, дорога манитъ меня; я люблю ширь горизонта, прелестью пейзажа... Вдругъ, спустя нѣкоторое время, неожиданный голосъ произноситъ во мнѣ: я скучаю! Что же произошло? Явленіе, называемое усталостью. Мускулы утомлены, сердце бьется безпорядочно, мозгъ получаетъ испорченную кровь, наша мысль, недавно еще изобрѣтательная и подвижная, занимавшая насъ своимъ теченіемъ и своими скачками, сбивается, дѣлается тяжелой, глаза затуманиваются, надо возвращаться; ибо это и есть скука.

Скука имѣетъ свои кризисы, которые выражаются въ сильномъ душевномъ страданіи.

Скука отъ истощенія, съ ея патологическими элементами, отличается особенно сильными, ужасающими кризисами. Это ощущеніе сухости, остановки жизни, внутренняго замерзанія или внезапной и сводящей съ ума тоски, заставляющей насъ искать во что бы то ни стало возбуждающихъ развлеченій. Особенной чертой этого состоянія является невыносимое чувство безплодности нашей жизни, отсутствіе теченія, могущаго унести насъ, неспособность дѣйствовать; это ужасное страданіе; это такая скука, отъ которой человѣкъ готовъ кричать, сойти съ ума, броситься на землю и кататься, скука, требующая немедленнаго облегченія.

Припадки скуки бываютъ другой формы. Иногда это апатія или полная прострація, длящаяся днями,

недѣлями и отъ которой трудно избавиться; иногда — психическая подавленность; иногда только минутное, непріятное ощущеніе, или скоропроходящее мрачное настроеніе, изъ за котораго мы прерываемъ чтеніе, разговоръ, работу. Обыкновенно легко уловить органическую причину, но мы съ невѣроятнымъ упорствомъ относимъ къ нравственнымъ причинамъ то, что относится къ физическимъ; изъ за неумѣстнаго тщеславія мы забываемъ, что побудительныя причины нашего настроенія надо относить къ физиологическимъ и принимаемъ функціональное расстройство, подвѣдомственное гигиенѣ, за припадокъ скуки.

Скука отъ истощенія упрочивается и дѣлается хроническимъ состояніемъ; мы чувствуемъ её въ давящей тяжести, въ безпорядкѣ въ мысляхъ, въ странныхъ побужденіяхъ. Это постепенное погруженіе въ инпохондрію, въ безсиліе и въ болѣзнь. Мы ощущаемъ въ себѣ внутренній холодъ; наша мысль вызываетъ о помощи, и анатія все болѣе и болѣе охватываетъ насъ.

Истощеніе есть органическій недостатокъ, который почти не признается и мы глухо вѣримъ въ чудеса совершаемые волей¹⁾. Когда мы испытываемъ тягостную, раздражающую скуку, то вмѣсто того, чтобы разобратся въ ея глубокихъ причинахъ, намъ правится жаловаться на недостатокъ возбужденія или на отсутствіе интереса въ окружающихъ вещахъ, и мы опять ищемъ опасныхъ возбужденій и неблагоприятныхъ развлеченій.

¹⁾ Могущество воли преувеличено въ утѣшеніе слабымъ людям и Гете сказалъ ложь, говоря: „Умирають, только когда хотять умереть“.

Рациональнымъ средствомъ отъ истощенія будетъ не новое истощеніе, а отдыхъ. Есть разные способы отдыхать: во первыхъ сонъ — превосходный отдыхъ, во вторыхъ пріятныя и безвредныя развлеченія, замѣняющія гимнастику, (игры, развивающія ловкость, спортъ).

Есть скука поверхностная, едва сознаваемая, которая непрерывно появляется и пропадаетъ, исчезая сама собою; она выражается слѣдующими симптомами: утомленіе вниманія, замедленіе теченія мыслей, неловкое движеніе, дурное настроеніе. Она похожа на то неопредѣленное раздраженіе, которое проходитъ съ перемѣной положенія, съ передвиженіемъ рукъ и ногъ или на стѣсненіе въ груди, происходящее отъ недостатка воздуха, на начинающееся небольшое удушье, отъ котораго избавляются глубокимъ дыханіемъ. Такія явленія скуки, зависящія отъ ослабленія нервной силы, отъ колебанія психического тонуса и неравномѣрности біологическаго обмѣна, ежеминутны. Чтобы избавиться отъ нихъ, мы инстинктивно прибѣгаемъ къ разнымъ формамъ отдыха и развлеченій: мы засыпаемъ, вытягиваемся, дѣлаемъ нѣсколько шаговъ, зажигаемъ сигару или же выходимъ изъ дому, идемъ къ другу, заводимъ пріятный разговоръ, думаемъ объ удовольствіи. Мы хотимъ снова найти уравниовѣшенность. Бываютъ часы, когда намъ необходимо дружеское рукопожатіе, твердое слово, веселый смѣхъ; наши глаза хотять отдохнуть, глядя на звѣзды, а ноги ищутъ удобной опоры.

Глубокое и коренное истощеніе нельзя исправить; изгнать скуку, обратившуюся въ патологиче-

ское состояніе также трудно, какъ возстановить обвѣтшавшее тѣло. Что-же дѣлать въ такомъ случаѣ? Нужно устроить отдыхъ и принять особенныя мѣры. Придется предаться сну, всѣмъ родамъ сна; подражать неподвижности и спокойствію мертвыхъ. Предпріятіе трудное, такъ какъ желаніе жить беспокоитъ насъ до конца и истощеніе, котораго избѣгнуть люди умѣренные, особенно свойственно людямъ живущимъ волненіями, быстро старящимся, людямъ страстнымъ, неумѣреннымъ, надрывающимъ свои силы, искателямъ приключеній и безумствъ, требующимъ отъ своихъ нервовъ невозможнаго и тѣмъ приближающихъ смерть.

Люди богатые могутъ выбрать себѣ покойный и сообразный вкусу образъ жизни и ихъ истощеніе обращается въ позолоченную скуку. Также легко помирятся съ этимъ аристократы по уму и развитію; отказавшись отъ многого, они оставляютъ себѣ иронію, отражающую въ себѣ цѣлый міръ.

Можетъ быть, только люди съ большимъ и тонко-развитымъ, созерцательнымъ умомъ и имѣющіе кромѣ того матеріальныя средства, способны съ трансцендентнымъ презрѣніемъ отдаться покою, подобному покою мертвыхъ и утѣщаться тонкими умственными наслажденіями; но большая часть людей, рабы привычки, побуждаемые глупостью, тщеславнымъ желаніемъ повеселиться не смотря ни на что, лечатся отъ истощенія и скуки усиленнымъ возбужденіемъ и разнаго рода отравленіями: злоупотребляютъ алкоголемъ, табакомъ, морфіемъ, эфиромъ и всѣми ядами ума и воли. Нервная система на время опьяняется, и въ этомъ опьяненіи исчезаетъ мучи-

тельное чувство безплодности и безсилія. Но это состояніе непродолжительно: за искусственнымъ подъемомъ нервной системы, во время котораго все кажется въ розовомъ свѣтѣ, наступаетъ реакція; все является въ черномъ свѣтѣ. Все это давно извѣстно, но не служитъ къ исправленію людей, такъ какъ, когда основой души является отчаяніе, ничто не помогаетъ противъ этого невыносимаго состоянія. Будемъ знать по крайнѣй мѣрѣ, къ чему ведутъ эти ужасныя средства.

Чтобы спастись отъ скуки, глухой къ увѣщаніямъ ума, прибѣгаютъ къ такимъ убійственнымъ средствамъ, какъ азартная игра или глупое пари: «Я убилъ бы себя ради шутки», говорилъ Мопассанъ съ отчаяніемъ въ душѣ; пускаются въ преступный развратъ, въ безнравственность; предаются ужаснымъ порокамъ, нероновскимъ фантазіямъ, сатанизму и цинизму.

Моралистъ могъ бы здѣсь многое сказать, но его краснорѣчіе пропало бы даромъ: человѣкъ сознается въ своемъ безуміи охотнѣе, чѣмъ можно было бы думать, но въ то же время онъ утверждаетъ, что не можетъ безъ этого обойтись и за свое признаніе хочетъ, чтобы вы согласились съ тѣмъ, что это для него неизбежно.

Среди жертвъ скуки есть особенно знаменитыя, страдавшія отъ скуки особенно сильно. Они сдѣлались, такъ сказать, ея героями и скука сдѣлалась ихъ постоянной мыслью, постояннымъ вдохновеніемъ. Призовемъ ихъ въ свидѣтели, но не будемъ приводить ни ихъ біографій, ни длинныхъ текстовъ, потому что это лица историческія и ихъ произве-

денія у всѣхъ подъ руками. Достаточно будетъ краткихъ указаній, которыя каждый можетъ пополнить. Мы назовемъ г-жу дю-Дефанъ, Шатобріана, Мюссе и Мопассана.

Къ категоріи людей, страдающихъ скукой отъ истощенія, мы отнесемъ прежде всего г-жу дю-Дефанъ. Это типичный и извѣстный случай. Знаменитая маркиза, испытывавшая всѣ умственные и чувственные возбужденія, рано дошедшая до разочарованія, оказалась на краю могилы; но она не соглашается на эту преждевременную смерть, ея чувства и умъ возмущаются; она желала бы чувствовать, любить, она «жаждетъ счастья»; она нашла опредѣленіе своей болѣзни: это страданіе отъ невозможности жить чувствами. Она подробно описываетъ, тонко анализируя, свою скуку и ея причины; соберемъ изъ ея переписки ея горячія жалобы:

«Вы не представляете себѣ, какъ я ненавижу жизнь, какъ мнѣ наскучило жить, какъ мнѣ вовсе не утѣшительно то, что я родилась» ¹⁾. «Я нахожу въ себѣ только пустоту. Я стараюсь найти изъ этого выходъ; я цѣплюсь за все что только могу, и все это вызываетъ во мнѣ презрѣніе, недовольство, отвращеніе къ жизни, которая можетъ быть годна на что нибудь; и это же помогаетъ мнѣ терпѣливо переносить старость и умѣряетъ живость и чувствительность» ²⁾. «И ничего не боюсь въ мірѣ, кромѣ скуки, все для меня будетъ подходящимъ, что можетъ устранить ее; у меня нѣтъ счастливаго дара

довольствоваться собой; чтеніе меня мало занимаетъ, а размышленіе безконечно печаливаетъ. Я не похожа на извѣстнаго святого отца изъ Тура, который говорилъ, что никогда не бываетъ такъ счастливъ, какъ когда довольствуется самъ собою. Мнѣ очень нужно было-бы, быть похожей на него; ничего другого, не предпочла-бы я такому наслажденію. Отъ рожденія я вовсе не веселая; прошедшее мнѣ напоминаетъ огорченія и несчастья, а будущее не общаетъ мнѣ ничего пріятнаго» ¹⁾. Она изслѣдуетъ вещи до конца и искусно находитъ ихъ пустоту. «Нужно признаться, говоритъ Шереръ, посвятившій ей длинное изслѣдованіе ²⁾, что она кажется предназначенной къ страданію, которое впоследствии вполне завладѣваетъ ею. У нея есть тонкость вкуса, которая дѣлаетъ людей исключительно легко уязвимыми, и способность постигать глубину вещей, то есть убѣждаться въ ихъ бѣдности. Она говоритъ, что знаетъ свѣтъ и давно замѣтила, что людей можно раздѣлить на три класса: обманывающіе, обманутые и болтуны. Въ немъ есть глупцы надобѣдающіе ей своими общими мѣстами, и есть талантливые, но низкіе, лживые и завистливые... Она также неумолимо относилась и къ себѣ самой. Нѣтъ ничего печальнѣе, какъ ея воспоминанія. Ей кажется, что она никого не знала, и ее никто не зналъ... Она находитъ, что ея ума едва хватаетъ на то, чтобы онъ могъ понять свои границы. Ея способности неполны. У нея нѣтъ достаточной силы ума, чтобы

Le¹⁾ttre à H. Walpole en 1767 Correspondance complète de la marquise du Deffand, publiée par M. de Lescure; Paris, Plon 1865.

²⁾ Lettre à H. Walpole, en 1768.

¹⁾ Lettre à H. Walpole, en 1775.

²⁾ Ed. Scherer. Etudes sur la littérature contemporaine t. III.

быть талантомъ; она понимаетъ, но не умѣетъ сдаться; у нея живой умъ, но эта живость ею совѣмъ заброшена. Если ей вѣрить, у нея бываютъ моменты, когда она хотѣла-бы поглупѣть. Таковъ пессимизмъ, презирающій все и прежде всего самого себя. И такъ какъ все ничтожно, то она ничѣмъ и не интересуется. У нея нѣтъ страсти, желаній, и даже любопытства». — Переписываясь съ Вольтеромъ, она получаетъ отъ него слѣдующіе, умные совѣты: «Но вы, сударыня, хотите читать такъ, какъ ведутъ разговоръ и ждутъ новостей? Берете книгу, читаете, затѣмъ бросаете и берете другую, не имѣющую никакой связи съ первой, затѣмъ бросаете и ее, чтобы взяться за третью? Въ такомъ случаѣ, вы не получите большого удовольствія. Чтобы получить удовольствіе, нужно немного страсти, интереса къ дѣлу и опредѣленнаго желанія къ самообразованію, постоянно занимающаго душу. Это трудно найти, и это трудно дается. Вы пресыщены, вы хотите только забавляться, я это хорошо вижу, а развлеченія все еще рѣдки»¹⁾. Сравнивая себя съ M-me de Sévigné и умаляя себя, она говоритъ о себѣ: «Я ни въ чемъ не похожу на M-me de Sévigné; на меня не производятъ впечатлѣнія вещи, мало меня касающіяся; ее все интересовало, подогрѣвало ее воображеніе, мое-же какъ ледъ. Иногда я воодушевляюсь, но это только на минуту: проходитъ моментъ и то, что меня занимало, стирается до такой степени, что я забываю занимавшее меня». «M-me de Sévigné, прибавляетъ Sainte-Beuve, у

¹⁾ Voltaire à M-me du Deffand 1759.

котораго мы взяли приведенную цитату, умѣло вела свою жизнь и умѣло пользовалась своей чувствительностью»¹⁾. Внѣшній видъ M-me du Deffand выдавалъ непоправимый изъянъ. Вотъ ея удивительно похожій портретъ: когда она была не воодушевлена разговоромъ, ея очень блѣдное лицо выражало угрюмую грусть и во всей ея фигурѣ замѣчалось особаго рода строгая неподвижность, въ которой было что-то поразительное. Она говорила всегда съ удовольствіемъ, но въ глубинѣ души чувствовала лѣнь и хорошо опредѣляла себя говоря, «что она любила носиться въ туманномъ». «Она никогда не спорила, говоритъ M-me Genlis, и съ разсѣянностью защищала свое мнѣніе. Возражать ей было почти невозможно, ибо она не слушала или уступала и торопилась начать говорить о другомъ»²⁾.

«Однакожь, какое мнѣ до этого дѣло», восклицаетъ она однажды заинтересовавшись было какимъ-то событіемъ. Можно далеко зайти съ такимъ припѣвомъ и его можно прибавлять ко множеству вещей!

Скука Шатобриана много занимала критику: её считали самобытной, вопреки ея неестественности. Считая ея существенной причиной истощенія, мы отнимаемъ отъ нея поэзію, которою онъ тщеславно пользовался описывая свои душевные состоянія. Напыщенный и тщеславный, онъ меньше чѣмъ кто либо допускалъ скромныя психо-физическія объясненія. Онъ испробовалъ много разныхъ

¹⁾ Causeries du lundi t. XIV.

²⁾ Le président Hénault et M-me du Deffand, par Lucien Perey; Paris, Calmann Lévy 1893.

положений, былъ честолюбивъ, непостояненъ и изворотливъ въ своихъ превращеніяхъ и страдалъ раннимъ истощеніемъ и разочарованностью. Это былъ надменный творецъ новѣйшихъ умышленныхъ, циничныхъ вождельній, жадный къ наслажденіямъ и къ власти въ здѣшнемъ мірѣ, такъ какъ въ концѣ концовъ небо все же пусто, а земное царство можно улучшить стараніями поколѣній. Онъ такъ сильно нажималъ эту великую пружину жизни, что казалось онъ нашелъ ей новое приложеніе, почти изобрѣлъ новую страсть, для которой нужно было подыскивать новое названіе. «Скрытое томленіе», «безпредѣльность страстей», «зло вѣка», все что составляетъ сущность Рене, послѣдующихъ произведеній, въ которыхъ онъ развиваетъ Рене, и наконецъ романтизма, вышедшаго изъ его произведеній, все это можетъ быть резюмировано въ такомъ старомъ словѣ, какъ слово желаніе.¹⁾ Шатобрианъ, это человѣкъ хотя и истощенный своими желаніями и мечтами, но все же человѣкъ съ выдержкой; что же касается его преемниковъ, то они истощали себя скорѣе грубой чувственностью, алкоголемъ и посѣщеніемъ дурныхъ, предосудительныхъ мѣстъ.

Рене создаетъ оргіи въ воображеніи. Фантазію у Мюссе, чтобы увлечься мечтами, прибѣгаетъ къ вину «Фантазію это Рене послѣ выпивки».²⁾ Шатобрианъ изслѣдуя вещи, жадно отыскивая ихъ ничтожность, этимъ, съ одной стороны, льстилъ самому себѣ, съ другой же быстро утомлялся разнообраз-

¹⁾ Melchior de Vogüé, Une âme de désir; Heures d'histoire p. 79.

²⁾ Mot de Gaston Deschamps.

разными попытками взяться за дѣло. Никто не жилъ воображеніемъ, болѣе чѣмъ онъ, говорить о немъ М. G. Lanson,¹⁾ и въ этомъ можно найти объясненіе и его гордости и его бездѣйствію. Съ дѣтства онъ привыкъ находить въ мечтахъ легкія и полныя радости и побѣды. Онъ создалъ себѣ міръ идей и чувствовалъ себя властелиномъ, создалъ себѣ всѣ радости, все величіе, ни въ комъ при этомъ не нуждаясь. Онъ чувствовалъ себя выше людей. Его гордость и воображеніе уносятъ его въ безконечность. — Что могло выйти изъ этого? Острое чувство пустоты, безконечная зѣвота и безмѣрная скука. Шатобрианъ пристыгнулъ къ своему я всю свою жизнь. Онъ поставилъ себѣ цѣлью ощущеніе, а не дѣйствіе. Онъ ищетъ наслажденія въ мечтахъ, а не въ дѣйствительности. Но чувствительность притупляется, ее надо возстановлять безъ конца. Мечты даютъ лишь минутное наслажденіе, которое сейчасъ же исчезаетъ; оттого что онъ отказывался реализовать свои мечты, душа его оставалась пустой и праздною и онъ вновь впадалъ въ свое ничтожество. Вѣчное самообожаніе подъ конецъ давило его. Только дѣятельный эгоизмъ даетъ удовлетвореніе. Чувственной эгоизмъ печаленъ. Но туманныя и податливыя воображаемыя страданія не могли бы одни создать истощеніе. Воображаемое, зависящее отъ насъ не мучаетъ насъ такъ, какъ независящее отъ насъ дѣйствительное. Хотя молодой человѣкъ и говорить про себя, что много перестрадалъ, и пере-чувствовалъ въ воображеніи, тѣмъ не менѣе онъ

¹⁾ Histoire de la littérature française, 1898.

сохраняет мягкость и наивность души, ибо онъ еще не сильно помнитъ жизнь. Страданія, скорѣе выдуманныя, чѣмъ пережитыя, легко испаряются. Если, напротивъ того, нашимъ мучителемъ является дѣйствительность, то мы выходимъ изъ ея рукъ огрубѣлыми и странно измѣнившимися. Шатобрианъ своей искренней и неизлѣчимой скукой обязанъ дѣйствительно тяжелымъ годамъ своей жизни, своей страстной мечтательности, недостатку вѣры и вдохновенія, своему чувству абсолютнаго ничтожества жизни, о которомъ онъ много разъ говорилъ и которое явилось слѣдствіемъ отвращенія къ собственному эгоизму ¹⁾.

Альфредъ де Мюссе, послѣ пылкаго и страстнаго начала, выполнивъ бѣшенную программу сверхчеловѣческихъ наслажденій, страдаетъ скукою такъ рано, такъ глубоко и такимъ жалкимъ образомъ, что нельзя оспаривать у него органическаго истощенія ²⁾. Прислушайтесь какъ онъ выкрикиваетъ

¹⁾ Вотъ нѣсколько словъ, въ которыхъ Шатобрианъ выражаетъ свою скуку: «Съ начала моей жизни я постоянно испытываю грусть: я ношу въ себѣ зародышъ ея, какъ дерево заключаетъ въ себѣ зародышъ плодовъ. Мнѣ наскучила жизнь; скука всегда меня грызла. Будь я пасторомъ или королемъ, на что были бы мнѣ посохъ и корона?.. Я одинаково усталъ бы отъ славы и отъ гениальности, отъ работы и отъ досуга, отъ благоденствія и отъ несчастія...» И еще: «Въ мои лѣта, я уже былъ пресыщенъ удовольствіями, и не надѣялся увидѣть ничего лучшаго въ будущемъ, а мое пылкое воображеніе лишало меня еще и того, что я имѣлъ... Онъ говоритъ что эта склонность къ унынію у него отъ рожденія.— «Не успѣлъ я прожить нѣсколько часовъ, какъ время уже наложило свой отпечатокъ на мое лицо».

²⁾ Рибо въ своей книгѣ „La psychologie des sentiments“ р 412, объясняетъ характеръ Мюссе, его черты непостоянства и безпокойства быстрымъ истощеніемъ.

свою безразсудную ставку, этотъ чувственникъ и поэтъ-романтикъ:

«О посредственность! кто, вмѣсто другихъ благъ
Приносить въ отвратительное мѣсто, называе-
мое жизнью,

Только тебя, тотъ долженъ сказать: «все или
ничего»; иначе онъ будетъ жалкій трусъ!»

«Онъ слишкомъ много требовалъ отъ вещей-говорить Тэнъ ¹⁾: онъ хотѣлъ разомъ жадно насладиться всей жизнью; онъ не взялъ ея, не испыталъ, а сорвалъ какъ гроздь, надавилъ и скомкалъ ее и потому остался по прежнему алчущимъ». Начавъ юношескимъ взрывомъ пѣсенъ и страстныхъ рыданій въ безсмертныхъ стихахъ, онъ на этомъ и останавливается; его жизнь кончена; онъ ничего больше не знаетъ кромѣ скуки. Это слово мелькаетъ въ его сочиненіи на каждой страницѣ; его искалѣченная душа кристаллизуется въ этомъ таинственномъ терминѣ, который онъ повторяетъ съ такимъ удовольствіемъ. Фантазію модулируетъ прелестныя варіаціи на тему скука.—«Если-бы я, хоть на часъ или на два, могъ вылезти изъ своей шкуры! Если-бы я, могъ сдѣлаться этимъ прохожимъ!... Я не смогъ бы сдѣлать ни одного шага иначе, какъ по моимъ же вчерашнимъ слѣдамъ... О если бы, въ адъ былъ діаволъ! Если бы только былъ адъ! Съ какимъ удовольствіемъ я пустилъ бы себѣ пулю въ лобъ, чтобы только пойти посмотреть все это! Что за ничтожная вещь человѣкъ! Даже не мочь вы-

¹⁾ Histoire de la littérature anglaise, t. V.

прыгнуть изъ окна, не сломавъ себѣ ногъ! Цѣлыхъ десять лѣтъ надо играть на скрипкѣ, что бы сдѣлаться сноснымъ музыкантомъ! Учиться для того, чтобы сдѣлаться художникомъ; учиться для того, чтобы сдѣлаться конюхомъ; учиться, что бы сдѣлать яичницу»!...

Все это тонкая работа воображенія, представленнаго самому себѣ; но что можно сдѣлать съ такой помощью противъ истощенія? Тутъ нужна сила. Фантазія дѣлаетъ человѣка поэтомъ, она же создаетъ произведенія искусства; но обыденная жизнь требуетъ особенныхъ способностей. Жизнь подавляетъ мечтателей. Они берутъ верхъ надъ нею безпечною или ироніей. Мюссе же былъ серьезенъ до трагичнаго. Онъ поставилъ все на одну карту, этой картой была любовь; и когда она измѣнила ему, то онъ сталъ искать забвенія въ бредѣ и предался наихудшимъ соблазнамъ скуки, что и погубило его:

Въ стаканъ, въ которомъ я хочу потопить мои мученія,

Уроните лучше слезу сожалѣнія...

Пессимизмъ Гюи де Мопассана чувствуется въ его объективныхъ произведеніяхъ. Мы узнаемъ объ его ужасной скукѣ изъ его немногихъ признаній и по беспорядочности его безпокойной и какъ-бы безумной жизни. Почему мы помѣщаемъ его въ ряды истощенныхъ? Здѣсь діагнозъ поставленъ уже послѣ совершившагося факта; время лучше всего другаго открываетъ истину; трещина, обнаружившаяся въ *le Nôglà*, стала понятной для всѣхъ лишь на другой день послѣ катастрофы, когда авторъ

потерялъ рассудокъ. Отношенія физическаго и психическаго загадочны. Извѣстно, что степень сумасшествія, которое приписываютъ Ж. Ж. Руссо, такъ и остается спорной. Мопассанъ, одаренный физической энергіей больше, чѣмъ психической, долгое время предавался опьяненію чувственности; это отразилось на мозгу его и заставило оставить веселую жизнь. Онъ обязанъ своимъ талантомъ сильной волѣ и страшному труду (см. предисловіе къ *Pierre et Jean*); онъ принадлежитъ къ тѣмъ пейстовымъ натурамъ, которыя жаждутъ все перечувствовать и стремятся къ абсолютному (см. *Sur l'eau*). Его подтачивала дурная наслѣдственность; ему недоставало идеализма, который исправляетъ неприглядность жизни, создаетъ увлекательныя иллюзіи; онъ рано погрузился въ нравственный нигилизмъ и скуку. При всемъ томъ, онъ былъ выше своего страданія, такъ какъ не далъ ему перейти въ свои произведенія, а свое отчаяніе побѣждалъ трудомъ. Его примѣръ настолько типиченъ, что его стоитъ запомнить: у многихъ артистовъ талантъ, требующій изнуряющаго труда, часто встрѣчается одновременно со скукой. Когда они тратятъ всѣ свои творческія силы на то, чтобы творить, у нихъ не остается силъ для веселья и наслажденій. Вотъ выдержки изъ переписки, въ которыхъ проглядываетъ его тайна:¹⁾ «Милостивая Государыня... я Вамъ пишу потому что я невыносимо скучаю. Я ко всему отношусь равнодушно и провожу двѣ трети своего времени въ

¹⁾ Письма къ Маріи Башкирцевой написанныя въ 1884 г. и напечатанныя въ *Revue des Revues* 1 avril 1896.

глубочайшей скукѣ... Нѣтъ подь солнцемъ другаго челоуѣка, который скучаль бы больше меня. Мнѣ кажется нѣтъ ничего такого, что стоило-бы усилія, усталости. Я скучаю безъ отдыха, безпрестанно и безнадежно, потому что я ничего не желаю и ничего не жду... Почти все въ жизни для меня безразлично: мужчины, женщины, событія ¹⁾. Вотъ мое истинное *proffession de foi*, и я прибавлю, чему Вы не повѣрите, что я не больше дорожу собой, чѣмъ другими. Все состоитъ изъ фарса, скуки и убожества».

Мы лично имѣли случай обмѣняться нѣсколькими письмами съ Гюи де Мопассаномъ; мы находимъ въ одномъ изъ нихъ строки, составляющія какъ бы продолженіе предыдущихъ выписокъ ²⁾. «Я полумертвъ отъ усталости, отъ умственнаго недомоганія и отъ нервной болѣзни. Все мнѣ надоѣдаетъ, и для меня сносны лишь тѣ часы, когда я пину. И, находясь въ такомъ умственномъ и физическомъ состояніи, я право не знаю когда вернусь въ Парижъ, жизнь въ которомъ меня раздражаетъ и возбуждаетъ во мнѣ лишь одно отвращеніе. Я чувствую себя хорошо только, когда я одинъ, около моря или въ горахъ». Закончимъ эту главу, напомнимъ изложенную въ ней мысль. И умственное и физическое истощеніе, будетъ-ли оно результатомъ опредѣлен-

¹⁾ Это равнодушіе не было дѣланымъ; Céard утверждаетъ, что „это былъ наиболее равнодушный изъ всѣхъ, кого онъ только зналъ и что, когда онъ казался наиболее увлеченнымъ чѣмъ либо, въ ту-же минуту онъ былъ уже далеко отъ этого“. (Journal de Goncourt 20 Juillet 1893).

²⁾ Письмо помѣченное Aix les Bains 25 июня 1890 г.

наго предрасположенія или же слѣдствіемъ прожитыхъ лѣтъ, является одной изъ основныхъ и неустранимыхъ причинъ скуки.

ГЛАВА II.

Скука отъ недостатка въ разнообразіи и отъ недостаточной силы способностей.

Въ этой главѣ мы будемъ говорить о скукѣ людей слабыхъ умомъ, бѣдныхъ душою, негармоничныхъ натуръ, называемыхъ неудачниками и о тѣхъ безсильныхъ, которыхъ мы называемъ мечтателями. Все это люди истощенные отъ рожденія, не имѣющіе средствъ къ мотовству, какъ тѣ важные господа, о которыхъ мы говорили въ предыдущей главѣ; этихъ нельзя обвинить въ бѣснованіи. Ихъ истощеніе зависитъ отъ ограниченности ихъ способностей, бѣдности ресурсовъ; все, что неполно, немошно, быстро портится, ведетъ къ истощенію. Эти люди скучаютъ потому, что ихъ душа ничтожна, пуста, ихъ сознаніе слишкомъ бѣдно, чтобы дать имъ развлеченіе. Такъ какъ они неспособны къ широкому знанію, къ сильнымъ чувствамъ, плодотворной дѣятельности, то міръ для нихъ малъ, а жизнь однообразна. Они робки, посредственны, боятся дѣйствовать, чувствовать, дышать слишкомъ сильно, говорить слишкомъ громко. Это плохо приспособленные къ жизни ин-

ду индивидуальности, заранее предназначенны къ неудачамъ. Есть законный минимумъ счастья, золотая середина, но и ее не могутъ достигъ эти слабые, бѣдные отъ рожденія и несчастные люди; они никогда не поднимаются до гордости, до силы, смѣлыхъ и страстныхъ людей. Они постоянно испытываютъ скуку, такъ какъ ничто не можетъ помочь имъ противъ наслѣдственнаго истощенія. Начнемъ съ наиболѣе страдающихъ изъ этихъ обездоленныхъ.

Скука слабоумнаго. Есть слабоумные довольные, цвѣтущіе, но они рѣдки. Даже наиболѣе тупые приходятъ въ безпокойство и кончаютъ тѣмъ, что понимаютъ кое что. На всесвѣтномъ состязаніи, гдѣ каждый пользуется всѣмъ, чѣмъ можетъ, неоспоримая малоспособность вызываетъ столько несчастій, невыгодъ, что слабоумный, несмотря на свое чрезвычайное самодовольство, долженъ наконецъ почувствовать это и страдать. Между особенностями слабоумія и признаками скуки, есть точный параллелизмъ и подобіе. Слабоуміе предполагаетъ бѣдность и ложность мыслей, постоянную неловкость, пошлость и грубость ощущеній, недостатокъ воображенія, отсутствіе альтруизма, при помощи котораго мы обогащаемся и ассимилируемъ міръ. Пошлость и грубость ощущеній, оскорбительное ничтожество личности, готовое къ мести, боязнь неблагоприятныхъ сравненій, предчувствіе всевозможныхъ пораженій, достаточно всего этого, чтобы сказать, что слабоумный, имѣющій въ себѣ эти недочеты, предрасположенъ къ скукѣ. Слабый умъ страдаетъ и скучаетъ потому, что онъ какъ-бы слѣпъ отъ рожденія: въ его бѣдномъ мозгу все спутано; онъ знаетъ, что

есть люди счастливые, что есть насмѣшки побѣдителей. Но природа сжалилась надъ этими наиболѣе неудачными твореніями и надѣлила ихъ ничѣмъ незатрагиваемою безсознательностью и жестокимъ эгоизмомъ. Есть слабые умомъ, которые еще умѣютъ справляться въ жизни; они смутно сознаютъ свое невыгодное положеніе, но скрываютъ и отрицаютъ его. Находясь во главѣ семьи, группы людей, такой человекъ дѣлается ея центромъ. Онъ не переноситъ ни замѣчанія, ни упрека, онъ отказывается отъ чтенія, могущаго разстроить исповѣдуемые имъ догматы, отъ разговора, могущаго уменьшить его вѣру въ себя; средства его инстинкта самосохраненія просто удивительны. Онъ не знаетъ скуки или по крайнѣй мѣрѣ никогда не показываетъ этого, никогда не признается въ томъ что скучаетъ; наиболѣе пустые люди считаютъ нужнымъ выдавать себя не за то, что они есть. Рядомъ съ этимъ отвратительнымъ и иногда опаснымъ и злымъ существомъ, мы имѣемъ слабого умомъ съ безхитростнымъ характеромъ. Скука въ которой онъ, ничего не понимая, копошится, комическаго свойства: это скука паяца, находящаго веселье въ дурацкомъ смѣхѣ, въ глупѣйшихъ развлеченіяхъ; онъ готовъ болтать и потѣшать перваго встрѣчнаго своеобразными остротами. У него есть маленькія печали, по поводу которыхъ онъ разсыпается въ многорѣчивыхъ жалобахъ, слушать которыя непріятно, но онъ вовсе не безутѣшенъ и немногого требуется, что бы развлечь его.

Скука посредственности. Люди посредственные составляютъ большинство и они знаютъ свою силу¹⁾.

¹⁾ По Ломброзо, человекъ посредственный тѣ-же, что нормальный.

Посредственности легко дышется; ибо быть посредственностью его природное право. Надо отдать справедливость уравновѣшенности посредственного человѣка. Воображеніе не собьетъ его съ пути, у него нѣтъ безумныхъ идеаловъ. У него нѣтъ извѣстности, но онъ членъ большинства. Но какъ-бы онъ ни былъ доволенъ собою, наша задача показать, что и онъ скучаетъ. Посредственный человѣкъ скучаетъ потому, что онъ не даетъ жизненному пламени разгорѣться до полного огня, онъ слишкомъ расчетливъ, ему хочется жить очень долго; въ немъ есть скупость, боязливость и трусость. Онъ не способенъ отдаться чему-нибудь, не способенъ къ сильной и смѣлой жизни, которая завела-бы его дальше, чѣмъ онъ желаетъ и подняла бы его надъ посредственностью. Съ этимъ человѣкомъ никогда не случалось ничего особеннаго, и онъ можетъ поклясться, что и впредь съ нимъ никогда ничего особеннаго не произойдетъ. А между тѣмъ ему тоже было-бы пріятно гордо выставить свою грудь, имѣть кое-что поразсказать о своихъ подвигахъ; только тотъ, кто желаетъ многое извѣдать, отличается смѣлостью рѣчи и величавостью манеръ.

Боясь смѣло смотрѣть на міръ; посредственный человѣкъ не знаетъ его блеска, онъ съ дрожью слѣдитъ за своими желаніями, мыслями; у него есть

человѣкъ, рутинеръ, противникъ всего новаго, вполне прирученный. Это типъ, который Викторъ Гельмъ опредѣляетъ такимъ образомъ: «продуктъ привычки, лишенный фантазіи, благоразумный, украшенный всѣми добродѣтелями посредственности, ведущій честную жизнь, благодаря незначительности потребностей, медленно соображающій, съ трогательнымъ терпѣніемъ танущій за собою всю тяжесть предразсудковъ, унаслѣдованныхъ отъ отцевъ».

какое то отвратительное стремленіе прервать тотчасъ же все, что напоминаетъ увлеченіе, порывъ, непосредственность; онъ умѣетъ быть благоразумнымъ, умѣетъ быть ничтожнымъ и заботится объ этомъ искусствѣ также, какъ другой заботится о своемъ талантѣ, о своей специальности; онъ рѣдко позволяетъ себѣ повеселиться и то съ оглядкой. Боясь мнѣнія людей, онъ всегда угнетенъ сильной и неясной тревогой, которая душитъ его неполными радостями и парализуетъ душевную дѣятельность.

Въ такой жизни конечно должна царить тупая и неясная скука; посредственный человѣкъ не можетъ сознать и понять жизнь, а потому ничего не можетъ создать изъ нея. Это скука манежной лошади, идущей по своимъ-же слѣдамъ; скука стараго слѣпого, котораго ведетъ собака. Эта скука выразится вообще дурнымъ расположеніемъ духа, злостью изподтишка, чувствомъ зависти и гнѣва противъ болѣе смѣлыхъ, которыхъ онъ видитъ на пути къ высшему жребію.

Скука физически слабаго человека. Физически слабый человѣкъ предназначенъ испытывать скуку, потому что его сложеніе обрекаетъ его на страданія и неудачи. Подъ именемъ физически слабаго мы подразумѣваемъ человѣка, у котораго съ тѣлесной немощью соединяется сильный и честолюбивый духъ. Такое соединеніе встрѣчается очень часто: современный человѣкъ отличается сильно возмущеннымъ мозгомъ и слабымъ организмомъ. Скука растетъ въ немъ также неизбежно какъ въ дурноустроенной печи получается дымъ. Конечно и духъ причастенъ отчасти общей слабости, но духъ какъ по рожденію,

такъ и по воспитанію можетъ быть выше своего тѣла, и плохо-ли, хорошо-ли, возбуждаетъ его, порождаетъ иллюзіи и мечты. Физически слабый, сжигаемый ни къ чему не приводящими желаніями, представляетъ намъ зрѣлище пламенной души, томящейся въ слабости тѣла. Заключение въ эту слабую, благодаря своей незаконченности, оболочку, онъ не можетъ избавиться отъ своеобразнаго и опредѣленнаго страданія. Вѣчно больной, дрожащій за свою шкуру, такой человѣкъ принужденъ оставаться безучастнымъ къ общимъ идеаламъ, которыя расширяютъ умы, къ страстямъ своего вѣка, волшебному вихрю, которыхъ такъ пріятно отдаться. Онъ можетъ жить только своей бѣдной, личной, благоразумно - замкнутой жизнью, т. е. жизнью крѣта, черепахи. Его скука будетъ безсиліемъ нервовъ и сознаніемъ своей неспособности.

Радость не звучитъ въ немъ полнымъ хоромъ и производитъ на слабые нервы едва замѣтное дѣйствіе. Онъ чувствуетъ себя страдальцемъ, жертвой и несчастнымъ, приговореннымъ къ вырожденію, отрицающимъ жизнь и призывающимъ смерть. Дружба утомляетъ его. Онъ никого не интересуется; его существованіе протекаетъ слишкомъ медленно и однообразно и кажется нескончаемымъ. Онъ мечтаетъ о жизни, о томъ что могъ-бы любить, о карьерѣ, которую могъ-бы сдѣлать, о незнакомыхъ ему радостяхъ, о славѣ, которой онъ могъ-бы достигнуть. Эта раздражающая сердце мрачная мечта и есть скука.

Скука незадачливаго. Незадачливый это неуравновѣженный человѣкъ, безобразно измѣнчивый, чу-

довище о двухъ головахъ; по мыслямъ онъ выше, чѣмъ по выполненію ихъ. Этотъ типъ по своей негармоничной конструкціи заключаетъ въ себѣ все необходимое для скуки. Незадачливый вѣчно въ разладѣ съ самимъ собою, разрывается между силою и слабостью, и, какъ амфибія, съ трудомъ живетъ и въ мечтахъ и въ дѣйствительности. Незадачливый человѣкъ быстро растрчиваетъ свои нервныя силы и скоро дѣлается истощеннымъ. Незадачливый это испробовавшій смѣлое предпріятіе и потерпѣвшій неудачу.

У незадачливаго есть нѣчто особенное въ мозгу, но что именно? Онъ поклялся себѣ, что создастъ *chef d'oeuvre* и надѣется, что сегодняшняя мечта завтра станетъ дѣйствительностью. Онъ принимается за работу съ яростью, подбодряемый прекрасной мечтой; онъ до боли напрягаетъ свои силы, но у него не хватаетъ способностей, недостаетъ непосредственныхъ ощущеній, плодотворной жизненности, чтобы облечь эти мозговые призраки въ опредѣленные образы. Безсиліе бросаетъ его на землю; онъ снова конвульсивно напрягаетъ волю, и снова берется за свои инструменты; онъ переходитъ отъ лихорадочнаго приступа къ безсильному истощенію. Наученный многими попытками, онъ снова принимается за нихъ, что бы провѣрить себя и, нерѣдко, бываетъ удивительно остроумнымъ и тонкимъ критикомъ самого себя. Онъ не можетъ отказаться отъ мысли сдѣлаться творцомъ, богомъ и не можетъ удовольствоваться званіемъ человѣка. Вѣдь и настоящіе гении начинаютъ ощупью, и кто же можетъ сдѣлать безошибочное предсказаніе?

Потерпѣвъ пораженіе, незадачливый снова набирается мужества; онъ пробуетъ изъ своего лихорадочнаго возбужденія создать силу; его отчаяніе будетъ однимъ изъ возможныхъ вдохновеній; въ худшемъ случаѣ, отчаяніе поведетъ его къ успѣху, а это уже нѣчто. Въ глубинѣ души онъ считаетъ себя, по меньшей мѣрѣ, выше своихъ неудачъ, выше своего несчастья и своихъ неудачныхъ произведеній. До самаго конца онъ стремится къ небу и кончаетъ тѣмъ, что разыгрываетъ роль побѣжденнаго Титана или бѣдняка, сломавшаго шею въ непріятномъ приключеніи. Такое существованіе можетъ по желанію принять всѣ формы скуки. Есть незадачливые всѣхъ сортовъ, во всѣхъ ремеслахъ, во всѣхъ слояхъ общества, но нигдѣ нѣтъ такого множества незадачливыхъ, какъ въ интеллигентныхъ и артистическихъ профессіяхъ, которыя ставятъ непримѣннымъ условіемъ достиженіе идеала или выполненіе подвига.

Скука людей съ незаконченной натурой. Незаконченная натура, это незадачливый, ничего не предпринимавшій; слабый, онъ признаетъ свою слабость и тѣмъ дѣлаетъ свою судьбу болѣе сносной. Мы должны быть краткими въ этихъ психологическихъ эскизахъ, указывая единственно черты, касающіяся предмета нашей работы. Незаконченная личность типична; ибо она остается такою всю жизнь и потомство такой личности будетъ по его образцу. Къ этой категоріи относится много лицъ религіознаго и артистическаго міра, много людей хилыхъ (физическая или психическая незрѣлость), занимающихся мирными профессіями и ведущихъ спокойную жизнь. Такія натуры отличаются скром-

ностью, ибо знаютъ, что находятся лишь въ предверіи рая, на порогѣ обѣтованной земли и едва завидуютъ торжеству задачливыхъ. Такіе люди не пробуютъ творить что-нибудь, ибо никогда не подавали большихъ надеждъ. Они сторонятся большой отвѣтственности, остаются при своемъ безсиліи и вовсе не хотятъ, чтобы были написаны ихъ біографіи.

Человѣкъ съ незаконченной натурой покорно переноситъ оцѣненію, сонливую скуку, лишь изрѣдко вздохнетъ или напишетъ плохонькую эллегію; это скука человѣка отставшаго въ дорогѣ, скука покорнаго калѣки, бѣдняка довольнаго всякой милостыней.

Скука мечтателя. Мечтатель, это человѣкъ, требующій отъ мечты наслажденій, которыхъ онъ не сумѣлъ получить на дѣлѣ. Мечтаніе, зависящая отъ насъ игра образовъ, доставляетъ большое наслажденіе. «Фантасмагорія души убаюкиваетъ меня какъ индійское уôghi и все становится для меня дымомъ, тѣнью, иллюзіей, паромъ, даже моя собственная жизнь. Мысль замѣняетъ опій; она можетъ опьянить вполне бодрствующаго и сдѣлать прозрачными горы и все что существуетъ» ¹⁾. Мечта, плѣнительная и опасная, какъ магія, даетъ намъ возможность обладать всею вселенной; она дѣлаетъ насъ владѣтелями всего свѣта, волшебными королями, царствующими надъ звѣздами, облаками и вѣтрами. Связные ряды точныхъ и яркихъ образовъ играютъ роль настоящаго обладанія. Видѣть значитъ имѣть; думать о

¹⁾ Amiel, Journal intime, t. I p. 109.

предметъ, это уже значить, дотрагиваться до него. Однако, мечта и дѣйствительность все же не тождественны. Невозможно долго плутовать съ истиной. Объятія призраковъ леденятъ и расслабляютъ и годятся лишь для малокровныхъ; сношеніе-же съ живыми горячо наэлектризовываетъ, принуждаетъ насъ защищаться и вѣрно направлять удары, придаетъ намъ бодрость и силу.

Неясная мечта тупого, нерѣшительнаго и соннаго ума, не знаетъ дѣйствительности и не совершаетъ побѣдъ; она оставляетъ насъ бѣдными, обезоруженными. Мечтатель, это бѣдный Пьерро, бесѣдующій съ луною; иностранецъ, упавшій съ облаковъ въ нашъ земной міръ, гдѣ все захвачено сильными; мистикъ, влюбленный въ туманнаго бога; отвлеченный мыслитель, погруженный въ думы о вѣчности; человѣкъ, увлеченный внѣшностью; факиръ, ослѣпленный своимъ экстазомъ; поэтъ, плѣненный своими пѣснями; чувственникъ опьяненный расплывающимися ощущеніями; курильщикъ опія; человѣкъ, живущій только въ своей душѣ. Онъ самъ себя уничтожаетъ, обезцвѣчиваетъ, разбрасывается, теряетъ свою сущность, истощая мозгъ. Онъ кончаетъ умственнымъ оупѣніемъ, каталепсической бездѣятельностью. Эти мечтанія бываютъ сначала удивительными и изящными, такъ какъ онѣ заключаютъ въ себѣ нѣкую умственную дѣятельность. Но, если эти мечты не снѣдаютъ объективироваться въ видѣ произведеній искусства и исходятъ лишь изъ внутреннего опьяненія, то умственная работа сокращается и даетъ одни пустые слова и спутанность мысли. Въ своемъ уединеніи, какъ въ пустынѣ, погруженный всегда

въ самого себя, мечтатель изнемогаетъ отъ сухой и безкровной, летаргической скуки; можетъ быть онъ хотѣлъ избѣгнуть ничтожества жизни толпы, но его настигло другое ничтожество.

Эти очерки указали отношенія характеровъ къ скукѣ. Теперь укажемъ кратко на особенности умственного склада, заключающія черты интересныя для нашего предмета.

Скука людей склонныхъ къ уединенію.

Мы утверждаемъ, что существуетъ ясно выраженная умственная или душевная оригинальность, которая обрекаетъ своего носителя на одиночество и скуку. Такіе люди рѣдки, они скрытны, загадочны и имъ трудно подыскать пару. Ихъ не будутъ ни любить, ни понимать; имъ трудно сойтись съ кѣмъ-нибудь, какъ-бы они того ни хотѣли, потому что никто ихъ не понимаетъ; а между тѣмъ обыкновенный пошлякъ находитъ по всюду себѣ подобныхъ, готовыхъ принять его въ свои братскія объятія.

Есть скука *человѣка раздвоеннаго*, то есть человѣкъ съ недостаткомъ въ конструкціи личности, выражающемся глубокой раздвоенностью; можно быть въ одно и то же время и чувственнымъ и интеллектуальнымъ, дѣятельнымъ и мечтателемъ, мистикомъ и положительнымъ. Если указывать имена, то Флоберъ былъ въ одинаковой степени реалистомъ и романтикомъ: «въ Теофилѣ Готье были двѣ соперничавшія души, которыя спорили между собою за обладаніе его талантомъ, съ одной стороны гальская душа, а съ другой созерцательная, которыя никогда не могли вполне помириться и всегда ссорились

между собой»¹⁾. Такая сильно выраженная и непоправимая двойственность расслабляет характер и ставит своего обладателя въ затруднительное положеніе, онъ располагаетъ всегда только половиной своихъ силъ и, неувѣренный въ своей личности, завидуешь простымъ, цѣльнымъ натурамъ.

Скука диллетанта. Диллетантъ или любитель, кандидатъ на талантъ, остановившійся на полдорогѣ, это черновой набросокъ личности творца. Это субъектъ, принужденный быть пассивнымъ зрителемъ, вѣчно находящійся въ состояніи выжидательнаго вниманія, безпокойный и нетерпѣливый, онъ нуждается всегда въ гипнотизерѣ и живетъ только внушеніями, отраженными волненіями и случайными ощущеніями. Въ то время, какъ человѣкъ съ творческимъ талантомъ, будущій полубогъ, чувствуетъ въ себѣ силу творчества и замыкается мѣсяцами и годами въ создаваемое произведеніе, диллетантъ, отъ нечего дѣлать, долженъ предпринимать путешествія, опредѣляемые модой или капризомъ, чтобы запастись случайными впечатлѣніями, долженъ подчиняться снобизму и выдумать себѣ искусственные вкусы. Онъ отчасти напоминаетъ человѣка физически слабого, который все время подвергается разнымъ вліяніямъ и теряетъ свое я, и отчасти незадачливаго.

Диллетантъ собираетъ идеи и чувства, пережитыя другими; но напрасно онъ думаетъ, что переживаетъ воображаемые чувства; онъ отказывается специализироваться, чтобы ничего не потерять изъ жизни, чтобы завладѣть всѣми ея формами, но какъ

¹⁾ Montégut, Nos Morts contemporains, p. 23.

зеркало или эхо онъ только отражаетъ тѣни вещей; какъ ни прививаетъ онъ себѣ восхищеніе и страсти, все-же онъ испытываетъ въ жизни лишь скуку и отвращеніе.

Скука происходитъ не только отъ недостатка ума, но также и отъ бѣдности сердца. Существуетъ скука *эгоиста*. Дѣятельные и сильные эгоисты, эти безжалостныя машины съ волей и желаніями, не могутъ продолжительно испытывать скуку. Но есть эгоисты пассивные, ушедшіе сами въ себя, боящіеся исказить свою индивидуальность, которые не позволяютъ себѣ никакихъ побужденій сердца какъ истощающихъ излишествъ, сердечнаго участія къ ближнему, ни даже равнодушнаго благожеланія, составляющаго какъ-бы жизненную гимнастику. Такіе эгоисты скучаютъ потому, что ведутъ слишкомъ узкую жизнь; не знаютъ симпатій, побужденій сердца, безкорыстнаго идеализма. Видъ ихъ замкнутый; недоувѣрчивый и злой; замкнувшись въ свою мизантропію, отъ одиночества они бѣднѣютъ еще болѣе.

Подъ нѣсколько грубымъ титуломъ незадачливыхъ и съ необходимыми подразумѣваемыми оговорками мы представимъ три личности, которыя всю свою жизнь въ своихъ произведеніяхъ кричали о скуки. Это Бенжаменъ Констанъ, Флоберъ и Боделаръ. Въ Бенжаменѣ Констанѣ мы видимъ незадачливаго потому что ему не удавались всѣ его предпріятія и потому что онъ жалко испортилъ всю свою жизнь. Скука, подтачивающая его, появилась удивительно рано, такъ какъ происходила не изъ опыта или общихъ идей, а отъ недостатка въ самомъ организмѣ, отъ неуравновѣшенности способностей. Будучи неза-

дачливымъ, дурно направляя свои усилія онъ истощилъ свои силы, а отчаяніе и избытокъ страданій привели его къ ироническому нигилизму. У него не было ни дѣтства, ни юности, ни иллюзій, онъ прямо началъ съ сухаго самоанализа, о чемъ свидѣлствуютъ, главнымъ образомъ, его письма и въ особенности одно письмо къ бабушкѣ написанное въ 12-ти лѣтнемъ возрастѣ. «Я желалъ-бы, чтобы можно было помѣшать моей крови двигаться слишкомъ быстро и придать ей болѣе равномерное движеніе. Я пробовалъ не можетъ-ли сдѣлать это музыка. Я начиналъ играть разныя *adagio, largo*, способныя усыпить тридцать кардиналовъ; первые такты идутъ еще хорошо, но я не знаю, силою какого волшебства медленная мелодія превращается всегда въ *prestissimo*. Тоже происходитъ и съ танцами: плавный менуэтъ превращается въ прыжки. Я думаю, дорогая бабушка, что это неизлѣчимое зло...» А по поводу игры, свидѣтелемъ которой онъ бывалъ, посѣщая свѣтскіе вечера, онъ говоритъ: «между тѣмъ игра и сыплющееся золото производятъ во мнѣ нѣкоторое волненіе...» Онъ говоритъ гдѣ-то, что его вкусы узки и это признаніе годится для нашего изслѣдованія. «Грустно имѣть такіе узкіе вкусы какъ мои. Любить и размышлять, вотъ на что я единственно способенъ, то-же, что называется удовольствіями, развлеченіями, способностью отдать себя, это для меня не существуетъ; природа дѣлаетъ меня печальнымъ, почести меня оскорбляютъ¹⁾...» Склонность къ развлеченіямъ лучшая защита противъ ску-

¹⁾ Journal intime de Benjamin Constant, p. 256.

ки; но скука Б. Констана происходила отъ безжалостнаго анализа, отъ его жестокой диссекціи другихъ и самого себя, которая превращала жизнь въ гистологическія крошки, которыя можно изслѣдовать лишь подъ микроскопомъ.

Въ своей перепискѣ онъ обильно сыплетъ язвительными формулами своего отвращенія: «ничто не надоѣдаетъ мнѣ такъ сильно какъ все то, что мнѣ говорятъ, за исключеніемъ развѣ только того, что я самъ отвѣчаю». «Я ничего не хочу видѣть вокругъ меня въ цвѣту, я хочу, чтобы все меня окружающее было печальнымъ, поблекшимъ». «Я посылаю вамъ пыль, но это все что есть у меня. Я самъ — пыль и прахъ». «Я пройду по землѣ какъ тѣнь между несчастіемъ и скукою». «Каждый разъ, какъ я принимаюсь за изслѣдованіе чего-нибудь, глубокое и неизмѣнное чувство кратковременности жизни заставляетъ выпадать изъ моихъ рукъ книгу или перо».

Его книга «Адольфъ» говоритъ о невозможности любить и выставляетъ героя удивительнаго по своей слабости. Наконецъ, скука Бенжамена Констана такъ широко и сильно развилась, что подавила его умъ, парализовала его удивительную критическую ясность и вовлекла его въ величайшія глупости: его двѣ женитьбы на женщинахъ, не имѣющихъ съ нимъ ничего общаго, его бурная и траги-комическая любовь къ M-me de Staal, его любовь пари къ M-me Resamier, его политическія отреченія, его страсть къ игрѣ и т. д. всѣ имѣютъ начало въ его скукѣ. Космополитъ безъ корней, искатель приключеній, прошедшій огонь и воду, онъ всю жизнь боролся со скукой. Преобладающей чертой его ха-

рактера считали эгоизмъ, но это не вѣрно: эгоизмъ чувство самосохраняющее, оно объединило-бы его и спасло отъ убійственной маніи самоуничтоженія. Онъ самъ опровергъ это объясненіе такими словами: «одна изъ странностей моей жизни въ томъ, что меня считали всегда за самого безчувственнаго и самого сухого человѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ мною постоянно руководило чувство, чуждое всякихъ расчетовъ и разрушавшее иногда всѣ мои интересы, касающіеся положенія, славы и богатства». (Письмо къ г-жѣ Жерандо).

Никто не можетъ быть лучшимъ представителемъ скуки отъ умственной дисгармоніи, какъ Густавъ Флоберъ. Флоберъ ужасно страдалъ отъ тяжелой, мрачной, удручающей скуки, въ которой онъ ничего не понималъ и которая, говоря словами поэта, ослѣпляла его, «Какъ ослѣпляютъ собаку стряхиваемые ею брызги воды».

Этотъ «патронъ незадачливыхъ» ¹⁾ имѣлъ до такой степени расходящіяся между собой способности, борющіяся между собой каждая за свое первенство, что онѣ никакъ не могли согласоваться и не давали ему равновѣсія силъ, которое собственно и есть — здравый умъ или разумъ. И ума даже во Флоберѣ не признавали. Анатоль Франсъ замѣчаетъ по поводу его: «Онъ былъ разнообразенъ, даже болѣе, онъ весь состоялъ изъ частей, которыя стремились разъединиться» и прибавляетъ: «здѣсь есть нѣчто, могущее унижить нашу маленькую мудрость: этотъ человѣкъ, владѣвшій удивительнымъ даромъ слова,

¹⁾ Mot d'Augustin Filon.

не былъ уменъ» ¹⁾. Брюнетьеръ говоритъ о немъ: «Флоберъ прежде всего и больше всего артистъ, и изъ тѣхъ артистовъ, у которыхъ двѣ или три способности преобладающія, исключительныя, абсолютныя и тираническія суживаютъ, поглощаютъ и буквально уничтожаютъ всѣ другія способности. Этотъ сильный гнѣвъ на человѣческую глупость былъ ничѣмъ инымъ, какъ проэкціей собственной личной глупости. Многія вещи онъ не понималъ потому, что онѣ были чужды его искусству. Чистый Resuchet и вылитый Bouvard». ²⁾.

Но мы въ свою очередь скажемъ, что артистъ и не имѣетъ претензіи на такое методическое и равномерное развитіе своихъ способностей, какъ университетскій профессоръ, подготовившій и одолѣвшій энциклопедическіе курсы, или какъ диллетантъ, всегда готовый обо всемъ полюбопытствовать, все узнать, и у которыхъ есть время развивать всѣ отрасли своего ума. Артистъ прежде всего существо эмоціональное, гордое своими эмоціями и ревностно развивающее ихъ. Артистъ преувеличиваетъ свою оригинальность и любить ее, хотя-бы это было какое-нибудь уродство; онъ до наивности независимъ отъ страстей и состояній души, которыя составляютъ основу его вдохновеній. Пережить такія состоянія души, какъ напр., любовь, гнѣвъ, фанатизмъ, энтузіазмъ, это значитъ долгіе годы видѣть свѣтъ не иначе какъ черезъ искажающую иллюзію; тутъ уже подпадаютъ страстной экзальтаціи, состав-

¹⁾ Vie littéraire, 3-e série.

²⁾ Histoire et littérature, t. II.

ляющей условіе созданія и содержаніе произведенія искусства. Талантъ требуетъ сильнаго возбужденія, переживаетъ галлюцинаціи. Но общая разсудочная дѣятельность в теченіи этихъ одноидейныхъ періодовъ, вовсе не функционируетъ и равновѣсіе ея отсутствуетъ.

Флоберъ думалъ о строгомъ уединеніи, и ради него поступался своею совѣстью, прекративъ всѣ сношенія съ людьми; онъ жилъ столпникомъ на вершинѣ неотступной идеи, сомнамбуломъ подъ вліяніемъ нескончаемой мечты. Онъ съуживалъ свое существованіе до оупѣнія. Онъ ненавидѣлъ посредственность, ненавидѣлъ слишкомъ многое и, увлекаясь лиризмомъ и всѣмъ необычайнымъ, замуравался въ самомъ себѣ, имѣлъ видѣнія, раздражался трудностями своего искусства, всегда жаловался, покончилъ съ разнообразной, свободной, привлекательной жизнью и такимъ образомъ подготавливалъ почву для постоянной скуки. Въ его перепискѣ, которую, какъ бы требникъ, должны держать подъ рукою всѣ тѣ, кто проклинаетъ день своего рожденія, только и слышны жалобы скучающаго человѣка, что видно изъ слѣдующихъ выписокъ: «Это какъ-бы водопады, рѣки, океаны печали, обрушивающіеся на меня. Невозможно страдать сильнѣе моего. По временамъ я боюсь сойти съума... Когда я не держу въ рукахъ книгу или не мечтаю написать новую, меня до боли охватываетъ скука. Мнѣ наконецъ, кажется, что переносить жизнь можно лишь при условіи фиглярства... Мое уединеніе полное и, когда у меня нѣтъ большого горя, я сильно скучаю. Это какъ-бы для разнообразія! Послѣ слезъ — зѣвки... Отчаяніе мое

нормальное состояніе. Чтобы выйти изъ него, мнѣ нужно сильное развлеченіе и затѣмъ, конечно, я не отличаюсь веселостью... Между тѣмъ я родился съ большимъ запасомъ нѣжности; но человѣкъ не властвуетъ надъ судьбой, а только подчиняется ей. Я струсилъ въ молодости, я испугался жизни! Все оплачивается... Я чувствую себя старымъ, износившимся, пресыщеннымъ. И другіе надоѣдаютъ мнѣ, какъ я надоѣдаю самъ себѣ. Я работаю безъ энтузіазма, какъ исполняютъ заданный въ наказаніе урокъ... «Ты не можешь вообразить себѣ мою усталость, тоску и скуку. Ты мнѣ совѣтуешь отдохнуть; мнѣ это невозможно. Я не смогу идти дальше. И прежде всего, какъ отдыхать и что дѣлать отдыхая?.. Меня поддерживаетъ больше всего на землѣ надежда скоро покинуть ее и не имѣть нужды идти на другую планету, гдѣ можетъ быть еще хуже... Ахъ нѣтъ довольно, довольно усталости!»

У Флобера скука происходитъ отъ усталости, умственной неспособности, неудачныхъ попытокъ, отъ нигилизма. Эта скука была жизнью и душою его, она придавала его твореніямъ характеръ меланхолическій и отчаянія. Онъ жилъ ею; это было одно изъ положеній его ума; но, когда одна изъ нашихъ умственныхъ способностей до такой степени преобладаетъ и тиранитъ насъ, то возможно, что, послуживъ сначала на пользу, она-же вводитъ насъ въ заблужденіе. Чувство, что все есть скука, ничтожество, грубый фарсъ, даетъ произведеніямъ Флобера горькій и ироническій тонъ и вдохновило его на образцовое произведеніе, «Госпожа Бовари», но онъ изнемогаетъ отъ тяжелаго, не покидающаго его ви-

дѣнія и, вопреки ожесточенному труду, остываютъ и его кровь и рвеніе.

Скука Боделэра есть продуктъ недостатковъ ума, которые мы здѣсь и изслѣдуемъ. Это умственная бесплодность и дисгармонія со всѣми волненіями незадачливаго, который истощилъ свои силы и не достигъ цѣли. Въ его поэзіи мѣстами звучатъ любопытныя ощущенія, захватывающій, чарующій стихъ, но тѣмъ не менѣе, его поэзія остается обрывистой, тяжелой и однообразной. Нѣкоторые критики были жестоки къ нему. Брюнетьеръ ¹⁾ говоритъ:.. «Онъ, бѣднякъ, почти что ничего не имѣетъ изъ того, что составляетъ сущность поэта, кромѣ, развѣ, сильнаго желанія сдѣлаться имъ». Шереръ въ нѣсколько приемовъ ²⁾ уничтожаетъ его съ подобной же строгостью: «Всюду виденъ тяжелый, претенціозный умъ, безсиліе и пустота... У Боделэра нѣтъ ума... и никакой геніальности». Далѣе сказано еще сильнѣе:

«У Боделэра нѣтъ ничего: ни сердца, ни ума, ни остроумія, ни мысли, ни слова, ни разума, ни фантазіи, ни жара, ни даже техники. Онъ грубо смѣшонъ отъ безсилія». Максъ Нордау ³⁾ судить его не менѣе рѣзко. Это вырождающійся мистикъ, эротоманъ и т. д. Но онъ правильно говоритъ: «Неспособность эгоиста правильно испытывать внѣшнія впечатлѣнія и трудность, съ какою работаетъ его мозгъ, даютъ также ключъ къ его ужасающей скукѣ и къ глубочайшему пессимизму, съ которымъ онъ смотритъ на жизнь и на весь свѣтъ. Скука Боделэра обна-

¹⁾ Questions de critiques. 1889 г.

²⁾ Etudes sur la littérature contemporaine t. IV et t. VIII.

³⁾ Dégénérescence t II p. 81—83. Paris. F. Alcan.

руживааетъ невѣроятное отвращеніе въ жизни. Жизнь въ ея цѣломъ «это невыносимая, неумолимая жизнь» представляется ему каторгой; «Потѣй-же рабъ! Живи-же, осужденный»! ¹⁾ Онъ очарованъ мыслью о смерти, и окончательномъ отдыхѣ. Вѣчно ищущій чувственныхъ удовольствій, хлопотливый хроникеръ своихъ удовольствій, онъ слишкомъ много требовалъ отъ своихъ нервовъ и они не выдержали. Нужно пережить всю жизнь минуту за минутой, чтобы сказать:

«У меня такъ много воспоминаній, какъ если-бы я прожилъ болѣе тысячи лѣтъ».

Онъ возбуждаетъ себя постояннымъ наслажденіемъ и свои *Memento vivere* чувственника начерталъ въ стихотвореніи «Часы».

Три тысячи шестьсотъ разъ въ часъ

Секунда шепчетъ: «помни»!...

Легкомысленный смертный, минуты это та грязь,
Которую не слѣдуетъ бросать, не выбравъ от-
туда всего золота.

Эти неистовые призывы къ разврату кончаются гибелью пласуна. Скука Боделэра есть упадокъ силъ (коллапсъ) послѣ пароксизма; въ ней чувствуется похмѣлье послѣ грязнаго кутежа; языкъ плохо двигается, сухой ротъ полонъ горечи, кожа лихорадочна, желудокъ испорченъ. Это скука связанная съ паралитической подавленностью помятаго тѣла, съ низкимъ утомленіемъ мрачной чувственности; тѣло, это гнилое, покрытое тиной болото, гдѣ загрязненный умъ бьется, настигнутый зловѣщими видѣніями

¹⁾ Petits poèmes en prose.

мрачнаго воображенія. Въ его «Маленькихъ поэтахъ въ прозѣ» и въ его «Цвѣтахъ зла» слышится отъ начала до конца хрипящая нота скуки, въ родѣ усталого, отвратительнаго, сознаваемаго, но все-же непрерываемаго зѣвка. Боделаръ не даромъ страдалъ, это князь безсильныхъ, единственный, въ своемъ родѣ, поэтъ скуки и отчаянія.

ГЛАВА III.

Скука отъ неудавшейся жизни и отъ жизни обезцѣненной какимъ-нибудь изъяномъ.

Въ этой главѣ мы будемъ изслѣдовать скуку, испытываемую каждымъ изъ насъ изъ за общей бѣдности нашего существованія. Скука есть обыкновенное и ежедневное явленіе нашей жизни. Мы начнемъ со *скуки жизни полной препятствій*. Нѣтъ человѣка, которому ежедневно не мѣшала-бы скука въ его намѣреніяхъ, вкусахъ, не мѣшала-бы его характеру. Скука, вмѣстѣ съ чванствомъ, ссорами является постояннымъ нашимъ спутникомъ.

Первый вопросъ, который является въ случаяхъ такого испытанія, это вопросъ о продолжительности послѣдняго. Мы соглашаемся терпѣть скуку надѣясь, что мученіе будемъ непродолжительно. Школьникъ, склоняясь на свой пюпитръ, всей душой мечтаетъ о вакаціяхъ и выдумываетъ смѣшныя продѣлки надъ товарищами и учителями. Еще болѣе скупаетъ

и ждетъ освобожденія солдатъ, сидя въ казармѣ. Больной, а также люди, принужденные жить въ изгнаніи, въ ненавистной для нихъ странѣ. У каждаго изъ насъ бываютъ минуты, когда стараются запастись терпѣніемъ, скрывая досаду, или утѣшаясь мечтами. Болѣе постоянная и серьезная скука, происходящая отъ помѣхъ въ жизни, является въ началѣ жизни, въ то время, когда мы еще пробиваемъ себѣ дорогу и когда намъ приходится особенно солоно отъ судьбы; наше наивное, нетерпѣливое честолюбіе еще не успокоилось. Когда мы вступаемъ въ свѣтъ, у насъ нѣтъ еще увѣренности, и надо долго дожидаться пока мы ее достигнемъ. Многія лица, сдѣлавшія впоследствии славную карьеру, въ ожиданіи будущихъ благъ, совсѣмъ теряли надежду. Бисмаркъ въ молодости долженъ былъ декламировать монологъ Гамлета; Кавуръ отъ скуки, пробовалъ играть и думать о самоубійствѣ; Лакордэръ воскладеетъ какъ Рене: «Гдѣ душа, которая понялабы меня? Едва минетъ намъ 18 лѣтъ, какъ у насъ являются желанія, это не желаніе обладать тѣломъ, найти душу, достичь славы, а просто желаніе безъ формы и имени». ¹⁾ Мишлэ испыталъ еще болѣе глубокое страданіе. Въ своемъ дневникѣ, гдѣ онъ говоритъ о глубинѣ отчаянія, въ которое приводили его страданія въ то время, когда онъ четырнадцатилѣтнимъ отрокомъ работалъ въ типографіи своего отца: «Въ моей памяти это время остается какъ-бы большой сѣрой пустыней, куда никогда не проникать лучъ свѣта... Ничто такъ не помогаетъ мнѣ понять темную монотонность среднихъ вѣковъ, ожи-

¹⁾ Lacordaire, par le comte d'Haussonville.

даніе безъ надежды, съ однимъ желаніемъ смерти, какъ то, что я въ послѣдніе годы имперіи, еще отрокомъ томился и чахъ... Странными покажутся въ устахъ ребенка слова, я чувствовалъ себя *истощеннымъ*. Это была печаль и сухая безчувственность, не знающая слезъ, этого дара небесъ, который я теперь знаю. Неподвижный надъ моей кассой, знакомый только со скукой, я узналъ что значать длинные часы, что значить работать въ 14 лѣтъ, когда отвлекаютъ шаги прохожихъ, когда проходятъ люди въ праздничныхъ свѣтлыхъ платьяхъ и когда считаешь праздныхъ счастливыми¹⁾.

Но время идетъ и работаетъ для насъ даже тогда, когда мы не двигаемся впередъ; неправы нетерпѣливые, готовые покончить съ собою, сломать голову изъ за непріятнаго случая; отъ насъ зависитъ оцѣнить такъ или иначе временную скуку стѣсненныхъ обстоятельствъ, скверныхъ дней, проклятыхъ лѣтъ; мы не примемъ ея въ серьезъ, трагически, хотя иногда хочется поддаться отчаянію или сдѣлать глупость; стоитъ вооружиться терпѣніемъ, ловкостью, и побить ее шуткой, ироніей; или же, воспользуемся очень скверной и тяжелой минутой, чтобы закалить нашъ характеръ.

Скука отъ неудавшейся жизни. — Скука отъ неудавшейся жизни неоправима и не помогутъ ей обѣщанія счастья въ будущемъ, но такая жизнь достойна сожалѣнія. Есть разныя неудачи въ жизни, въ зависимости оттого, что у насъ двѣ стороны жизни, которыя рѣдко удаются вмѣстѣ и одинаково. Одна

жизнь внѣшняя, другая внутренняя. Мы играемъ въ обществѣ роль, которая есть почти отрицаніе нашего я, роль актера и у насъ есть наше внутреннее, истинное я.

Эти двѣ половины могутъ быть слиты въ одно цѣлое. Такъ бываетъ у натуръ простыхъ, цѣльныхъ и гармоничныхъ. Предположимъ сначала, что мы принадлежимъ къ такимъ натурамъ и наша общественная карьера ведетъ наши индивидуальныя, наиболѣе важныя способности къ разцвѣту и если, съ другой стороны, счастье всегда улыбалось намъ, то мы представляемъ изъ себя преимущественно счастливаго человѣка, счастливаго передъ свѣтомъ и передъ собой. Такая удача есть своего рода достойное удивленія чудо, а счастливецъ можетъ имѣть дѣло со скукой не иначе какъ отъ пресыщенія.

Перейдемъ къ менѣе счастливымъ борцамъ, — которые теряютъ одну изъ двухъ партій. Пусть наша карьера ведетъ къ желанной цѣли, пусть мы будемъ осыпаны милостями; если принесено въ жертву наше интимное я, сократившее, ради внѣшняго благополучія, свои законныя или даже признанныя желанія, то мы будемъ страдать и протестовать; въ нашей душѣ будетъ рана, наша внутренняя жизнь представится намъ неудавшейся.

Или-же, наоборотъ, если мы терпимъ неудачу въ нашей внѣшней жизни, то пробуемъ потерянное нагнать во внутренней жизни, въ интимныхъ радостяхъ. Эти два противоположныхъ случая и ихъ надо разсмотрѣть по отношенію къ скукѣ.

Мы сдѣлаемъ слѣдующее несомнѣнное и вмѣстѣ съ тѣмъ простое предположеніе: человѣкъ умираетъ отъ

¹⁾ Ma jeunesse p. 75.

скуки среди грома своего триумфа, если занимаемое имъ положеніе ему не по душѣ.

Для насъ существуетъ только то, что мы понимаемъ и то, что насъ поглащаетъ. На что намъ богатство, почести, пышная обстановка, готовая къ нашимъ услугамъ челядь, если вся эта внѣшность чужда намъ, если въ нашей неудовлетворенной душѣ нѣтъ сочувствія этому шуму. Иногда, когда успѣхъ очень великъ, тщеславное удовольствіе можетъ заглушить мысли, но что сказать о тѣхъ случаяхъ, когда мы принуждены заниматься ненавистнымъ дѣломъ, которое даетъ намъ только возможность прокормиться?

Раздоръ между человѣкомъ и его общественной ролью дѣло обыкновенное, но нигдѣ этотъ разладъ, истиннаго и показнаго я, такъ сильно не проявляется, какъ въ чиновничьей средѣ, въ особенности среди занимающихъ высокое положеніе. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ въ торговлѣ, въ индустріи, въ свободныхъ артистическихъ, умственныхъ профессіяхъ трудно достичь успѣха, безъ фанатической любви къ дѣлу, или если не вложить въ него всѣхъ своихъ силъ и способностей, напротивъ въ административныхъ карьерахъ, въ военномъ дѣлѣ, въ магистратурѣ, въ бюрократіи, въ духовномъ вѣдомствѣ, можно достичь высшихъ степеней, предоставивъ дѣло собственному теченію, не проявивъ при этомъ первоклассныхъ способностей. Что-же ведетъ къ повышеніямъ? Покровительство, пронырство и постепенное движеніе по ступенямъ. Галунъ прибавляется къ галуну, ордена все больше и больше отягощаютъ нашу грудь, наше жалованье увеличи-

вается какъ лавина. Но что въ этомъ? Деньги только предметъ обмѣна; наиболѣе громкіе титулы скоро теряютъ свое обаяніе, и если мы выбрали дѣятельность только за доходность, если наша душа не принимаетъ во всемъ этомъ участія, то скука будетъ грызть насъ подѣ нашимъ параднымъ мундиромъ.

Пойдемъ далѣе: обыкновенно официальная карьера, требующая обременительной общественной службы, очень строгой выдержки, дурно отзывается на нашемъ внутреннемъ я, противна природной любви къ свободѣ. Достаточно припомнить единоголосное признаніе моралистовъ, что человѣкъ есть животное, сохраняющее свою животную сущность, не смотря на старанія и претензіи педагоги, что его страсти, стремленія берутъ верхъ надъ законами, что лучшая цивилизація та, которая надѣваетъ всего больше оковъ. Разъ это вѣрно, что человѣкъ неукротимое животное, разъ онъ имѣетъ неумѣренное стремленіе наслаждаться, быть свободнымъ, то отсюда слѣдуетъ, что люди суровыхъ профессій, строгой выправки, чиновначальническихъ учреждений, отягощенные начальствомъ, снѣдаемые формализмомъ, постановленіями, гдѣ почти все дѣлается по этикету, согласно съ дисциплиной, на показъ какъ барщина, эти начальники всѣхъ степеней, всѣхъ родовъ, испытываютъ въ глубокихъ тайникахъ души недовольство, гнѣвъ, глухое бѣшенство жгучей, сильной скуки. Связанный всѣмъ этимъ, онъ угрюмо борется противъ своихъ узъ, и изъ подѣ маски, которая его душитъ, изливается въ потокахъ язвительныхъ словъ. Подѣ этимъ профессиональнымъ лицемѣрнымъ костюмомъ, подѣ этой собственной карриатурой, онъ

кривится и зѣваетъ, но приходитъ часъ, когда онъ сбрасываетъ на время свою роль. Какую мы видимъ въ немъ перемѣну! Въмѣсто знаменитаго актера жизни, является весельчакъ и нѣтъ больше слѣда неискренняго позированія.

Скука чиновниковъ и всѣхъ тѣхъ, которыхъ можно назвать людьми служащими, проявляется въ вошедшей въ пословицу небрежности, съ которой они исполняютъ свои несносныя обязанности, въ жестокой зависти, царящей между служащими изъ за ступеней повышенія, въ необыкновенной склонности къ жестокому дебошу, служащему отомщеніемъ лицемѣрію, наконецъ въ невѣроятно сильной ненависти къ людямъ, представляющимъ рѣзкую противоположность имъ, каковы умозрительные умы, тѣ, что смѣются надъ общественнымъ маскарадомъ, беззаботная богема художественныхъ профессій, авантюристы, забавляющіеся своими разнообразными перевоплощеніями, въ которыхъ они стоятъ выше своего ничтожнаго дѣла.

Отсюда слѣдуетъ такое заключеніе: у насъ у всѣхъ болѣе или менѣе не удастся наша интимная жизнь, та истинная жизнь, о событіяхъ которой мы лучше помнимъ, жизнь сердца, ума, чувствъ, воображенія и мечты; ибо мы не болѣе какъ неловкіе актеры профессіи, которая захватываетъ наши силы, распоряжается нашимъ временемъ, которая преобразуетъ насъ и специализируетъ; и мы смертельно скучаемъ въ наложенныхъ на насъ оковахъ и въ скрывающемъ насъ костюмѣ.

Теперь скажемъ о тѣхъ, которые явнымъ образомъ не достигли намѣченной ими цѣли.

Бѣднягѣ, которому ничто не удастся, который гонится за случайной добычей и перевязываетъ свои раны, некогда скучать. Но слѣдующіе за этимъ безконечные, сѣрые дни его ужасны. Разсмотримъ поближе тѣхъ, которые въ своей карьерѣ потерпѣли неудачу. Ихъ можно подвести подъ двѣ категоріи: къ первой мы отнесемъ обанкротившихся изъ-за того, что они взяли за дѣло не по своимъ способностямъ, не по призванію, вели его небрежно и неумѣло, разогнали публику; ко второй категоріи относятся тѣ, которые гибнутъ не потому, что не имѣютъ призванія, а отъ неудачи и отъ случайнаго, неблагоприятнаго стеченія обстоятельствъ. Эти двѣ группы, хотя и разнаго происхожденія, подъ вліяніемъ несчастья скоро приобрѣтаютъ одинаковыя черты; какова-бы ни была причина пораженія, всѣ побѣжденные дѣлаются похожими другъ на друга. Какъ ведутъ себя побѣжденные изъ соціальныхъ профессій? Они ищутъ вознагражденія въ легкихъ чувственныхъ удовольствіяхъ, въ любви, въ дружбѣ, въ семьѣ, въ пріятныхъ легкихъ разговорахъ и дѣлахъ. Кто не придаетъ много значенія внѣшности, тотъ съ легкимъ сердцемъ приметъ приговоръ судьбы, и тотъ не можетъ быть окончательнымъ неудачникомъ въ жизни: такъ потерпѣвшіе крушеніе и отнесшіеся къ этому беззаботно, перебѣжчики, отказавшіеся отъ узъ своего ремесла, первые открыли благоухающую весну, дорогу въ деревню, нашли наслажденіе въ созерцаніи мѣняющагося неба и удовольствіе въ медленномъ смакованіи сигары.

Если мы скажемъ теперь, что жизнь каждого человека болѣе или менѣе не удалась, потому что

никто не достигает своего идеала, то кто возьмется возражать? Богатство и досугъ ничего не значатъ: нашъ демонъ въ насъ самихъ. Повсюду между другими жалобами слышны эти печальные слова: Меня не поняли! Я не былъ любимъ, какъ того заслуживалъ, никто не отдался мнѣ, и я никому не отдавался и т. д. Ахъ сколько горечи въ глубинѣ сердецъ и сколько печали въ чертахъ! Не лучше ли будетъ для всеобщаго удовлетворенія вернуть любовь съ неба на землю, спустить ее съ высотъ эфира, куда помѣстили ее поэты и влюбленные, словомъ дать ей болѣе широкое и понятное опредѣленіе, чтобы каждый могъ владѣть ею. Но храбрые игроки всегда берутъ въ лотереи по нѣсколько билетовъ... Женщина, какъ болѣе ограниченная, болѣе простая, живущая только чувствами, съ трогательной покорностью, встаетъ въ ряды неудачниковъ, какъ только она откажется получить удовлетвореніе необходимымъ чувствомъ, которое она искала въ мужѣ, въ любовникѣ, въ желаніи быть матерью.

Скука отъ жизни обезцѣненной какимъ нибудь изъяномъ. Опредѣленіе жизни обезцѣненной какимъ нибудь изъяномъ будетъ излишне: эти слова сами собою понятны, а послѣдующіе примѣры освѣтятъ ихъ еще лучше.

Простымъ случаемъ, ведущемъ къ скукѣ, будетъ жизнь хронически больного. Жизнь для него закрыта, но онъ можетъ принять этотъ приговоръ, жить узкой жизнью и забыть соблазны міра. Есть такіе пригвожденные къ своему креслу паралитики, которые такъ погружены въ свое положеніе, что какъ-то не скучаютъ. Сильныя страданія перенесен-

ныя въ дѣтствѣ навсегда оставляютъ слѣды и ведутъ къ скукѣ. Нѣкоторые организмы обновляются; это тѣ, въ которыхъ заключается большая жизненная сила, въ которыхъ въ концѣ концовъ слѣды дурныхъ дней изглаживаются, жизнь торжествуетъ, большинство же людей не вылечиваются отъ слишкомъ мучительныхъ испытаній и, какъ говорится, сохраняютъ облако на челѣ и мракъ въ глубинѣ души. Такъ бываетъ со всѣми тѣми несчастными, дѣтство или юность которыхъ изнурены и омрачены нищетой и униженіями.

Богатство и слава, время и годы не всегда успѣваютъ изгладить горькія воспоминанія. И среди полного счастья умираютъ отъ бываго несчастья.

Теперь обратимся къ общему обзору угнетенныхъ скукой. Есть скука отъ чувства приниженности во всякой не первостепенной жизни, у всякаго человѣка, не получившаго своей доли счастья. Изъ этого слѣдуетъ признать такую скуку у подчиненныхъ, у всевозможныхъ низшихъ служахъ, у маленькихъ людей у рабовъ, у всѣхъ униженныхъ судьбою народовъ или отдѣльныхъ людей. Позади начальниковъ, располагающихъ инициативой, приказывающихъ, торжествующихъ, смѣлыхъ, пользующихся богатствомъ и удовольствіями, позади актеровъ исполняющихъ большія и отвѣтственныя роли, стоятъ и скучаютъ статисты, темнота, рабочіе, работающіе на другихъ, строящіе дворцы для хозяевъ, рабочіе, которые участвуютъ въ работѣ и не участвуютъ въ торжествѣ, неизвѣстныя бѣдняки, паріи, составляющіе толпу.

Всѣ, которые не выполнили своего истиннаго назначенія, которые не были баловнями судьбы, всѣ испытываютъ скуку. Къ такимъ принадлежатъ всѣ

неудачные кандидаты на славу или богатство, всѣ подражатели великихъ людей, младшіе братья королей, которые не будутъ царствовать, люди незначительные, не сдѣлавшіе сдѣлаться выдающимися личностями, люди безличныя, дѣйствующіе подѣ вліяніемъ другихъ. Сюда отнесемъ и всѣхъ тѣхъ, кто былъ прежде обезпеченъ и счастливъ, всѣхъ неутѣшенныхъ пережившихъ дорогихъ близкихъ, перешедшихъ на половинное жалованье, изгнанныхъ, брошенныхъ, потерявшихъ закладъ, обманутыхъ, разбитыхъ сердцемъ и получившихъ отвращеніе къ себѣ и къ другимъ, свергнутыхъ съ трона королей, разорившихся богачей, политиковъ въ немилости и, отодвинутые въ тѣнь классы оппозиціонныхъ партій.

Мучительное чувство сдѣланной ошибки, тяжелой и непоправимой, вызываетъ обиду и скуку. Такъ чувствуетъ себя растрига, которому надоѣла старая одежда, который сознаетъ свое прежнее заблужденіе, человѣкъ наивный, слишкомъ грубо выведенный изъ своего заблужденія, человѣкъ слишкомъ вѣрившій своему воображенію, слишкомъ надѣявшійся на свою гордость, бывшій въ молодости простодушнымъ, безумно смѣлымъ идеалистомъ, потомъ получившимъ видъ побитаго человѣка.

Чувство приниженности особенно субъективно и вызываетъ тяжелую скуку у людей, которые чувствуютъ себя ниже своего положенія: короли, подавленные тяжестью трона, милліонеры, ничего непонимающіе въ богатствѣ, выскочки, смущенные быстротой своего повышенія, высшіе сановники, незнающіе какъ широко ихъ значеніе, какъ велика ихъ роль.

Самовнушеніе имѣетъ большое значеніе и мо-

жетъ само по себѣ создать скуку у людей, мучимыхъ своимъ воображеніемъ, находящихся вѣчно въ разладѣ съ дѣйствительностью, которые могли-бы взять девизомъ одно изъ слѣдующихъ выраженій: все равно гдѣ, лишь бы внѣ міра; у людей влюбленныхъ въ луну, у желающихъ невозможнаго, у горячихъ романтическихъ головъ, желающихъ жить выше окружающаго и неспособныхъ извлечь изъ окружающаго его соль, его прелесть и поэзію.

Внушеніемъ же объясняется и скука людей обезцѣнивающихъ свою судьбу вѣчными сравненіями. Они смотрятъ на себя какъ на бѣдныхъ, некрасивыхъ, приниженныхъ, несчастныхъ и сопоставляютъ себя съ счастливыми. Сравненіе себя съ другими необходимо, но тѣ, кто имѣетъ такую манію, невѣрно пользуется имъ, и оно дѣлается для нихъ наказаніемъ. «Если-бы хотѣли быть счастливыми, то скоро достигли-бы этого, но хотятъ быть счастливѣе другихъ, а это почти всегда трудно, потому что мы считаемъ другихъ счастливѣе, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ» ¹⁾.

Да возможна-ли вѣрная оцѣнка собственнаго состоянія? Смутное безпокойство, зависть, боязнь остаться въ дуракахъ и удовольствоваться крохами, вотъ—хорошая тема для скуки.

Мы видимъ угнетенное состояніе и скуку у страдалцевъ домашней жизни, задыхающихся въ своихъ ghettos: сынъ страдаетъ отъ отцовскаго деспотизма, глупѣетъ, дѣлается навсегда приниженнымъ и застѣнчивымъ; молодая дѣвушка чахнетъ отъ смер-

¹⁾ Montesquieu.

тельной скуки въ родительскомъ домѣ, хочетъ бѣжать изъ него, ждетъ себѣ супруга спасителя; жена методически унижаемая мужемъ, заброшенная, боязливая рабыня; мужъ слуга, поработенный, изнемогающій подъ тяжестью, какъ вьючное животное.

Наконецъ, испытываютъ скуку люди, не нашедшіе своего призванія, переселенные помимо своей воли въ неподходящія мѣста, всѣ тѣ, вкусы и потребности которыхъ непризнанны, всѣ сбившіеся съ пути. Такъ скучаетъ человѣкъ дѣятельный, осужденный вести сидящую жизнь, которая для него хуже каторги, чувствительный нѣженка, избравшій суровую и требующую усиленной дѣятельности карьеру. Человѣкъ общительный, не находящій себѣ подходящаго общества, оставаясь одинъ, теряетъ охоту думать, ходить, дѣйствовать, ѣсть; отшельникъ, когда нарушаютъ его уединеніе, не уважаютъ его мизантропіи, его созерцанія, его сновъ, его тишины. Такъ-же скучаетъ человѣкъ, переселившійся изъ села въ столицу, не могущій здѣсь оклиматизироваться, а также горожанинъ, изгнанный въ поля, который боится здѣсь умереть отъ умственного застоя.

Мы удовольствуемся этимъ: мысль которую мы указываемъ, подтверждается многими примѣрами и мы выразимъ ее такъ: скука является каждый разъ, когда насилуютъ нашу индивидуальность; продолжительное насиліе влечетъ за собою замѣтный упадокъ нашей физической силы.

Теперь мы дадимъ болѣе подробныя картины, гдѣ покажемъ признаки скуки отъ неблагоприятныхъ условій. Мы будемъ говорить о скукѣ продолжателей дѣла, о скукѣ народа, о скукѣ старой дѣвы.

Скука продолжателей дѣла. Продолжатель дѣла, разсматриваемый по отношенію къ создателю этого дѣла, это сынъ, наследующій ремесло отца; онъ почти неизбѣжно чувствуетъ, что весь интересъ дѣла, за которое онъ берется, вся прелесть борьбы, достались на долю его предшественника, а что онъ занимается рутинной и подражаніемъ тому, кто имѣлъ всѣ радости инициатора. Этотъ взглядъ не лишенъ справедливости. Наслѣдники какого-нибудь дѣла, какого-нибудь династическаго учрежденія, должны будутъ изгнать изъ своего образа дѣйствій всякое нововведеніе, чтобы не привести въ замѣшательство кліентовъ; они обязаны придерживаться извѣстнаго обычая; надо во всемъ подражать предшественнику, играть роль его двойника. Особенно тяжело для наслѣдниковъ поддерживать традиціи отца, работая въ томъ-же зданіи, которое еще полно памяти о немъ. Какой благоговѣйный трепетъ охватываетъ насъ, если всѣ наши дѣйствія сравниваются со столь великимъ образцомъ! Идя по слѣдамъ этого свѣточа, повторяя его слова въ этомъ неподвижномъ, затхломъ воздухѣ, знакомомъ намъ съ дѣтства, мы получаемъ тягостное впечатлѣніе чего то уже пережитаго, давящаго наши чувства. Продолжатели и подражатели подпадаютъ скукѣ, потому что они осуждены на пассивное заимствованіе. Мы можемъ наблюдать много случаевъ, когда достоинства сыновей умаляются воспоминаніемъ объ отцахъ; эпитоны раздавлены протогонистами; на защиту ихъ отъ этихъ ужасающихъ сравненій выступаетъ традиціонная борьба новаго поколѣнія, со старымъ

Скука народа. Народъ осужденъ на скуку, онъ

погруженъ въ нее со дня рожденія, потому что все его существованіе грубо, раболѣпно, унижено, обречено на изнурительную работу; ему достаются попорченные предметы, скверныя помѣщенія, самыя дурныя мѣста, странныя удовольствія. «Что даетъ народу красота весны? Ничего. Небо подернутое облаками? Ничего. Что говорить ему искусство? Ничего. Что для него поэзія, любовь? Ничего. И все это благодаря тяжелой дѣйствительности пригибающей его къ землѣ» ¹⁾ и дѣйствительно жизнь народа безцвѣтна, плоска, ничтожна и незначительна.

Въ простомъ классѣ человѣкъ рождается и растетъ мало способнымъ къ радости, потому что его родители были изнурены тяжелой работой, потому что бѣднаго ребенка плохо кормятъ, плохо за нимъ ухаживаютъ и онъ дѣлается жертвой безконечныхъ болѣзней. Онъ подрастетъ и тотчасъ-же начинается для него каторжная работа; его отправляютъ на фабрику, въ мастерскую, въ дурной воздухъ, въ дурныя гигиеническія условія, на дурную пищу, на работу безъ сноснаго отдыха. Мы говоримъ, что въ этомъ, такъ плохо созданномъ тѣлѣ, скука хорошо уживется, благодаря недостатку жизненности, отсутствію умственныхъ радостей, сильныхъ и бодрящихъ ощущеній. Что стоитъ жизнь этого несчастнаго человѣка, съ сѣрыми щеками и съ плохо закаленнымъ мозгомъ? Это жизнь выючнаго животнаго, знающаго лишь тяжесть своихъ оковъ. Человѣкъ изъ народа не имѣетъ ни денегъ, ни досуга; у него нѣтъ ни

¹⁾ Multatuli.

остроумія, ни воображенія; ~~какимъ-же~~ образомъ онъ будетъ развлекаться? Онъ знаетъ лишь официальные, коллективныя празднества, онъ развлекается въ толпѣ. Какъ хочется ему присутствовать на торжествѣ, увидеть что-нибудь; съ какимъ нетерпѣніемъ, цѣлыми часами, въ пыли, въ толкотнѣ стоитъ онъ въ рядахъ съ другими; какъ становится на ципочки это большое не избалованное дитя! Ему достается всегда мѣсто, откуда ничего не видно, онъ упорно смотритъ на стѣну, за которой что-нибудь происходитъ. Бѣдное стадное животное, которому бросаются лишь однѣ кости. Но изъ глубины своего мрачнаго логовища онъ пытается въ одинъ прыжокъ достигъ блестящей вершины счастья и обращается къ вину. Но, увы, какова первная организація, таково и опьяненіе; оно не создаетъ въ его печальномъ мозгу легкихъ и веселыхъ образовъ. И алкоголь, этотъ все притупляющій агентъ разрушенія, дѣлаетъ эту сѣрую жизнь еще мрачнѣе и ведетъ человѣка къ гибели. Но можетъ быть любовь поднимаетъ сердца этихъ несчастныхъ? Но какъ они мало знаютъ ее. Они неспособны подолгу отдаваться чувствамъ, мечтамъ; у нихъ нѣтъ для этого самаго необходимаго, нѣтъ опьяняющихъ словъ, которыми пользуются люди избранныхъ классовъ, люди болѣе развитые; въ этомъ грубомъ тѣлѣ, съ тупыми чувствами и наслажденіе неблестяще, трудно разгорается и остается тусклымъ и неполнымъ.

Вѣковая скука народа происходитъ отъ фізіологической и умственной бѣдности, гнетущаго рабства цѣлаго ряда тяжелыхъ факторовъ. Смягчающимъ средствомъ будетъ возмущеніе съ опасными, запрещен-

ными, революционными словами; народъ никогда не откажется отъ этой тайной мечты, отъ этого магическаго неожиданнаго событія. называемаго революціей; чудные дни, когда ему рукоплещутъ, когда ему даются первые роли, и пролетарій, такъ часто жалкій и смѣшной, во время бреда объ этихъ дняхъ, принимаетъ зловѣщій видъ.

Скука старой дѣвы. Въ сердцѣ старой дѣвы таится до крайности горькая скука, ибо въ ней соединены всѣ виды человѣческой скуки. Сначала, будучи молодой дѣвушкой, она думала о любви, какъ о своей единственной и неизбѣжной судьбѣ. Любовь дѣетъ радости и опьяненіе уму, украшаетъ тѣло, которое подъ ея вліяніемъ разцвѣтаетъ и развивается; любовь расширяетъ сердце и умъ; она учитъ насъ жизни; не зная ее все равно что закрыть для себя двѣ трети міра. Женщинѣ, которой скудно отмѣрена внѣшняя дѣятельность, многое замѣняетъ любовь.

Молодая дѣвушка со дня на день ждетъ особеннаго откровенія. Счастье возможно, но его трудно найти. Пусть первый встрѣченный ею и будетъ ея инициаторомъ. Но она хорошей семьи, она все ставитъ на карту; ее охраняетъ религія и поддерживаетъ надежда на будущее. Она уйдетъ въ самое себя; съ атрофіей ея существа будетъ уменьшаться и ея надежда. И скука будетъ выраженіемъ ея чувствъ и всего ея характера. Жизнь старой дѣвы есть жизнь неудачника, сознающаго, что эта жизнь во многихъ отношеніяхъ ниже жизни другихъ. Сколько вещей недозволены ей и извѣстны только отчасти. Для нея книги, разговоръ и искусство полны загадоч-

ныхъ и темныхъ словъ; она не знаетъ полноты и скрытаго вкуса вещей. Ее преслѣдуетъ неотступная и печальная мысль о все болѣе и болѣе непоправимой неудачѣ. Она съ ужасомъ наблюдаетъ какъ не получая развитія постепенно умираютъ ея способности. Въ ея манерѣ держаться, въ ея словахъ, шуткахъ, въ ея смѣхѣ, будетъ-ли она остроумна или глупа, трогательна или невыносима, будетъ чувствоваться фальшивый тонъ, смѣшное невѣдѣніе и неискренность.

Скука старой дѣвы держится на мучительномъ чувствѣ униженія и неудачи; въ ней есть много неизрасходованныхъ силъ, которые могутъ широко проявиться въ альтруизмѣ. Вообще-же ея скука скрывается въ безконечной колючести, въ воинственной злости, открывающей войну всему похожему на счастье, а въ дни полнаго сознанія, она даетъ мучительное ощущеніе ужасной неудачи.

ГЛАВА IV.

Скука отъ однообразія.

Однообразіе есть очень распространенная причина скуки, и мы проводимъ большую часть времени въ борьбѣ съ нею. Однообразіе состоитъ въ неподвижности и повтореніи и въ этихъ двухъ формахъ представляетъ противоположность жизни, какъ потребности движенія и новизны. Скука является слѣдствіемъ замедленія жизни и отсутствія побужденій къ дѣятельности; слѣдовательно, она есть прямой результатъ однообразія. Чѣмъ живѣе, чѣмъ горячее человѣкъ, тѣмъ больше ему необходима дѣятельность, новыя ощущенія, дающія вдохновеніе и радость.

Но, могутъ сказать намъ, развѣ нѣтъ такихъ состояній однообразія, которыя сами по себѣ пріятны и желательны именно потому, что заключаютъ въ себѣ, нѣчто опредѣленное и извѣстное и даютъ намъ этимъ самымъ, пріятныя ощущенія мира и покоя. Это пріятное однообразіе вызвало слова монаха: *Cella continuata dulcescit*; неизмѣнность горизонта и опредѣленность жизни считаютъ прелестными, поэтъ взывалъ къ нимъ слѣдующими словами:

Родиться, жить и умереть въ одномъ и томъ-же домѣ.

Мы отвѣтимъ: сладость состояній неподвижности и привычки скоро проходяща и скоро пріѣдается: здѣсь дѣло идетъ о самомъ неустойчивомъ равновѣсіи, а между тѣмъ человѣкъ чувствуетъ въ машинальномъ повтореніи застой въ мысляхъ и дѣйствіяхъ, такъ какъ живя вѣчно одними и тѣми-же силами неизбежно впадаетъ въ психическую совлывость, характеризуемую умственнымъ застоємъ, и это ничто иное какъ огрубѣніе и скука.

Мы вполне отождествимъ однообразіе и скуку; всѣмъ извѣстно, что однообразіе подавляетъ, объ этомъ нечего и говорить. Далѣе мы укажемъ на болѣе рѣдкіе и тонкіе случаи.

Однообразіе самой жизни. Прежде чѣмъ разсмотрѣть дѣйствіе однообразія въ специальныхъ случаяхъ, мы укажемъ на однообразіе самой жизни. Жизнь, собственно говоря, является новинкой только въ дѣтствѣ и юности. Только тогда она похожа на тѣ незнакомыя страны, которыя способны тревожить умъ; только тогда все возбуждаетъ интересъ, какъ неожиданное открытіе. Но этимъ открытіямъ приходитъ конецъ, является повтореніе, мы теряемъ интересъ къ окружающему и, съ этихъ поръ, будемъ интересоваться только чѣмъ нибудь рѣдкимъ и поразительнымъ.

Однообразіе жизни съ ея вѣчнымъ повтореніемъ, *semper eadem*, имѣетъ значеніе идеи и причины скуки только для мыслителей, способныхъ къ отвлеченіямъ и метафизикѣ; ибо такая идея превышаетъ понятіе обыкновеннаго человѣка. Но философъ находится подъ вліяніемъ однообразія, скрытаго подъ

видимымъ измѣненіемъ. Аміэль, опьяненный вѣчностью пишетъ ¹⁾: «Что-же такое по существу индивидуальная жизнь? варіаціи вѣчной поэмы: родиться, жить, чувствовать, надѣяться, любить, страдать, плакать и умереть. Нѣкоторые прибавляютъ сюда обогатиться, думать, побѣждать; но, на самомъ дѣлѣ, человѣкъ можетъ всего лишь слегка видоизмѣнить свою судьбу... Все всегда есть колебаніе безконечно малаго и незначительное повтореніе неизмѣннаго мотива». ²⁾.

Съ усталостью чувственника, бросавшагося за наслажденіями, Мопассанъ съ изумленіемъ открываетъ, что все есть повтореніе и скука, что въ четыре шага можно обойти весь свѣтъ. Въ своей книгѣ «На водѣ» онъ далъ проскользнуть нѣсколькимъ признаніямъ: «Нѣкоторые люди, пробѣгая мыслью узкій кругъ возможныхъ удовольствій, останавливаются пораженные ничтожествомъ счастья, однообразіемъ и бѣдностью земныхъ радостей. Не успѣютъ они достичь тридцати лѣтъ, какъ все уже для нихъ кончено. Чего-бы они могли ждать? Ничто уже ихъ не развлекаетъ; они обошли весь кругъ нашихъ тощихъ радостей. Счастливы тѣ, которые имѣютъ силу начинать каждый день тѣ-же дѣла, тѣ-же движенія, вокругъ той-же мебели, въ виду того-же горизонта, подъ тѣмъ-же небомъ, ходить по тѣмъ-же улицамъ, гдѣ встрѣчаются имъ тѣ-же люди, тѣ-же

¹⁾ Journal intime, 12 Septembre. 1870.

²⁾ Служители церкви и моралисты указываютъ на однообразіе и основное тождество жизни для того, чтобы освободить насъ отъ безумныхъ, легкомысленныхъ иллюзій и остановить насъ отъ погони за обманчивой вѣчностью.

животные. Счастливы тѣ, которые не чувствуютъ отвращенія, замѣчая, что ничто не мѣняется, ничто не проходитъ и что все надоѣло» (р. 55).

Эта до болѣзненности неотступная и тяжелая мысль о всеобщемъ однообразіи явилась у Мопассана, вслѣдствіе многихъ причинъ. Мы прибавимъ, по поводу его, такъ какъ наше изслѣдованіе касается и его самаго, нѣсколько строкъ, взятыхъ изъ статьи, гдѣ сопоставляются его біографія съ его произведеніями. «Десять длинныхъ лѣтъ его жизни въ конторѣ, съ ея рутинной, съ «ея вѣчнымъ повтореніемъ одного и того-же» кажется ему достаточнымъ фактомъ для образованія чувства, говорящаго, «что все печально и постоянно повторяется», для того, чтобы вызвать въ немъ «это ужасное отвращеніе отъ вѣчно повторяющихся дѣйствій». Съ этихъ поръ это отвращеніе къ однообразію не перестаетъ посѣщать Мопассана; онъ будетъ мѣнять только тему, отъ приказчиковъ перейдетъ къ свѣтскимъ людямъ, къ артистамъ, какъ будто его личный опытъ доказалъ ему, что ни положеніе, ни заботы высшаго порядка не защищаютъ человѣка отъ этого обычнаго повторенія нашихъ дѣйствій» ¹⁾.

Но чтобы чувствовать все однообразіе жизни, надо чувствовать всю ничтожность ея, тогда скука является продуктомъ мысли, изслѣдовавшей глубину вещей и открывшей пустоту. Эта метафизическая форма скуки будетъ рассмотрѣна, въ свою очередь, отдѣльно.

Скука въ занятіи однимъ и тѣмъ-же ремесломъ. Ремесло есть тяжелая школа труда и навыка. Обу-

¹⁾ «Maupassant peint par lui-même», par G. Chatel; Revue Bleue, 11 Juillet 1896.

чаются ремеслу, чтобы быть къ услугамъ немилосердной публики. Эта могучая мельница; она придаетъ намъ извѣстный видъ, налагаетъ на насъ свою печать, ограничиваетъ, специализируетъ и уродуетъ насъ. Ремесло навязываетъ намъ специальную фразеологию, манеры, особую стереотипность; оно даетъ неправильное развитіе, дѣлаетъ смѣшнымъ, надѣляетъ своеобразными болѣзнями. Мы плѣнники нашей роли, нашихъ покупателей. Заниматься ремесломъ—значитъ быть рабомъ узкой роли, опредѣленныхъ покупателей, и это постоянное рабство, дѣйствительно несносно.

Человѣкъ, съ трудомъ добившійся какой-нибудь профессіи, испытаетъ сначала радость и удовольствіе человѣка, священнодѣйствующаго въ первый разъ: у него титулъ, вывѣска, люди обращаются къ его знанію, въ его домъ! Онъ зарабатываетъ деньги! Эти чувства неофита, освящающія его званіе, очень пріятны, но скоро исчезаютъ.

Люди ничего такъ ненавидятъ и ни на что такъ не жалуются, какъ на свое ремесло, отнимающее у нихъ весь день, накладывающее на нихъ свой отпечатокъ; но отнимите отъ нихъ этотъ возбуждающій энергію двигатель, и они будутъ похожи на потерявшихъ разсудокъ. Вліяніе ремесла такъ велико, что люди могутъ только смягчить его дѣйствіе; они пытаются ускользнуть отъ одуряющихъ обязанностей и предаются пьянству, порокамъ и чисто профессиональному честолюбію. Ремесло это постоянная скука; каждую минуту возникаетъ искушеніе все бросить и бѣжать.

Тяжесть строгой службы и постоянное урѣзыва-

ніе себя доставляютъ намъ глубокое страданіе. Профессиональная дѣятельность, состоящая изъ однообразной, обязательной и срочной работы, утомляетъ все однѣ и тѣ-же пружины и ведетъ къ истощенію. Наши нервы не всегда въ одинаковомъ состояніи. Тотъ, кто свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, можетъ безъ конца разнообразить ихъ: ему не приходится выполнять опредѣленное количество дѣлъ, въ опредѣленные часы. Намъ противно повтореніе, такъ какъ даже наше тѣло постоянно измѣняется. Строго опредѣленная обязанность не считается съ физиологическими законами. Что можетъ быть вреднѣе обязательной работы, исполняемой въ тѣ часы, когда нѣтъ ни силъ, ни расположенія къ работѣ.

Но нѣтъ-ли ремеслъ болѣе легкихъ, гдѣ-бы это однообразіе не было-бы такъ чувствительно? Конечно есть, и къ нимъ люди относятся съ завистью. Сюда принадлежитъ слѣдующія блестящія профессіи: журнальное дѣло, политика, театръ, искусство и литература. Публицисты, политики, актеры, великіе артисты, ведутъ, какъ будто бы, неземное существованіе, имѣютъ сверхчеловѣческія эмоціи и удивительную работу. Эти громкія профессіи имѣютъ каждый день новую программу, и это поднимаетъ и вдохновляетъ счастливца, сумѣвшаго выбрать интересную профессію. Такъ дѣло идетъ у вѣчно спѣшащихъ и восторженныхъ журналистовъ, у политиковъ, возбуждаемыхъ одобреніемъ толпы; въ такомъ-же счастливомъ и привилегированномъ положеніи находятся актеры, сценическіе дѣятели, пародирующие на сверкающей эстрадѣ, ведущіе голозрукружительную игру на аплодисменты и свистки; сюда-же относятся ни-

сатели и артисты, получающіе наслажденіе отъ свободной творческой работы своей фантазіи, развивающей личность и ведущей къ славѣ ¹⁾. Затѣмъ кажутся привлекательными профессія банкировъ, биржевиковъ, спортсменовъ, всякихъ инициаторовъ, большихъ комерсантовъ, имѣющихъ нѣсколько резиденцій, законодателей модъ и сезоновъ, и профессіи, дающія легкій заработокъ. Дѣло творческое, а также дѣла риска и нововведеній не имѣютъ профессиональнаго однообразія и толпа завидуетъ имъ и считаетъ ихъ внѣ скуки, отъ которой сама задыхается.

Скука въ бракѣ. Бракъ есть безпрестанный и безконечный tête-à-tête, суровый договоръ, гдѣ оба супруга стараются примѣниться другъ къ другу, чтобы обезпечить миръ; эти два, конечно, ограниченныхъ существа принуждены измѣнить свою личность, свой характеръ, чтобы сравняться, понимать и любить другъ друга. При такомъ положеніи дѣла является скука.

Скука начинается съ помолвки; изъ цѣлаго ряда поклонниковъ и претендентовъ, которыми была окружена молодая дѣвушка, теперь у нея остается одинъ

¹⁾ Тѣмъ отмѣчаетъ различіе между угрюмой работой буржуазныхъ профессій и профессіей артиста разсказомъ, какъ однажды онъ проѣздомъ былъ въ Бордо; онъ былъ удивленъ тѣмъ праздничнымъ видомъ, какой принимаетъ этотъ коммерческій городъ вечеромъ. «Они въ правѣ веселиться; разъ я имѣю какую-нибудь ремесленную работу, я знаю что такое это ремесло. Хочется уйти отъ него, забыть пошлость, однообразіе дѣлъ, хочется какъ бы омыть всѣ свои чувства своего рода шампанскимъ. Жизнь артиста, писателя совсѣмъ другая. Онъ наслаждался, создалъ, исполнилъ дневной долгъ человѣка, вечеромъ ему нуженъ отдыхъ». (Carnets de voyage: notes sur la province. 1863—1865, p. 67).

ухаживающій. Молодой человѣкъ представляетъ какъ бы отрекающимся отъ своей свободы; онъ смутно чувствуетъ, что лишается правъ; онъ владѣлъ и царилъ надъ цѣлымъ міромъ женщинъ, а теперь отказывается отъ этой власти, отъ этой оглушающей полигаміи. Передъ нимъ былъ цѣлый міръ женщинъ, онъ мѣнялъ своихъ любовницъ по мѣрѣ того, какъ онѣ переставали ему нравиться; теперь-же онъ долженъ навсегда ограничиться единственной определенной любовью. Онъ съ тоской присматривается къ малѣйшимъ физическимъ и нравственнымъ особенностямъ своей будущей жены; ибо отъ всего можетъ зависѣть его будущая судьба.

Скука является и во время свадебныхъ путешествій, создающихъ уединеніе, внезапную и приводящую въ смущеніе интимность, въ которой молодые не знаютъ что сказать другъ другу. Иногда tête-à-tête такъ невыносимъ, что чета съ горя заводитъ сомнительное знакомство и дружбу съ сосѣдями по table d'hôte'у, съ путешественниками.

Вотъ наконецъ, супружеская чета устраивается въ своей квартирѣ, разукрашенной какъ только можно. Почему бы, кажется, скучать этимъ двумъ существамъ? Они изучаютъ другъ друга и вполне естественно, что ищутъ счастья въ полномъ согласіи. Скучать вдвоемъ таковъ брачный идеалъ. Является какъ бы взаимное запрещеніе играть свою роль отдѣльно, имѣть отдѣльные вкусы, требуется равенство и дружба. Къ тому-же ихъ сторожатъ родные изъ страха, что они разорвутъ цѣпи, обратятся въ бѣгство; ихъ охраняютъ семья и общественное мнѣніе, на прогулкѣ они показываются вмѣстѣ, какъ

люди очень привязанные другъ къ другу. Эта вынужденная близость продолжается даже на разстояніи (ибо она доходитъ до галлюцинаціи), и каждый читаетъ и отгадываетъ другого до глубины его души, проникая даже въ его будущія мысли. Кто изъ нихъ соскучится первый. Это — мужъ. Мужчина живетъ преимущественно внѣ дома, живетъ, не отказывая себѣ ни въ чѣмъ; возвращаясь домой, онъ чувствуетъ себя стѣсненнымъ. Какъ существо подвижное, онъ двигается, учится, мыслить; женщина же, у которой мало идей, отличается мало-подвижностью. Жена начнетъ представляться мужу, какъ что-то отдаленное, прошедшее, какъ грѣхъ юности, преслѣдующій его всю жизнь, между ними вырастетъ пропасть и будетъ все увеличиваться; мужъ первый будетъ невѣрнымъ женѣ изъ-за скуки. Женщина обладаетъ необычайнымъ терпѣніемъ въ отношеніи однообразія; она любитъ традиціи, однообразіе хозяйственныхъ хлопотъ; ея умъ не ищетъ новыхъ путей; ей достаточно того, что она царица небольшого мира; она удивляется, видя переѣзду въ своемъ мужѣ; сможетъ-ли она не отставая слѣдовать за нимъ? Точно также она съ трудомъ вѣритъ и не понимаетъ, что ея дѣти растутъ, и развиваются. Отъ однообразной атмосферы брачной жизни женщина навѣрное страдаетъ меньше чѣмъ мужчина. Но бракъ бываетъ вполнѣ счастливымъ только при взаимномъ надзорѣ за поступками и при ревнивомъ равенствѣ душъ. Общая скука подъ смягчающимъ именемъ полного единенія, семейнаго счастья, умѣренности и благоразумія, есть ежедневная брачная пища. Внѣ скуки по обоюдному согласію нѣтъ благословенія. Очевидно къ этому надо имѣть призваніе.

Скука брачной жизни служить отправной точкой безчисленному множеству романовъ; авторъ романа беретъ это положеніе, какъ основное положеніе, не требующее длинныхъ доказательствъ и заставляетъ героевъ искать приключеній, съ цѣлью развлечься. Скука супружеской жизни, въ этихъ установившихся, обычныхъ формахъ, подробно описана въ двухъ романахъ: у Флобера, въ романѣ «Г-жа Бовари», и у Толстого, «Анна Каренина».

Скука въ любви. Если есть сильное, глубокое чувство, которое должно было бы устоять противъ скуки, то это любовь. Любовь безконечно зарождающаяся въ страсти, вызываетъ къ жизни, къ разцвѣту всѣ способности души и ихъ созвучье и составляетъ ея силу. Гдѣ же тутъ основанія для скуки? Для этого есть столько же причинъ, какъ для того, чтобы любовь умерла. La Bruyère пишетъ: «Любовь умираетъ отъ отвращенія и забвенія хоронить её... Едва-ли есть другое основаніе перестать любить какъ то, что мы много любили... Перестать любить значитъ показать, что человѣкъ ограниченъ и что и сердце имѣетъ границы»¹⁾.

Возьмемъ сначала чувственную любовь, наиболѣе распространенную, простую и наиболѣе истинную.

О наслажденіи можно замѣтить одно: люди умные не злоупотребляютъ имъ и направляютъ любовь къ высшимъ сторонамъ души, люди несмѣтливые поступаютъ какъ варвары, срубающіе дерево, чтобы получить съ него плоды, они бѣшено и непредусмотрительно предаются наслажденію. Именно, люди чув-

¹⁾ Du Cœur.

ственные ни что иное какъ моты, приближающіеся къ банкротству; они повинуются темной логикѣ; любовь для нихъ это ихъ трепещущее тѣло, ихъ волненіе и ихъ желанія. Когда выходятъ изъ этого горнила кипѣнія и бреда и входятъ въ поясъ умѣренныхъ чувствъ: уваженія, симпатіи, дружбы, когда удерживаютъ порывы, когда занимаются не настоящей страстью, тогда уже нѣтъ любви. Какъ удивительны безнадежныя усилія любовниковъ фанатиковъ сохранить исчезающую любовь.

Сначала они предаются наслажденію до пресыщенія; едва-ли можно лучше и основательнѣе ихъ разработать предметъ. Они прибѣгаютъ ко всему тому, что грѣетъ тѣло и веселитъ воображеніе: сластолюбіе въ ѣдѣ, крѣпкія вина, красивая обстановка, восхитительные уголки; имъ на помощь придетъ искусство повторяющее и прикрашивающее страсть, а также театръ, поэзія музыка, живопись, въ которыхъ столько уроковъ любви и которые входятъ въ составъ наслажденія ¹⁾. Однако любовь погибнетъ, но любовники будутъ поддерживать ее до конца, ревнуя, ссорясь, ненавидя и угрожая другъ другу.

Размышленіе о невѣрности и хитрое подготовленіе разрыва, вотъ единственныя средства отъ смертельной скуки въ любви, вызывающей зѣвоту, скрываемую въ ядовитой улыбкѣ.

Можетъ быть только чувственники страдаютъ отъ скуки въ любви? Никто не избѣгнетъ ее. Проявленія личности и эгоизма неизбежны, и рано или

¹⁾ Каждый артистъ передаетъ намъ пережитыя имъ наслажденія.

поздно явится разладъ въ повидимому крѣпкихъ связяхъ, и скука явится по крайней мѣрѣ у одного изъ супруговъ. Между прочими категоріями людей, скоро начинающихъ скучать въ любви, назовемъ: эгоиста, который хотѣлъ-бы все присвоить себѣ, чловѣка своеобразнаго, самолюбиваго, рѣшительно неспособнаго слиться съ другимъ; мечтателя, склоннаго къ химерамъ, или мечтающаго о уединеніи; скептика; Донъ Жуана, алчнаго къ побѣдамъ; очень умнаго чловѣка, примѣшивающаго иронію къ ласкамъ.

Мужчина первый почувствуетъ охлажденіе въ любви; въ началѣ онъ первый приходитъ на свиданіе, впоследствии онъ первый будетъ запаздывать.

Во многихъ произведеніяхъ литературы взята темой скука въ любви, тяжесть оковъ, открытая война между любовниками, стыдящимися, что страсть миновала и остыла любовь; назовемъ въ числѣ ихъ романы: «Адольфъ» Бенжамена Констана, «Сафо» Додэ и «Тріумфъ смерти» М. Д' Аннунціо.

Скука въ семьѣ. Скука въ семьѣ происходитъ прежде всего отъ тяжести и неизмѣнности семейныхъ узъ, отъ бѣдности чувства и впечатлѣній, которыми обмѣниваются лица, принужденныя жить вмѣстѣ.

Прежде другихъ скучаютъ въ семьѣ тѣ члены ея, индивидуальность и характеръ которыхъ находятся въ прямомъ антогонизмѣ съ семейными обычаями; также въ глубокомъ разладѣ съ ней находятся идеалисты, честолюбивые, чувственники и лица дѣятельныя.

Семейный образъ жизни ревниво требуетъ равен-

ства членовъ, какъ бы особаго рода взаимнаго пренебреженія, благоразумія и узкаго реализма. На идеалистовъ, искателей химеръ, загипнотизированныхъ мечтой, смотрять плохо; ихъ считаютъ опасными; не вѣрятъ ихъ мисси и ихъ величію. Такъ былъ въ подозрѣніи отецъ всѣхъ идеалистовъ, Иисусъ Христосъ: «Семейныя отношенія для него мало значили. Казалось семья не любила его и иногда онъ бывалъ черствымъ къ ней. Иисусъ, какъ и всѣ люди, занятые исключительно одной идеей, придавалъ мало значенія узамъ крови. Духовныя узы единственныя, которыя признають такія натуры ¹⁾».

Въ свою очередь натуры честолюбивыя тоже задыхаются въ стѣнахъ родного дома: они мечтають о власти и въ окружающемъ не видятъ ничего интереснаго, но ихъ намѣренія считаютъ безумными; не вѣрятъ въ ихъ нарождающіеся таланты; всякія притязанія на что нибудь, не связанна съ опредѣленной карьерой и удобствами, считаются нелѣпыми; родные называютъ это глупостью, сумашествіемъ, «Скука родится въ семьѣ, въ зимній вечеръ», говорятъ Lamennais, вспоминая о буряхъ.

Семья имѣетъ смыслъ въ томъ случаѣ, если представляетъ собою нравственный центръ; въ ней необходимы уваженіе и честность; семейный разговоръ далекъ отъ неудобныхъ и запрещенныхъ темъ; люди; наиболѣе предосудительные въ порокахъ или страстяхъ и тѣ, въ семьѣ надѣваютъ маски; какова-же въ общемъ, атмосфера въ семьѣ? Сан-

¹⁾ Renan. Vie de Jésus. p. 44. 19-e édition.

тиментальное уваженіе, т. е. немного вялая атмосфера, въ которой плохо чувствуютъ себя люди чувственные, охотники до веселья, разнузданныхъ разговоровъ и пранныхъ удовольствій.

Также тѣснятъ стѣны семейнаго дома и людей дѣятельныхъ, имѣющихъ въ виду свою цѣль, и въ особенности людей безпокойныхъ, вѣчно стремящихся къ новымъ приключеніямъ, къ новымъ модамъ, и переменамъ; всѣ они мало расположены къ тепличному характеру семейныхъ чувствъ.

Но скука, присущая семейной жизни, не щадитъ и тѣхъ, которые любятъ семейный очагъ. Эти члены окружающей насъ семьи слишкомъ извѣстны, слишкомъ знакомы, мы не удивляемся имъ и не интересуемся ими; они теряютъ для насъ свою выразительность. Начать съ того, что въ этой душной атмосферѣ, гдѣ соблюдаютъ во всемъ экономію, лица остаются застывшими, неподвижными, невыразительными, тѣ самыя лица, которыя оживляются, быть можетъ, внѣ дома. Смотри на нихъ испытываешь скуку и, по правдѣ говоря, мы и не смотримъ на эти приглядѣвшіяся намъ лица; они худѣютъ, дурнѣютъ, старѣютъ, а мы и не замѣчаемъ всего этого; извѣстно, что мы плохо наблюдаемъ тѣхъ, кто у насъ постоянно передъ глазами. «Мы не можемъ выносить другъ друга», таковъ внезапный крикъ скуки, раздраженной присутствіемъ невыносимаго лица. Эти лица, производятъ на насъ двойственное впечатлѣніе: ихъ черты представляютъ собою печальную лѣтопись прошлаго, а съ другой стороны въ нихъ видны заботы настоящаго. Обаяніе незнакомыхъ лицъ въ томъ и заключается, что они

не напоминаютъ намъ ничего изъ нашего прошлаго, которое рѣдко бываетъ пріятнымъ и представляется по меньшей мѣрѣ, какъ ненужная тяжесть. Было-бы хорошо, если-бы, когда истощится мягкость людей живущихъ вмѣстѣ, одно изъ лицъ откровенно уходило-бы, сдѣлалось бы историческимъ; при короткихъ свиданіяхъ, оно представлялось-бы трогательнымъ анахронизмомъ, тѣлеснымъ явленіемъ съ того свѣта.

Семья можетъ тяготить не только своими лицами, но и голосами. Въ этихъ голосахъ всё наше прошлое. Радость путешествія заключается въ звукахъ новыхъ голосовъ: звукъ извѣстнаго голоса несетъ за собою образъ человѣка, которому онъ принадлежитъ и лишній разъ напоминаетъ его характеръ, тогда какъ рядомъ съ представленіемъ объ иностранцѣ, къ которому мы безразличны, въ умѣ нашемъ не вырисовывается ни одно опредѣленное представленіе; намъ нечего отождествлять, мы пѣняемся прелестью новизны. По той же причинѣ ничто не дѣйствуетъ такъ свѣжо и успокоительно, какъ голоса, животныхъ, колоколовъ, шума природы, ибо они не представляютъ индивидуальности.

Чтобы ослабить скуку, производимую одними и тѣми же лицами, голосами и разговорами, въ семьѣ стараются избѣгать другъ друга, говорить какъ можно меньше, двигаются какъ сомнамбулы, съ полужакрытыми глазами. Ничто не можетъ вызывать большаго раздраженія, чѣмъ постоянныя сношенія съ человѣкомъ. Наиболѣе скучные члены семьи тѣ, которые долѣе тяготѣютъ надъ нами, напр., наши отецъ, мать.

Въ семьѣ скучнѣе, чѣмъ внѣ ея. Внѣшній міръ это безконечная вселенная. Если даже мы будемъ исключительными натурами, въ обширномъ мірѣ найдутся намъ сотоварищи; въ сравненіи съ этой безконечностью, семья кажется незамѣтной единицей. Внѣшній міръ производитъ совсѣмъ другое впечатлѣніе: подчиняясь его свободному и шумному тону, мы чувствуемъ себя свободнѣе и увѣреннѣе; наши поступки принимаются здѣсь во всей своей смѣлости. Перешагнувъ порогъ семейнаго дома, въ силу рѣзкаго контраста намъ покажется, что мы вошли или въ погребъ, или въ храмъ. Домашніе лары благоразумно почитаются, имъ воздаютъ культъ, почтительно ходятъ на ципочкахъ, надѣвая мягкія туфли; кажется, что здѣсь сохраняются реликвіи; въ воздухѣ чувствуется невидимое присутствіе почитаемыхъ призраковъ, душъ предковъ, любимыхъ умершихъ людей.

Ноте это мѣсто отдохновенія, гдѣ приходятъ въ себя и благоразумно накапливаютъ здоровье и деньги, растраченныя внѣ дома. Здѣсь мы всегда имѣемъ время собраться съ мыслями; со своими нечего пускаться въ разговоры и признанія, такъ какъ извѣстно, что насъ болѣе не слушаютъ; нигдѣ не забываются такъ скоро слова, какъ въ семьѣ, здѣсь они мало проникаютъ въ глубину. Ничто не принимается во вниманіе даже брань, прощаемая ради взаимнаго пренебреженія, такъ какъ готовы оставаться жить вмѣстѣ, не смотря ни на что; свою же живость приберегаютъ для лучшихъ товарищей, для лучшихъ цѣнителей. Въ семьѣ не обращаютъ вниманія ни на что: ни на платье, ни на манеры, ни на фи-

зіоміи; ея обыкновеннымъ тономъ является сухая, краткая и плохо выраженная рѣчь, вялая и лѣнивая мысль; это скука въ формѣ сонливости и сквернаго расположенія духа. И въ этомъ узкомъ пространствѣ, благопріятномъ для столкновеній, движутся лица замкнутыя, нахмуренныя, непроницаемыя, съ выраженіемъ *poli me tangere*, обороняющагося, и внушающаго страхъ.

Дѣйствіе этой скуки такъ расслабляюще, что каждый старается ввести за собою своихъ личныхъ, близкихъ друзей, владѣющихъ секретомъ нашихъ мыслей, смѣха, одно присутствіе которыхъ вызываетъ подъемъ духа. Но такой способъ прикрытія не сразу допускается: чужіе люди — внѣ дома; семейный домъ это храмъ, гдѣ среди вѣрующихъ поддерживается традиціонный культъ скуки. Это слово въ цѣломъ заключаетъ всѣ семейныя чувства.

Наконецъ въ чувство скуки, свойственной семьѣ, входитъ чувство фатальности и нерасторжимости кровныхъ узъ. Насъ давитъ мысль, что мы съ дѣтства навязаны и впутаны въ семью, безъ малѣйшей съ нашей стороны возможности выбора или возможности полного разрыва. Мы думаемъ, что имѣемъ свое особенное лицо, свойственный намъ однимъ характеръ, но это совсѣмъ не такъ: насъ отождествляютъ съ такой-то родней, въ насъ есть семейныя черты. Въ нашей сущности мы неотвратимо наследуемъ завѣщанное намъ. Насъ опредѣляютъ, судятъ наши недостатки раньше, чѣмъ узнаютъ насъ на дѣлѣ. Въ этомъ есть *diminutio caritatis*, которое дѣлаетъ насъ застѣнчивыми передъ пронизательнымъ взглядомъ людей, знающихъ нашу генеалогію. Насъ

манить иногда смѣлая карьера, дорога, въ которой затеряются наши слѣды; мы раскинемъ свой шатеръ на концѣ свѣта, но семья всегда насъ настигнетъ; счѣты съ нею вѣчно не кончены; къ денежнымъ вопросамъ присоединяются трудные вопросы нравственной солидарности. Собираемся-ли мы умереть — наши предупрежденные родственники сбѣгаются, овладѣваютъ нашей комнатою. Ясное или неясное чувство этихъ видимыхъ или невидимыхъ цѣпей и составляетъ основу скуки, свойственной семьѣ.

Можно въ одно и тоже время и хорошо себя чувствовать и скучать въ семьѣ. Есть матери, не жалющія для дѣтей ни заботъ, ни ласки и признающіяся въ смертельной скукѣ. Дитя такъ медленно растетъ для тѣхъ, у кого оно на глазахъ. Его одѣваютъ какъ игрушечку, всѣ его слова находятъ умными; это наивный апофеозъ, желающій вознаградить многія потраченные на него часы.

Бываютъ случаи откровеннаго пренебреженія къ семьѣ и вмѣстѣ нежеланіе отдѣлиться отъ нея, въ слѣдствіе потребности въ обществѣ; эти существа, не могутъ терпѣть другъ друга и не могутъ покинуть другъ друга; здѣсь является скука.

Мы сказали какъ испытывается и выражается скука въ семейной жизни: относительное спокойствіе, безучастные взгляды, походка привидѣній, явное пренебреженіе. Для борьбы съ умѣренной скукой нужны небольшія средства. Но иногда скука необыкновенно сильна, невыносима; мотивами къ раздраженію служатъ тяжелыя условія существованія, антогонизмъ темпераментовъ, столкновеніе интересовъ, бѣдность и т. д.; тогда скука проявляется

въ открытой ненависти или въ скрытой мучительной злобѣ. Есть пословица: чѣмъ дальше въ море, тѣмъ больше портятся характеры; также и въ семейной жизни.

Скука въ деревнѣ. Однообразіе жизни въ деревнѣ очевидно; это ея непремѣнное и грозное условіе. Вы, которые ѣдете въ деревню, оставьте всякую надежду! Жизнь въ деревнѣ это предвкушеніе вѣчнаго покоя, это изнурительная болѣзнь.

Скука, которая здѣсь скрывается, прямо зависитъ отъ чрезвычайной простоты индивидуальной и социальной жизни.

Деревня это кучка домовъ, которую легко охватить глазомъ. Какъ, мы должны будемъ жить на этой площадкѣ въ два шага! Мы пересчитываемъ жителей, чтобы разсчитать, что мы можемъ отъ нихъ ожидать, и получаемъ неутѣшительный выводъ; ибо, чтобы найти дружбу, любовь, надо испытать тысячу существъ.

Намъ скажутъ, что большой городъ, гдѣ думаютъ и живутъ, отсылаетъ сюда журналы, обзорѣнія и книги. Но все это запаздываетъ, вывѣтривается; событія, о которыхъ они говорятъ слишкомъ далеки отъ насъ; а событія, также какъ и лица, дѣйствуютъ на насъ въ зависимости отъ ихъ близости. Живя въ этомъ сельскомъ уединеніи, гдѣ мы ничего и никого не видимъ, можно-ли увлечься чтеніемъ, извлечь изъ него ту массу впечатлѣній, которыя заключаются въ немъ? Непрерывная психическая работа, безъ новыхъ возбужденій также невозможна, какъ и физическая.

Большой городъ дѣйствуетъ возбуждающе своимъ

оглушающимъ шумомъ и постояннымъ волненіемъ, приводящимъ въ движеніе человѣческія маріонетки; въ деревнѣ-же покой полей и тишина. Послѣ непродолжительнаго пребыванія въ этихъ очаровательныхъ и усыпительныхъ мѣстахъ нервы успокаиваются. Развитой до болѣзненности слухъ показываетъ, какъ глубоко проникла въ насъ эта тишина: необычный шумъ, какъ бы онъ лѣгокъ ни былъ, дѣйствуетъ на насъ какъ ударъ въ гонгъ; мы боимся возвратиться въ воющіе города; съ этихъ поръ нашъ чуткій сонъ, наша мысль будутъ зависеть отъ пустяковъ.

Въ деревнѣ времена года, дни, часы, похожіе другъ на друга, проходятъ какъ бы затянутые сѣрой дымкой. Въ большихъ городахъ времена года не только метеорологическія явленія, предвидѣнныя измѣненія окраски неба и вида деревьевъ, но каждое изъ нихъ имѣетъ свою особенную фізіономію, свои особенныя черты. Открытіе театровъ, новыя моды, мѣняющаяся выставка товаровъ въ магазинахъ, свѣтскія церемоніи, выставки и т. д. Городской день это движущаяся панорама, пестрая и разнообразная, для которой есть свои назначенныя актеры, играющіе на условныхъ мѣстахъ; каждый часъ имѣетъ свое событіе. Но деревня съ начала и до конца года спитъ ничѣмъ не обезпokoенная, погруженная въ одинаково тяжелую для всѣхъ временъ года скуку.

Эта скука, висящая въ воздухѣ, видимая на лицахъ сожителей, которую вбираешь въ себя вмѣстѣ съ ихъ словами, дѣйствительно составляетъ недостатокъ сельской жизни. Есть среди сельскихъ жителей такіе, которые чувствуютъ, что неспособны

жить въ болѣе населенномъ мѣстѣ. Но неумолимая деревенская скука справляется и съ людьми сильными. Увѣренные, что нѣтъ ничего стоящаго любопытства, не имѣя воображенія, деревенскіе жители, подавленные пошлой скукой, ничѣмъ не интересуются. Эта неторопливая жизнь вырабатываетъ въ нихъ благоразуміе, и она же даетъ время для размышленій, а слѣдовательно и для скуки. Скучать значить имѣть время для размышленій, для анализа. Профессиональныя дѣла здѣсь ведутся плохо по недостатку увлеченія и соревнованія. Всѣ профессиональныя дѣла въ пренебреженіи. Возьмемъ сельскаго врача: къ нему относятся съ недоувѣріемъ, его репутацію считаютъ подозрительной; это потому, что, онъ скучаетъ до одуренія; онъ осматриваетъ больныхъ, не заглядывая болѣе въ книги; все изгладилось изъ его памяти. Еще понятно со стороны нотариуса или комерсанта незначительнаго мѣстечка пренебрегать своими крошечными дѣлами, но дѣятельность врача всюду необходима и всюду находить необходимый матеріалъ и интересные паталогическіе случаи, а умственный уровень больныхъ субъектовъ его вовсе не касается; но сельскій врачъ ничѣмъ не интересуется и погибаетъ отъ скуки. По немъ можно судить о другихъ.

Деревенская скука имѣетъ свои активныя проявленія. Подъ вліяніемъ здѣшняго режима истощается умъ; онъ неможетъ достичь тонкости и оригинальности, но будетъ по своему изобрѣтателенъ и продуктивенъ: онъ упражняется и обостряется въ мѣстныхъ столкновеніяхъ; поле соціальной жизни въ деревнѣ тѣсно; нужна особая ловкость для того,

чтобы дѣйствовать на немъ! Отъ скуки и отсутствія умственной пищи, люди завидуютъ, клеветаютъ и злословятъ. Деревня это благословенное мѣсто для ядовитыхъ розказней, вѣроломныхъ сплетенъ, ссоръ, тяжбъ, согладатайствъ и доносовъ, такъ какъ здѣсь легче наблюдать чужую жизнь и есть для этого много досуга.

Но скука деревни даетъ также и мудрость, тишина ея полей даетъ спокойствіе души, а медлительность жизни даетъ долговѣчность, эту гордость деревенскихъ жителей.

Скука монаха. Монахъ это человѣкъ, сосланный въ пустыню или же плѣнникъ въ тюрьмѣ, человѣкъ похожій на свою тѣнь. Упростивъ до крайности и безъ того бѣдную земную жизнь, онъ отказался отъ семьи, отъ любви, отъ богатства, отъ честолюбія, отъ удовольствій, отъ свободы, отъ воли, отказался отъ всего. Онъ отвергъ землю и хочетъ только неба; но онъ не болѣе владѣетъ небомъ, чѣмъ землею, онъ виситъ между ними въ облакахъ; въ такомъ ненадежномъ положеніи, онъ долженъ испытывать страшную скуку.

Отвѣты его на счетъ скуки смутаны и противурѣчивы: то онъ клянется, что не имѣетъ о ней понятія, то признается, что задыхается отъ нея. Намѣренія, цѣль монаховъ нисколько не отличаются отъ цѣли всѣхъ людей: и они ищутъ счастья. Они утверждаютъ, что нашли счастье въ своихъ монастырскихъ правилахъ. Уже много разъ оспаривалось это парадоксальное утвержденіе, имѣющее долю недобросовѣстности и притворства. Мы легко подмѣтимъ скуку въ ихъ бѣдномъ, полномъ лишеній существованіи.

Скука монаха фактъ очевидный: его жизнь съ ея установленіями ничто иное, какъ угрюмый автоматизмъ, попытка обратиться въ мумію. Этотъ человѣкъ только тѣнь человѣка; вслѣдствіе одного того факта, что онъ бѣжалъ отъ жизни, является подозрѣніе въ его умственной незрѣлости и неспособности. Ради умерщвленія плоти онъ столько вычеркнулъ изъ своего сердца и изъ тѣла, что ему остается только голова и та не во всей цѣлости. Онъ зажигаетъ здѣсь пламя и хочетъ, чтобы оно горѣло ярко; но оно постоянно погасаетъ, вслѣдствіе недостатка топлива. У монаха нѣтъ иныхъ сношеній, какъ только съ Богомъ; но этого не достаточно, чтобы поддерживать въ себѣ тепло и жизнь.

Монашеская скука облекается въ разныя формы, назовемъ: тѣлесныя искушенія, сомнѣнія въ вѣрѣ, грѣхъ злословія и злобы, недостаточная суровость души, неотвратимая разсѣянность, несвоевременные позывы ко сну. Все это составляетъ счѣты съ діаволомъ и темы для длинныхъ исповѣданій.

Есть набожные люди, съ болѣе сложной душой, у которыхъ скука особенно остра и мучительна: она складывается изъ воспоминаній дѣтства, родного очага, матери, изъ тревожныхъ мечтаній; или же это люди чувствующие всю пустоту, весь холодъ, всю безотрадность своей жизни.

Какъ борются въ монастыряхъ противъ скуки? Правила общины предвидѣли эти адскія козни, и здѣсь, также какъ и вездѣ, успокоительное дѣйствіе разнообразія занятій считается лучшимъ способомъ сократить тяжесть долгихъ часовъ. Росписаніе дня, это искусное произведеніе, изъ за чести изобрѣ-

тенія котораго спорили основатели ордена, дѣлать работу иноковъ на мелкія части; церковный годъ имѣетъ свои пестрыя эфемериды, еще болѣе разнообразныя на первый взглядъ, чѣмъ росписаніе свѣтскаго года или программы театральнаго сезона. Каждый день посвященъ святому, жизнеописаніе котораго даетъ умственную пищу; есть чудная исторія Иисуса Христа, есть празднества, торжественныя литургіи и посты, искусно чередующіеся съ мясоѣдами...

Но эти средства противъ скуки также мало дѣйствительны какъ поверхностныя утѣшенія въ глубокомъ горѣ. Противъ предательскаго психическаго недуга, нѣтъ вѣрнѣе средства, какъ только свое индивидуальное. Монахъ, чувствуя себя столь же сухимъ, какъ мертвое дерево, будетъ бороться противъ своей засухи удвоенными молитвами, громкими стenanіями, хитрыми и искусными умерщвленіями плоти, въ особенности причащеніемъ, производящимъ «духовное обновленіе» теологовъ, будучи ихъ насущнымъ хлѣбомъ, особеннымъ укрѣпительнымъ средствомъ, символическимъ леченіемъ внутренняго истощенія. — Это обыкновенное и не хитрое врачебное средство удивительно хорошо дѣйствуетъ на подготовленныхъ къ нему. Нравственная система монаха, не возбуждаемая удовольствіями, возбуждается только такими средствами и въ этомъ направленіи она можетъ давать удивительныя по силѣ наслажденія. Пренебрегая своимъ тѣломъ, какъ ненужнымъ, обращаясь къ высотамъ своего духа, инокъ будетъ доходить до фантастическихъ нервныхъ подъемовъ, онъ будетъ одаренъ способностью управлять, какъ магъ,

необыкновенными галлюцинаціями, будетъ имѣть свѣтлыя видѣнія, будетъ по своему желанію вызывать экстазы; учитель безконечнаго, виртуозъ опасныхъ состояній духа, онъ захочетъ подняться еще выше, въ открытое небо, въ чистый эфиръ.

Для грубыхъ натуръ которые не могутъ гнаться за высочайшими наслажденіями, остается относительно легкое страстное упражненіе въ суровости: умерщвленіе плоти анахорета получило названіе «оргіи пустынника»; бичеваніе не лишено особой пріятности и слабое чувство жизни монаха просыпается отъ суровой власяницы и бичеванія.

Эти состоянія перваго опьяненія служатъ элексиромъ противъ безотрадной скуки; другія страсти и чувства создадутъ другія развлеченія; монахъ усиливаетъ свою анемичную любовь къ Богу укрѣпительной ненавистью мірянина; онъ принимаетъ на себя роль апостола, пророка; онъ ищетъ мѣста миссіонера; онъ навлекаетъ на себя преслѣдованія и мученичество или же, слѣдуя инымъ наклонностямъ, дѣлается схолиастомъ, внимательно работаетъ надъ толкованіемъ священнаго писанія, онъ уживается схоластикой, онъ хочетъ ввести нововведенія въ ритуаль и въ мистику, или же проэктируетъ основать новый орденъ, правила котораго будутъ отвѣчать тонкимъ оттѣнкамъ его чувствительности. Онъ пойдетъ еще дальше: въ дни, когда онъ не въ духѣ, онъ грезитъ о великомъ расколѣ, который обновитъ христіанство; въ своихъ размышленіяхъ онъ допускаетъ ересь; въ служеніи опускаетъ Filioque, чтобы сдѣлаться византійцемъ; онъ вызываетъ волненіе; онъ заигрываетъ съ діаволомъ.

Скука монастырей всеми признана, но аскетъ приписываетъ ее не своей противоестественной жизни и не неизменнымъ психофизиологическимъ причинамъ, а временному отсутствію благодати; у Оиванскихъ отшельниковъ она называлась «*daemon meridianus*», а въ средніе вѣка *acedia*, *taedium vitae*. Вопреки ихъ дѣтскому смѣху, которымъ они прикрываются, вопреки ихъ самоувѣренности, монахи и монашествующіе въ глубинѣ сердца таятъ мрачный крикъ отчаянія, выражаемый словами: «Боже мой, почто мя еси оставилъ»?

Скука заключеннаго: Скука заключеннаго не требуетъ доказательствъ. Здѣсь вопросъ заключается въ слѣдующемъ: тюрьма представляется концомъ всего, какъ-бы погребеніемъ, и спрашивается изъ чего же состоятъ скукѣ у заключеннаго? Что касается духовныхъ элементовъ ея, то врядъ ли ихъ можно подмѣтить. Мы имѣемъ доказательство этой мысли въ слѣдующихъ строкахъ знаменитаго заключеннаго ¹⁾... «Я не скажу, чтобы я скучалъ; нѣтъ, у меня нѣтъ болѣе этой способности» (*Donjon de Vincennes*, 28 mai 1848). «Я ничего не скажу вамъ о своемъ здѣсь существованіи; оно похоже на то, къ которому я издавна привыкъ, оно больше не можетъ разбудить скуку въ моемъ сердцѣ. Я выражусь какъ выражаются въ химіи и физикѣ про теплородъ, скажу, что я предсталъ передъ самимъ собою въ скрытомъ состояніи. Обыкновенно я не знаю, бодрствую ли я!» (*Prison de Doullens*, 14 oct. 1849). Такая скука

¹⁾ Lettres de Barbès à George Sand, publiées par la Revue de Paris, 1-er juillet 1896.

въ *animâ vili*, созданная случайно вслѣдствіе заточенія, не имѣетъ интереса для психолога.

Скука тѣла. Не смотря на тѣсную взаимную зависимость тѣла и души, все же они различны. Каждый изъ нихъ имѣетъ свою дѣятельность, свое здоровье, свои болѣзни, свою пищу и свое леченіе. Тѣло имѣетъ свои законныя потребности, свои радости, незамѣнимыя радостями духа; въ извѣстныхъ случаяхъ неудовлетвореніе ихъ и будетъ отправной точкой и причиной скуки. Есть скука тѣла, и есть особая индивидуальности, особенно подверженныя ей; это такъ называемые прожигатели жизни, любители повеселиться, люди живущіе больше тѣломъ и чувствами, а потому понятно что, если тѣло живетъ и веселится, то оно-же и будетъ страдать и томиться, такъ какъ должна наступить реакція; такая скука, является послѣ полного и широкаго пользованія жизнью; нашъ костякъ не утомляется, потому что онъ не достаточно живетъ. и не подвергается большимъ измѣненіямъ.

Тѣло страдаетъ, отъ плохого питанія, фізіологической бѣдности, когда оно не вполне удовлетворено въ своихъ необходимыхъ для его развитія и благосостоянія потребностяхъ, въ родѣ мускульной дѣятельности и страсти. Тогда является органическая слабость, неопредѣленное недомоганіе затемняющее и усыпляющее умъ.

Просто говоря, скука есть слѣдствіе однообразія пищи.

Извѣстно, что въ пищѣ необходимо разнообразіе. Невкусная грубая и однообразная ѣда растраиваетъ пищевареніе, дурно вліяетъ на здоровье и на

расположеніе духа. Это хорошо знаютъ больные, придерживающіеся строгой діеты. Есть люди, которые, просто ради опыта, пробовали систематично уменьшать количество пищи. Гюйо говоритъ объ одномъ такомъ экспериментаторѣ: «Отказывая себѣ въ разнообразіи пищи, исключая изъ нея мясо, вино, всѣ приправы, все возбуждающее вкусъ, онъ дошелъ до того, что сократилъ на сколько это было возможно свойственное всѣмъ желаніе поѣсть, сократилъ чувство голода при видѣ вкусныхъ блюдъ-пріятное предвкушеніе ѣды, играющее у нѣкоторыхъ людей такую важную роль въ жизни. Нашъ экспериментаторъ замѣнилъ всю ѣду нѣсколькими, ничѣмъ не приправленными, чашками молока. Отказавшись почти совсѣмъ отъ грубыхъ удовольствій, онъ замѣнилъ ихъ умственными и эстетическими наслажденіями. Хотя это не былъ еще сонъ, но и не реальная жизнь. Послѣдовательная смѣна нашихъ желаній и удовольствій отъ исполненія ихъ составляютъ нашъ день. Трудно себѣ представить ту пустоту, которую влечетъ за собою простое запрещеніе какой нибудь ѣды» ¹⁾.

Но одного разнообразія пищи еще недостаточно; иногда является потребность чего нибудь особеннаго, въ родѣ утонченнаго и роскошнаго обѣда и чувственнаго удовольствія. Это встряхиваетъ насъ отъ сонливаго оцѣпенѣнія. Каждое искусно приготовленное блюдо даетъ своего рода опьяненіе, а вино, пріятную теплоту, которая проникнетъ въ самые отдаленные и темные уголки нашего тѣла.

¹⁾ L'Irréligion de l'avenir, p. 147; Paris F. Alcan.

Подъ вліаніемъ этого возбуждаются тѣ нервы, которые обыкновенно спокойны, воскресаютъ забытыя воспоминанія, забытыя волненія. Легко можно испытать на сколько сильно дѣйствіе пищи, гігіены, климата на насъ и на относительное обновленіе нашего тѣла, этой базы нашей личности; вліаніе этихъ условій таково, что чувствуется обновленіе стараго тѣла, а обновленіе несетъ за собой радость.

Любители весело пожить, большею частью люди чувственные, имѣютъ предрасположеніе къ скукѣ тѣла. Взглянемъ на нихъ. Они тщательно выбираютъ себѣ ѣду, постоянно мѣняютъ костюмы, вина, табакъ и женщинъ; они переѣзжаютъ съ мѣста на мѣсто изъ страсти къ перемѣщенію, путешествіе даетъ имъ цѣлый рядъ сильныхъ ощущеній; замѣтимъ еще ихъ любовь къ спорту и ко всему, что даетъ работу мускуламъ, что даетъ чувство жизни.

Подъ вліаніемъ тѣла у нихъ являются желанія и побужденія, и оно же деспотически управляетъ ихъ существованіемъ, въ немъ-же и причина ихъ скуки.

Есть еще скука, присущая самому тѣлу, нѣкоторымъ образомъ анатомическая, фізіологическая и половая, которую надо разсматривать какъ слѣдствіе отъ нашей ограниченности. Мы скучаемъ потому, что мы вылиты въ одну неизмѣнную форму, потому что зависимъ отъ нашего сложенія. Границы нашей личности, наша жизнь, и ея пружины, все это скоро дѣлается хорошо извѣстнымъ для насъ, какъ части разборнаго паясуна. Сангвиникъ тяготеетъ тѣмъ, что онъ сангвиникъ, онъ отвѣчаетъ на всѣ внѣшнія возбужденія приливами увлеченій. Нервные желч-

ные, лимфатичные устаютъ, предвидя однообразіе своихъ дѣйствій, связанныхъ съ физическимъ строемъ ихъ организма. Эта скука сказывается въ упорныхъ попыткахъ найти сочувствіе человѣка противоположнаго типа; лимфатикъ будетъ тяготѣть къ сангвинику; сангвиникъ сблизится съ человѣкомъ нервнымъ; въ этихъ сближеніяхъ по контрасту, хотятъ обмѣняться своими свойствами, чтобы извѣдать неизвѣстныя ощущенія и прогнать скуку тѣла. На томъ-же основаніи медлительный человѣкъ дружится съ живымъ, слабый съ сильнымъ, а застѣнчивый со смѣлымъ; скука-же внушаетъ безумныя попытки выскочить изъ самого себя, стать другимъ человѣкомъ. И тѣло говоритъ по своему ту-же фразе, что и Фантазія: «если-бы можно было сдѣлаться этимъ прохожимъ». Вслѣдствіе этихъ неясныхъ грѣзъ тѣла и являются фантастическія желанія чудесныхъ метампсихозъ: желаніе измѣненія расы, націи, головы, желаніе быть животнымъ или желаніе перемѣны пола; это всецѣлое обновленіе личности было-бы откровеніемъ, новымъ міромъ. Ренанъ по своему увлекался этой мечтой, когда писалъ: «если можно было-бы имѣть что нибудь изъ этого ряда мечтаній, я спросилъ-бы, въ награду за мою умственную работу, возможность родиться женщиной, чтобы можно было изучить два рода человѣческой жизни, установленныя творцомъ, чтобы понять двойную поэзію вещей. Я право много думалъ объ этомъ. Я хотѣлъ-бы въ другомъ свѣтѣ говорить, какъ женщина, женскимъ голосомъ, думать, любить, молиться какъ женщина, понять въ чемъ женщины правы» ¹⁾

¹⁾ Pages détachées, p. 39.

Наконецъ скука можетъ происходить отъ постоянного здоровья. Всегда превосходное здоровье, дѣйствуетъ на насъ усиляющимъ образомъ. Человѣкъ вѣчно здоровый, уравновѣшенный хотѣлъ бы, хоть на часъ, отдѣлаться отъ этого невозмутимаго здоровья, чтобы почувствовать себя другимъ. Испытать разныя фізіологическія состоянія — то-же, что узнать разнообразныя умственные состоянія. Болѣзнь признается интересной, какъ новая жизнь, скрывающая сюрпризы всевозможныхъ видовъ. Можетъ быть, болѣзни обязаны мы нашимъ обновленіемъ, нашей личной философіей, глубокими оригинальными идеями; можно сказать, по крайней мѣрѣ, что перемѣны состоянія вносятъ нѣкоторое разнообразіе въ нашу жизнь, которую мы ведемъ какъ автоматы.

Молодые люди съ ихъ свѣжими силами безсознательно испытываютъ эту сонливую скуку, происходящую отъ постоянно прекраснаго здоровья, скуку похожую на сплинъ востока, навѣваемый однообразіемъ вѣчно синяго неба; въ ихъ разнообразныхъ глупостяхъ, способныхъ расшатать здоровье, видно это желаніе испытать неизвѣстныя фізіологическія состоянія, желаніе попасть въ новую неизвѣстную страну, пробудиться тамъ преобразованными. Въ зрѣлые годы болѣзнь представляетъ собою трагедію; но однозвучное здоровое самочувствіе молодости даетъ безцвѣтное и сонное чувство скуки.

Покончивъ на этомъ, скажемъ въ заключеніе, что скука отъ однообразія есть наиболѣе фізіологическая изъ всѣхъ и въ этомъ еѣ можно сравнивать со скукой отъ истощенія, которая входитъ въ предметъ патологіи; въ жизни она первая по вре-

мени и наиболѣе знакомая намъ, ни одно существо не избѣгнетъ ея, она знакома и дѣтямъ, требующимъ все новыхъ игрушекъ, и животнымъ, которые ласкаются къ тѣмъ, кто ихъ занимаетъ; нѣтъ часа когда она не терзала бы насъ и не вліяла бы на наши рѣшенія, являясь причиной непредвидѣнныхъ побѣговъ, необъяснимыхъ отреченій и порывовъ къ неизвѣстному, заставляя насъ безъ достаточнаго основанія мѣнять квартиру, ресторана, друзей, любовь, шляпу или галстухъ.

ГЛАВА V.

Скука отъ пресыщенія.

Скуку, происходящую отъ пресыщенія, отъ избытка богатства и отъ тяжести полной удовлетворенности, испытываютъ, какъ всѣмъ извѣстно преимущественно богатые и сытые: по меньшей мѣрѣ, они испытываютъ ее благодаря этимъ необычнымъ условіямъ и въ этомъ классѣ людей она отличается особыми тонкостями... «Извѣстно, говоритъ Шереръ, что скука предполагаетъ развитую цивилизацію, богатое и мирное существованіе, безъ труда и безъ желаній. Чтобы испытать ее, необходимо богатство, досугъ и наслажденія. Итакъ дѣйствительно это недугъ счастливыхъ и тѣхъ, кого такими считаютъ» ¹⁾... M-me de Main-

¹⁾ Etudes de littérature contemporaine, t. III.

тепон, испытавшая это чувство продолжительной скуки въ сильной степени, писала: «Я могла бы объяснить вамъ и дать почувствовать скуку которая гложетъ великихъ людей и то какой трудъ требуется имъ, чтобы заполнить дни».

Но прежде чѣмъ говорить о скукѣ пресыщенныхъ, изслѣдуемъ самый фактъ пресыщенія.

Пресыщенность есть излишекъ насыщенія, вызывающій отвращеніе. Бываетъ случайное такъ сказать экспериментальное пресыщеніе, не вызывающее скуку: таково чувство полноты послѣ слишкомъ сытнаго обѣда или хорошей выпивки; но разъ есть отягощеніе, отъ переобремененія органовъ, не появляется ли горечь разочарованія и отчаяніе, которыя бываютъ послѣдствіями сильного опьяненія?

Скука находится въ связи съ состояніемъ пресыщенія. Въ чемъ-же состоитъ это состояніе?

Мы замѣчаемъ здѣсь истощеніе, ибо была невоздержанность, отвращеніе, ибо наслажденіе было дурно понято, дурно исполнено и наконецъ особенно характерную черту, настоящую болѣзнь желанія. Истинное желаніе, есть ничто иное какъ потребность; удовлетвореніе потребности уничтожаетъ желаніе. Когда же воображеніе встаетъ на мѣсто исчезнувшаго желанія, то выдумываетъ капризы, которые не больше какъ тѣни желаній, такъ какъ эти безсильныя и безпредметныя желанія, не имѣютъ органической основы. Человѣкъ, котораго считают счастливымъ потому, что онъ сытъ, вовсе не чувствуетъ удовлетворенности не смотря на видимость. Имъ овладѣваютъ призрачныя и жалкія желанія, искусственныя и неопредѣленныя, измѣнчивыя и

безсильныя, желанія истощеннаго и глупаго кутилы, у котораго притупились и умъ и чувства. Эти-то бредни и безсильныя фантазіи, проникая въ сознание, требуютъ невозможнаго, и у людей, отдающихся ихъ деспотизму, являются агентами скуки.

Мы разсмотримъ пресыщеніе у богатыхъ и у жителей столицъ, но сначала укажемъ отношенія скуки къ счастью и къ удовольствію.

Скука и счастье.—Имѣетъ ли счастье какую нибудь связь съ скукой? Повидимому, нѣтъ и мы считаемъ его противоположностью скуки. Однимъ изъ условій счастья является спокойствіе, самоуваженіе и умѣнье жить. Кто то придумалъ сказать на счетъ слишкомъ богатыхъ такую вещь: «счастье есть желаніе спать», но душа находитъ бодрость и вкусъ въ томъ, что она выбрала, что опьяняетъ ее. Конечно счастьемъ угрожаетъ скука, но есть у него и другіе враги; оно едва теплится, неопредѣленно и едва замѣтно; оно является какъ проблескъ свѣта или дуновеніе вѣтра. Счастье ничто иное какъ удовлетворенность, а разъ мы достигли чего нибудь то теряемъ желаніе имѣть это; къ тому-же мы находимъ, что полученное не отвѣчаетъ нашимъ мечтамъ и именно своимъ непостоянствомъ.... «Счастья не существуетъ, такъ какъ въ моментъ, когда человѣкъ считаетъ себя счастливымъ, онъ уже перестаетъ быть таковымъ». ¹⁾ Дѣйствительно нѣтъ полнаго счастья, но какъ относительное, оно достижимо въ разныхъ степеняхъ.

Скука и удовольствіе. Удовольствіе всегда смѣ-

¹⁾ Scherer. Etudes sur la littérature contemporaine, t IX Article sur «le Bonheur», de M. Sully-Prudhomme.

шано со скукой. Намъ достаточно отмѣтить слѣдующіе пункты: удовольствіе переходитъ въ скуку, потому что оно скоро ведетъ къ истощенію и пресыщенію, потому что оно противорѣчитъ жизни, потому что это трудное искусство, которое удается только тѣмъ, у кого есть къ этому способность.

Удовольствіе есть напряженное наслажденіе основанное на чувственности. Подъ такое опредѣленіе не подойдутъ интеллектуальныя удовольствія и всѣ тѣ которыя основываются на умѣренности и привычкѣ.

Всякое сильное наслажденіе стоитъ организму большихъ затратъ, которыя смутно чувствуются. Удовольствіе, особенно у слабыхъ людей, является грѣхомъ противъ себя, противъ инстинкта самосохраненія; вызывая разрушеніе, оно беспокоитъ насъ; привычный искатель наслажденій котораго остановить только безсиліе, пресыщенный, но не удовлетворенный, кончаетъ истощеніемъ; изъ смутнаго чувства разстройства является скука.

Наслажденіе тонетъ въ скукѣ потому что это есть неосмысленный актъ, расходящійся съ такъ называемой реальностью жизни. По неумѣреннымъ, дикимъ формамъ наслажденія, можно судить о безумной жизненной скукѣ и объ отчаяніи; наслажденіе имѣющее склонность къ неумѣренности, къ возбужденію и къ разнымъ фантазіямъ, есть своего рода самоубійство. Разъ человѣкъ рѣшилъ «веселиться», то отсюда слѣдуетъ, что онъ отрекается отъ разума и даетъ полную свободу своимъ фантазіямъ, онъ дѣлается похожимъ на безумнаго, ибо чувствуетъ, что слишкомъ дорого покупаетъ эти краткіе мо-

менты наслажденія и что эти волненія значительно приближаютъ его къ смерти; онъ съ бѣшенствомъ отчаявшагося человѣка предаетъ себя разрушенію, неистово возстаетъ противъ правды вещей, противъ реальности жизни. Реальность, это борьба за существованіе, тоска о будущемъ, раны сердца, ядовитыя воспоминанія, и тѣ извѣстныя и неизвѣстныя страданія, которыми полна земля. Наслажденіе смѣется, поетъ, поднимаетъ переполненный кубокъ, бросаетъ вызовъ будущему и претендуетъ на то, что знаетъ причины человѣческаго отчаянія; но это тщетное хвастовство! Все это фикція, ложь и если человѣкъ наслаждается и хвастается этимъ, и затѣмъ вдругъ мѣняетъ веселую маску на маску безумнаго, то это показываетъ, что онъ испытываетъ трагическую борьбу съ странными, навязчивыми образами.

Нерѣдко наслажденіе, когда оно сложнаго порядка, таетъ въ разочарованіи и скукѣ, такъ какъ, для того чтобы пользоваться наслажденіемъ, требуются исключительныя средства. Вспомнимъ на сколько трудно устраивать увеселенія. Простое устройство бала, свѣтскаго вечера, роскошнаго обѣда требуетъ денегъ и искусства. Это потому, что этими средствами ведутъ атаку противъ непобѣдимаго врага, противъ скуки; присутствующіе приносятъ съ собою вѣчную скуку жизни, скуку прирожденную каждому организму и личныя печали; скукой вѣетъ отъ лицъ, отъ словъ; хотя и избѣгаютъ о ней говорить, она витаетъ въ этомъ воздухѣ, откуда ее гонять; устроители заботятся о томъ, чтобы было достаточно музыки, цвѣтовъ, свѣта и шампанскаго! Надо вскры-

жить всѣмъ головы, надо обойти ихъ и развлечь. Но это было-бы невѣроятно, ибо ненавистная дѣйствительность всячески напоминаетъ о себѣ. Наша душа жалка до слезъ. У скуки будутъ всѣ шансы остаться хозяйкой.

Нѣтъ ничего интереснѣе, какъ слѣдить за соотвѣтственной игрой скуки и удовольствія на лицахъ людей, пробующихъ повеселиться. Сначала ихъ лица озаряются быстрыми вспышками веселья; но по мѣрѣ того какъ время идетъ впередъ, скука и усталость завоевываютъ себѣ почву; человекъ спрашиваетъ себя полусерьезно, полуплутиво: что я здѣсь дѣлаю? веселюсь-ли я? не уйти ли мнѣ?— Въ театрѣ, въ спектакляхъ, устроенныхъ по всѣмъ правиламъ искусства, есть обязательный подъемъ, crescendo, для конца приберегаютъ поразительные эффекты, что называются „coups de poing de la fin“, зритель уходитъ подъ этимъ впечатлѣніемъ. Въ празднествахъ безъ плана можно рисковать вызвать подъ конецъ утомленіе, горькое размышленіе и разстройство.

Поэтому позволительно сказать: наслажденіе, это трудное искусство, требуетъ умѣнья, и лучше не злоупотреблять имъ; оно увлекаетъ въ борьбу съ неодолимымъ уныніемъ жизни, требуетъ отъ организма много силъ и нерѣдко обращается въ наказание и скуку; надо имѣть къ нему специальное призваніе, особый темпераментъ; большинство людей во время работы производятъ болѣе пріятное впечатлѣніе, чѣмъ когда они веселятся ¹⁾.

¹⁾ Шопенгауеръ пишетъ: Великолѣпіе вещей большею частью бываетъ чисто вѣншее, какъ великолѣпіе театральной обстановки:

Скука богатого. Происходящая отъ пресыщенія скука богатого уже вошла въ пословицу. Если есть тѣсная связь между богатствомъ и скукой, то это заключается въ томъ, что умъ богатого находится какъ-бы въ зависимости отъ его богатства; точно также, какъ вся жизнь бѣдняка можетъ быть объяснена его бѣдностью. Богачъ отличается празднымъ умомъ и ничтожной душой безъ страстей. Однако, развѣ нѣтъ среди этихъ любимцевъ судьбы, людей трудящихся? Работающій богачъ играетъ комедію, участвуетъ въ фикціи; онъ всегда останется только любителемъ; какъ только его фантазія надобѣсть ему, онъ перемѣнитъ игру; мысль, что его участіе въ борьбѣ за жизнь не будетъ серьезно признано, отнимаетъ искренность его усилій. Намъ скажутъ, что есть люди, имѣющіе серьезные дѣла, преданные идеалу, словомъ оставившіе вкусы и привычки богача; конечно, есть и такіе, но ихъ мы охотно оставимъ внѣ нашего разбора.

Богатый долженъ испытывать скуку потому, что его дѣйствія не имѣютъ той необходимости, которая даетъ силу и волѣ наиболѣе крѣпкую под-

въ немъ не хватаетъ самой сущности. Такъ, разцвѣченные и убранные флагами суда, пушечные выстрѣлы, иллюминація, трубные звуки и барабанный бой, крики радости и т. п. все это показатели, символы радости, но чаще всего ея-то здѣсь и нѣтъ; одна она уклонилась придти на праздникъ. Тамъ, гдѣ она дѣйствительно бываетъ она является безъ зова и предупрежденія, она приходитъ сама, по просту, тихо, появляясь часто по самому пустому и обыкновенному поводу. Вообще въ этихъ празднествахъ и удовольствіяхъ чувствуется какая то пустота или лучше сказать ложь, именно потому, что они противорѣчатъ бѣдности и убожеству нашей жизни, а всякое противоположеніе дѣлаетъ очевидной истину». *Aphorismes sur la sagesse dans la vie*, p. 158; trad Cantacuzène; Paris. F. Alcan.

держку. Вопросъ: что я буду дѣлать? постоянно напоминаетъ ему его пустоту. Нигдѣ его не ждутъ, его приходъ не замѣтятъ; онъ не сѣумѣетъ выполнить никакой роли, за исключеніемъ роли мецената, которую ему скромно указываютъ; общество-же обращаетъ вниманіе только на тѣхъ, которые предлагаютъ къ его услугамъ опредѣленное занятіе, какую нибудь помощь.

Держась внѣ воинствующей жизни, богачъ будетъ чувствовать себя ниже другихъ. Ему не достаетъ школы, а таковою служить профессія. Профессія, какъ орудіе борьбы, даетъ намъ положеніе, развиваетъ наши способности, тонко отдѣлываетъ насъ и уравниваетъ все наше существованіе¹⁾.

Намъ скажутъ, что профессія также и портитъ человѣка; что это наиболѣе тяжелое иго, изъ всѣхъ лежащихъ на его плечахъ; что богатство даръ боговъ, даръ, который избавляетъ насъ отъ профессиональнаго труда, отъ мрачной рутины и отъ истощающей борьбы. Самъ себѣ хозяинъ въ деньгахъ, богатый можетъ культивировать въ себѣ человѣка, ничто не будетъ ему чуждо, онъ будетъ пользоваться всѣмъ лучшимъ, будетъ воспитывать въ своемъ сердцѣ все утонченное, все то, что недоступно для небога-

¹⁾ M. René Bazin, вступавшій во время путешествія, въ сношенія съ промышленниками, съ владѣльцами копей, съ рабочими, толкующими о своихъ дѣлахъ, выражается такъ: «я съ наслажденіемъ чувствую волненіе и горячность жизни, ибо люди, которые веселятся, живутъ только на половину; у нихъ нѣтъ этой твердости тона, общности интереса, которая сближаетъ людей, различныхъ положеній, втягиваетъ въ разговоръ и до такой степени хорошо вліяетъ, что самый темный рабочий и тотъ пускается въ разговоръ, опредѣляющій его личность».

(Terre d'Espagne, p. 52).

тыхъ людей, для рабочихъ, ведущихъ жестокую борьбу за существованіе.

Конечно, это такъ, кто станетъ отрицать это? Деньги—одинъ изъ элементовъ счастья, чудесная помощь въ дѣлѣ личнаго образованія и культуры вообще; и надо сказать, что нѣкоторые люди умѣютъ ими пользоваться. Какое великое преимущество даетъ это богатство въ борьбѣ противъ скуки, которая свойственна каждому! Не даетъ ли богатство возможность испытать бездну ощущеній? Ихъ хватило бы на нѣсколько существованій, но богатый не знаетъ обязанностей по отношенію къ своему уму и потому глупо скучаетъ.

Большая ошибка богатаго въ томъ, что онъ избѣгаетъ усилій, отклоняется отъ работы, не упражняетъ своихъ способностей и такимъ образомъ задерживаетъ свое развитіе и лишаетъ плодотворности свою работу, наслажденіе же основывается на широтѣ, силѣ и индивидуальности личности¹⁾. Богатый—это дикарь, простакъ, съ мало развитымъ вниманіемъ и съ неизлѣчимою болѣзнью воли. Такое опредѣленіе показываетъ, бѣдность его души, отсутствіе точнаго знанія вещей и умѣнья все бы-

¹⁾ Собственно богатство, это большое преимущество богатыхъ мало способствуетъ счастью; многие богатые чувствуютъ себя несчастными, потому что они лишены дѣйствительныхъ знаній, а потому и всякаго объективнаго интереса, который сдѣлалъ бы ихъ способными къ умственнымъ занятіямъ. То, что даетъ богатство, кромѣ удовлетворенія необходимыхъ потребностей, мало вліяетъ на истинное чувство удовольствія... Однако люди гораздо больше хлопочутъ приобрести богатство, чѣмъ интеллектуальное развитіе, хотя конечно счастью больше способствуетъ не то, что у насъ есть, а то, что мы представляемъ собою».

(Schopenhauer. Aphorismes sur la sagesse dans la vie, p. 10).

стро схватывать; у него нѣтъ ни твердости, ни увѣренности даже и въ наслажденіи; а это его главное занятіе. Онъ не испытываетъ полного удовлетворенія, ибо только тѣ глубоко наслаждаются, которые отдаются этому всей душой, всей своей безумной фантазіей.

Самое больное мѣсто у богатаго—это его желанія. Желаніе только тогда возможно, когда оно выражаетъ собою истинную потребность.

Богатый всегда пресыщенъ и потому не можетъ имѣть настоящихъ желаній; злоупотребляя легко доступными наслажденіями, которыя у него всегда подъ рукою, которыхъ онъ хорошенько не обдумываетъ, онъ больше другихъ обманывается въ дѣйствительности.

Разочарованіе въ наслажденіи, мука среди богатства, чувство пустоты, когда казалось бы ее не должно быть, таковы элементы скуки богатаго. Какимъ образомъ онъ отдѣляется отъ нея? Онъ выдумаетъ новыя, невѣроятныя и невыполнимыя фантазіи.

Въ его безпокойномъ и бѣдномъ умѣ появляется цѣлый рядъ причудливыхъ и неясныхъ образовъ; богатый представляетъ собою человека истеричнаго и неуравновѣшеннаго. Онъ считаетъ себя обязаннымъ имѣть всевозможныя желанія. Но эти сбивчивыя желанія утомляютъ умъ; которому изъ нихъ довѣриться? Не умѣя обсудить ихъ, онъ думаетъ удовлетворить всѣ безъ исключенія. Какъ только появится какое нибудь желаніе, онъ пускается въ погоню за нимъ какъ какой-нибудь охотникъ за призраками и блуждающими огнями. Ему кажется, что все идетъ очень медленно, что ему не хватаетъ

слугъ для его приказаній и что день слишкомъ коротокъ для его дѣлъ.

Онъ пойдетъ на всѣ церемоніи, не пропуститъ ни одного спектакля, все ожидая чего-нибудь особеннаго. Его можно встрѣтить повсюду; онъ первый зѣвака, рабъ моды и снобизма. Нельзя представить себѣ что-нибудь болѣе безсвязное, болѣе пестрое, чѣмъ его жизнь, и было-бы интересно прослѣдить ее за цѣлый годъ.

Но взглянемъ поближе на удовольствія богатаго и посмотримъ, что онъ отъ нихъ получаетъ.

Онъ очень любитъ путешествія. Онъ путешествуетъ, чтобы разсѣять скуку. Все зависитъ отъ скуки: и его отъѣздъ, и маршрутъ, и возвращеніе. Онъ случайно останавливается въ какомъ-нибудь городѣ, въ какой-нибудь новой мѣстности, узнаетъ что здѣсь есть замѣчательнаго и старается заинтересоваться тѣмъ, что ему показываютъ; онъ корчитъ изъ себя ученаго, энтузіаста или мечтателя. Всѣ эти роли трудны, и каждому изъ насъ гораздо пріятнѣе наши обыкновенныя удовольствія или старыя занятія. Онъ скоро бросаетъ эту игру и, чтобы заглушить непріятное чувство, вызванное этимъ путешествіемъ, заводитъ знакомства и принимаетъ участіе въ устраиваемомъ пикникѣ. Оставаясь одинъ въ комнатѣ отеля, онъ ломаетъ голову и спрашиваетъ себя, что онъ долженъ дѣлать: продолжать-ли дорогу или вернуться домой? Его размышленіемъ руководитъ скука. Онъ прислушивается къ своему неопредѣленному страданію, которому всегда приходится повиноваться; богатый это актеръ, сомнамбулъ скуки; онъ находится во власти, этаго над-

менного и непостижимаго сфинкса. Онъ нигдѣ не можетъ долго оставаться, ужасно спѣшить, думая этимъ спастись отъ скуки; всѣ его впечатлѣнія получаютъ при неожиданныхъ остановкахъ и поспѣшныхъ выѣздахъ; но что можетъ быть хуже такихъ поверхностныхъ впечатлѣній?

Однимъ изъ удовольствій богатаго, причудой его скуки и забавой тщеславія, являются поиски знаменитостей. Въ этомъ видно тщеславіе, но нѣтъ-ли и здѣсь скуки?

Есть художники, артисты, таланты которыхъ сполна заключается въ ихъ произведеніяхъ, а въ обыкновенной жизни они не представляютъ собою ничего особеннаго; тѣ, кто надѣется найти пользу въ знакомствѣ съ ними, часто попадаютъ въ просакъ. Другіе же сближаются съ людьми благодаря своему личному обаянію, своимъ бесѣдамъ, но развѣ всегда они готовы довѣриться людямъ? Богатый интересуется знаменитостями, какъ зѣвака, и желаетъ стать въ болѣе близкія отношенія къ нимъ; но это обыкновенно не удается ему, ибо въ немъ нѣтъ того, что требуется для такихъ отношеній. Онъ знаетъ, что эти знаменитые люди совершили подвигъ, что они преодолѣли много препятствій; глядя же на ихъ чудесное дарованіе, на ихъ героическую энергію, онъ сильнѣе чувствуетъ незначительность и ничтожность своей личности.

Свѣтскія празднества, большіе приемы, пышныя торжества—вотъ обстановка, гдѣ богатый у себя дома; здѣсь онъ вкушаетъ триумфъ. Но блескъ этихъ торжествъ при повтореніи ослабляется и не производитъ прежняго впечатлѣнія. Присутствующіе

уже не интересуются праздникомъ, они приносятъ съ собою свои заботы и интриги.

Для богатаго, вѣчно занятаго своей скукой, всякое развлеченіе будетъ пріятно и нерѣдко у него бываютъ странныя фантазіи; но куда-бы онъ ни направился, что-бы онъ ни предпринялъ, его привычки не покидаютъ его; онъ не хочетъ бросить свою лѣнь; онъ ничѣмъ серьезно не интересуется.

Въ пренебрежительной безразличности онъ видитъ свое превосходство. Пассивный, лѣнливый инертный, онъ вяло смотритъ на все, что ему показываютъ, впередъ увѣренный, что у него ничего не останется въ памяти. Онъ всегда бываетъ только зрителемъ, а не актеромъ и завидуетъ тѣмъ, которые увлекаются своимъ ремесломъ. Онъ видитъ какъ мало выгоды даетъ ему богатство и подозреваетъ, что люди, менѣе богатые, легче находятъ себѣ радости, и его скука обостряется отъ сожалѣній и печальныхъ сравненій.

Кромѣ наслажденій и всевозможныхъ фантазій, которыя его больше не занимаютъ, у него есть еще въ запасѣ самое дѣйствительное волненіе: это азартная игра. Когда онъ ничего больше не умѣетъ извлечь изъ своего золота, то ему остается еще рискъ потерять его. Въ минуту, когда онъ ставитъ на карту свое богатство или подписываетъ биржевой вексель, онъ подвергается дѣйствительной опасности, и этотъ человѣкъ, считавшій себя неспособнымъ что-нибудь чувствовать, испытываетъ невыразимое волненіе, онъ опьяненъ и голова его кружится. Такая игра, простая и вмѣстѣ съ тѣмъ производящая такое поразительное волненіе, устраняетъ

скуку. Въ душѣ игрока нѣтъ и слѣда скуки, также какъ нѣтъ ее у солдата, стоящаго подъ градомъ пуль или у матроса во время сильной бури. Эти сильныя и сводящія съ ума минуты весьма кратки и не могутъ повторяться, такъ какъ во первыхъ вредно отзываются на здоровьѣ, а во вторыхъ игра не разрѣшаетъ вопроса: что дѣлать въ удачномъ случаѣ съ выигрышемъ, если не сдѣлать новой ставки, и какъ быть при неудачѣ, какъ существовать ему, который еще вчера былъ богачемъ, а сегодня такъ бѣденъ и мало приспособленъ зарабатывать себѣ насущный хлѣбъ, такъ какъ не знаетъ никакого ремесла. Вспомнимъ безнравственныя и звѣрскія дѣла, виновницей которыхъ часто бываетъ скука. Богачъ въ погонѣ за необыкновенными приключеніями, легко найдетъ себѣ помощниковъ и соучастниковъ, и онъ съумѣетъ презрѣть законы и своей развязностью увеличить скандалъ.

Оставимъ это печальное фанфаронство, подчеркнемъ здѣсь только тотъ общезвѣстный фактъ, что радость бываетъ особенно сильна послѣ страданія; богатый не отличаетъ удовольствій отъ обычной благополучной жизни и даже въ наслажденіе вноситъ свое лѣнивое безразличіе. Мы больше чувствуемъ удовольствіе, послѣ того, какъ испытали отчаяніе и вышли изъ него, сохранивъ еще силы. У человѣка испытывающаго отчаяніе, есть непреодолимая потребность въ удовольствіи, какъ наркотическомъ средствѣ, какъ противоположеніи нестерпимаго страданія; эти краткія минуты радости запечатлѣются въ его трепетной душѣ неизгладимымъ воспоминаніемъ.

Наконецъ замѣтимъ, что богатый повидимому

не очень то радуется своему богатству, такъ какъ позволяетъ обирать себя. Его всегда побѣждаетъ революціонная партія. Если-бы онъ, благодаря своимъ привилегіямъ и богатству, имѣлъ высшія радости, онъ лучше защищалъ-бы ихъ. Говорятъ счастье разслабляетъ насъ, но даже наиболѣе опьяненный любовникъ находитъ достаточно энергіи, чтобы защищать свою любовь, которая для него дороже жизни. Богатый живетъ въ состояніи пресыщенности и инертности; подавленный скукой, онъ уступаетъ мѣсто болѣе рѣшительнымъ людямъ; богатства сего міра достаются людямъ наиболѣе жаждущимъ его.

Скука столицъ и большихъ городовъ. Житель столицы или большого города испытываетъ скуку отъ пресыщенности, все равно, пользуется ли онъ дѣйствительными благами этихъ эльдорадо или только призрачными, фиктивными и воображаемыми. Прибавимъ, что въ этой скукѣ есть доля истощенія, слѣдствіе условій городской жизни.

Что у богачей бываетъ пресыщенность и скука это вполне ясно, такъ какъ это является слѣдствіемъ излишнихъ наслажденій, но мы хотимъ показать, что воображаемыя наслажденія, единственно доступныя большинству, бѣднякамъ, ведутъ также къ пресыщенію и скукѣ.

Наши умственные образы замѣняютъ намъ дѣйствительность; нашъ мозгъ есть микрокосмъ. Кто много видѣлъ, много помнитъ; живя воспоминаніями, живутъ въ дѣйствительности. А житель столицъ присутствуетъ при большомъ множествѣ происшествій; это отзывчивый свидѣтель наиболѣе сильныхъ со-

бытій. Тысячи предметовъ, попадаются ему на глаза, рисуются въ образахъ тѣмъ ярче, чѣмъ больше онъ склоненъ къ болѣзненному возбужденію; глядя на людей честолюбивыхъ и гоняющихся за удовольствіями, онъ приходитъ въ возбужденіе; онъ страдаетъ маніей величія, по подражанію и по внушенію и, если ему не дано быть царемъ праздника, то въ его нездоровомъ мозгу содержится множество волшебныхъ представленій, которые замѣняютъ желанное.

Умъ этого человѣка вѣчно занятъ, вѣчно насыщенъ. Что въ томъ, что все это призраки, дымъ? Эти образы замѣняютъ дѣйствительность. Онъ чувствуетъ себя страшно усталымъ и эта усталость скрываетъ въ себѣ много смутныхъ и болѣзненныхъ стремленій; онъ приходитъ въ безпокойство, зарится на всѣ проходящіе тѣни. У него есть желаніе быть повсюду, все видѣть, быть всюду приглашеннымъ, котораго радостно привѣтствуютъ. Вызывающая близость столькихъ желанныхъ предметовъ болѣзненно возбуждаетъ его вожделѣніе. Все это такъ, но чаще всего случается, что онъ только неизвѣстный, затерявшійся въ толпѣ, зритель; это глупецъ, которымъ пользуются сильные; онъ возвращается къ своей жалкой жизни еще болѣе разбитымъ. Что можетъ произойти изъ этого повторяющагося чувства отвращенія? Острое впечатлѣніе пустоты. Воображеніе слѣдуетъ за затронутыми его и убѣгающими предметами; воображеніе играетъ роль дѣйствительности, но даетъ только безсодержательные и бесполезные образы.

Всегда-ли ясно сознаніе у жителей большихъ

городовъ, которымъ дорого обходится это тяжелое умственное состояніе? Конечно нѣтъ. Они могли бы понять это, если-бы на время покинули столицу. Пусть житель столицы, напримѣръ, Парижа, переѣдетъ въ провинцію, пусть поживетъ въ тихихъ деревушкахъ, онъ почувствуетъ себя далекимъ отъ той нѣсколько театральной личности, которую онъ представлялъ собою въ городѣ, получить о себѣ вѣрное представленіе. Хорошо-ли онъ сдѣлалъ, выбравъ себѣ Парижъ мѣстожительствомъ? Что представляетъ собою Парижъ, которымъ такъ гордится парижанинъ, адъ или рай? Но тотъ, которому уже нечего ждать отъ столицы, и который долженъ покончить со своими иллюзіями, согласится удалиться только тогда, когда воображеніе совсѣмъ откажется ему служить. Воображеніе является источникомъ желаній, миражей и содома большихъ городовъ; колесо фортуны здѣсь оборачивается быстро, чѣмъ гдѣ либо; завтра всѣ будутъ богатыми, счастливыми, ликующими; но послѣ экзальтированной химеры является грызущая скука.

Не забудемъ, что важнымъ факторомъ скуки у жителей большихъ городовъ является установившееся истощеніе, потому что все же это человѣкъ сильно возбужденный и надорванный. Побуждаемый ко всевозможнымъ излишествами, ко всякаго рода переутомленію, въ этой зажигательной атмосферѣ бреда, гдѣ такъ сильны опасныя внушенія, какъ онъ колеблется, падаетъ, прося пощады у наслажденія и труда! Но это ему не дается; только въ порывѣ онъ не замѣчаетъ усталости. Усталость поселяется во всѣхъ уголкахъ его организма и если онъ заболѣетъ, то она бу-

дети поставлена ему въ счетъ. Житель шумныхъ городовъ, какъ человѣкъ возбужденный и въ основѣ своей истощенный, постоянно страдаетъ отъ скрытой скуки ¹⁾. Скука столицъ или большихъ городовъ, зависитъ отчасти отъ дѣйствительной или отъ воображаемой пресыщенности и отчасти отъ истощенія.

Та-же скука, къ которой примѣшивается въ различной степени пресыщенность и истощеніе, окажется во всѣхъ положеніяхъ человѣка, доставляющихъ ему монополію на силу, богатство, наслажденіе и на свободное владѣніе, ведущее къ излишеству. Подъ это опредѣленіе подходитъ пресловутая скука королей и царей. Это та-же скука богатей, но расширенная бѣльшимъ количествомъ развлеченій. Эти развлеченія одного рода съ тѣми, въ которыхъ принавался Людовикъ XIV, въ своей жалкой исповѣди: «Я слишкомъ любилъ войну!» или съ развлеченіями Нерона и Людовика XV-го.

Скука отъ пресыщенности является плодомъ гнилой цивилизаціи и удовольствій.

¹⁾ Макс Нордау считаетъ жизнь въ большихъ городахъ причиной вырожденія и истощенія: житель большого города, даже самый богатый, окруженный самой изысканной роскошью, несравненно больше подвергается неблагоприятнымъ, ослабляющимъ его жизненную силу. Онъ дышетъ зараженнымъ воздухомъ, ѣстъ не очень свѣжую фальсифицированную пищу, находится постоянно въ нервномъ возбужденіи, его можно сравнить безъ преувеличенія съ жителемъ болотистой страны, и т. д. (Dégénérescence, t. I p. 64. Paris, F. Alcan).

ГЛАВА VI.

Скука подъ вліяніемъ чувства ничтожества жизни.

Подъ словами ничтожество жизни мы подразумеваемъ слѣдующія идеи: невозможность счастья, тщетность попытокъ, никогда не приводящихъ къ намѣченной цѣли, ничтожность и мимолетность нашихъ радостей и всей жизни въ сравненіи съ вѣчностью, ужасъ отъ неискоренимаго и всеобщаго эгоизма и глупости.

Тотъ, кто слѣдуетъ такимъ пессимистическимъ взглядамъ, долженъ имѣть черствое, холодное сердце и испытывать скуку.

Чувство ничтожности жизни происходитъ изъ разныхъ источниковъ; намъ надо въ нихъ разобраться, чтобы видѣть какъ появляется скука.

I. Чувство ничтожества жизни, полученное изъ опыта. Это не первичное, не основное чувство, но неизбежно приобретаемое нами. Начинаютъ жизнь съ преувеличенной вѣры въ реальность жизни (реальность счастья, любви, дружбы, другихъ чувствъ и т. д.); вѣрятъ въ твердость почвы подъ ногами, въ продолжительность здоровья, и, почти что, въ вѣчность своего существованія. Многіе къ этому прибавляютъ еще вѣру въ идеаль и смѣлыя надежды, близкое осуществленіе которыхъ они предсказываютъ. Время разбиваетъ эти миражи, и жизнь, принесшая только разочарованіе и потери и измѣнившая насъ, производитъ впечатлѣніе глупости и ужасной пустоты.

Единственное, что даютъ годы, безвозвратно уносящія наши иллюзіи и силы, это убѣжденіе въ ничтожествѣ вещей. Какъ только начнетъ слабѣть наше здоровье, а тѣло стариться, многое считавшееся интереснымъ, восхитительнымъ, съ этихъ поръ дѣлается пустымъ, безвкуснымъ или опаснымъ. Наши ощущенія дѣлаются поразительно пустыми. Удовольствіе не удается намъ, также какъ и работа. Послѣ самыхъ простыхъ развлеченій: прогулки, охоты, театра, званнаго обѣда, мы возвращаемся обманутыми, сердитыми, неудовлетворенными и говоримъ: не стоитъ больше жить.

Скука замѣняетъ исчезнувшія радости. Она является слѣдствіемъ измѣнившихся ощущеній, фізіологическаго разрушенія и указываетъ на гибель надеждъ, на непоправимыя потери. Она находится въ зависимости отъ нашей способности къ обобщенію и анализу. Лица расположенныя къ меланхоліи, доходящія до крайняго отчаянія, умѣютъ извлечь изъ опыта всю заключающуюся въ немъ горечь и скуку.

2. *Чувство ничтожности жизни можетъ происходить изъ сильныхъ страданій.* Когда нравственные страданія, а они безконечно разнообразны, превъшаютъ наши силы и подавляютъ насъ, то мы испытываемъ скуку, которая есть тоже отчаяніе.

Такою была скука Гамлета, который съ отвращеніемъ смотрѣлъ на жизнь: «О если-бы это слишкомъ, слишкомъ солидное тѣло, могло расплавиться, обратиться въ жидкость, въ росу! О если-бы Предвѣчный Богъ не запрещалъ самоубійства! О Боже, Боже! какими скучными, старыми,

пошлыми и пустыми кажутся мнѣ блага этого міра»¹⁾.

Мы находимъ отвращеніе и скуку жизни происходящую отъ сильнаго страданія, въ исторіи M-me de Lespinasse, съ которой Даламберъ написалъ слѣдующей портретъ: «Хотя вы не всегда меланхоличны, но въ васъ всегда есть еще болѣе сильное чувство, это отвращеніе къ жизни. Это чувство такъ рѣдко покидаетъ васъ, что, если бы вамъ среди радостей предложили умереть, то вы безъ труда согласились-бы. Это чувство происходитъ отъ сильнаго и глубокаго впечатлѣнія, которое оставило въ васъ страданіе; его не уничтожаютъ даже ваше чувство и своего рода страсть, которую вы въ нихъ вкладываете; видно, что васъ вскормило страданіе, и, что чувства приносятъ вамъ только нѣкоторое утѣшеніе». M-me de Maintenon, достигшая небывалаго счастья, чувствуетъ ничтожность достигнутаго ею величія и изливается въ жалобахъ на скуку: «Развѣ вы не видите, что я умираю отъ скуки среди богатства, которое едва можно себѣ представить, и только благодаря Божьей помощи я не поддаюсь»? «Если-бы я вѣрила, что вы можете заставить меня жить сто лѣтъ, я привела-бы вамъ всѣ доводы за то, чтобы умереть». «Мнѣ надоѣла жизнь; я жду смерти; я не хочу любить ничего на свѣтѣ, мое единственное утѣшеніе, это то, что я стара».

Вспомнимъ Теофила Готье. Онъ былъ обязанъ своей скукой страданію поэта, принужденнаго заниматься критикой и журнальнымъ дѣломъ. «Можно

¹⁾ Hamlet, acte I, scène II, traduction Montégut.

безъ преувеличенія сказать, что во все время своей дѣятельности, какъ драматическаго критика, онъ писалъ свои статьи съ отчаяніемъ, если не отвращеніемъ¹⁾. Онъ признался, что живетъ только изъ чувства долга, когда написалъ: «Если-бы вы знали, какъ мнѣ надоѣли и наскучили люди и вещи; я живу только для тѣхъ, кого люблю, ибо, лично я не испытываю ничего пріятнаго на землѣ. Искусство, картины, театръ, книги меня болѣе не занимаютъ: это для меня только поводъ къ скучной работѣ, которую надо всегда начинать снова»²⁾.

3. *Чувство ничтожности жизни, какъ продуктъ размысленія*, которое въ корнѣ изслѣдуетъ вещи и находитъ ихъ пустыми, вслѣдствіе чего является скука; эта философская, метафизическая скука не легче всякой другой.

Жизнь не переноситъ стѣсненій: какъ только умъ преобладаетъ надъ инстинктомъ, мысль надъ непосредственностью, то является склонность къ сомнѣнію, отчаянію и печали. Величіе жизни тягостно для насъ, такъ какъ показываетъ наше ничтожество. Мыслитель, анализируя все, находитъ во всемъ пустоту. Приведемъ нѣсколько примѣровъ этихъ безотрадныхъ размысленій.

Леопарди принадлежитъ первое мѣсто среди мыслителей, находившихъ скучнымъ все земное.

Онъ доказываетъ бесполезность нашей дѣятельности, имѣющей значеніе только какъ препровожденіе времени... «У насъ есть болѣе важная обя-

занность, которую единственно мы можемъ выполнить, но она наскучиваетъ намъ и мы съ трудомъ удовлетворяемся ею. Я говорю о необходимости жить, этой суровой и непобѣдимой необходимости, отъ которой не избавляютъ человѣка ни богатство, ни многочисленныя стада, ни плодородныя поля, ни пурпурная мантия. Тотъ, кому надоѣла пустая жизнь, кто ненавидитъ солнечный свѣтъ, и не рѣшается ускорить запоздалый конецъ самоубійствомъ, тотъ повсюду ищетъ тысячу недѣйствительныхъ средствъ противъ тщетной жажды счастья... Забота о порядкѣ, о своихъ поступкахъ, суетныя хлопоты о лошадахъ и экипажахъ, объ общественныхъ собраніяхъ, о видномъ мѣстѣ, о садахъ и играхъ, о завидныхъ обѣдахъ и балахъ занимаютъ его ночи и дни. Улыбка не покидаетъ его губъ, но, увѣ! въ его неподвижной, крѣпкой, какъ алмазъ, груди тѣснится смертельная скука, противъ которой ничто не поможетъ: ни сила молодости, ни сладкія слова, произносимыя розовыми губками, ни нѣжный трепетный взглядъ черныхъ очей, этотъ дорогой взглядъ, изъ всего земного наиболѣе достойный неба»¹⁾.

Для Леопарди, скука есть истина по преимуществу, тайна жизни, чувство превосходящее всѣ другія. Эта идея настойчиво развивается въ слѣдующихъ словахъ одного изъ его героевъ: «...Эта склонность (къ отчаянію) явилась во мнѣ не отъ какого-нибудь несчастья, случившагося со мною или которое я могъ бы предвидѣть, но отъ отвращенія къ жизни отъ такой сильной скуки, которая похожа на боль

¹⁾ Théophile Gautier, par Maxime Du Camp; Paris, Hachette.

²⁾ Lettre de 1858.

¹⁾ Poésies, tome II, traduction Aulard.

или конвульсіи и отъ неудовольствій, которое я испытываю, зная, видя и чувствуя суетность вещей, попадающихся мнѣ въ продолженіи дня, такъ что не только мой умъ, но всѣ мои чувства, даже физическія, полны этой суетности, если я могу употребить такое странное, но подходящее для моихъ мыслей выраженіе. И во первыхъ ты не можешь сказать, что эта склонность не основательна. Я охотно соглашусь, что она происходитъ главнымъ образомъ отъ какого-нибудь физическаго страданія, но тѣмъ не менѣе она очень разумна. Даже болѣе: всѣ другія человѣческія склонности, которыми живутъ люди и вѣрятъ въ то, что жизнь и вещи имѣютъ значеніе, менѣе разумны и основываются на ошибкахъ и ложныхъ представленіяхъ. Нѣтъ ничего болѣе разумнаго, чѣмъ скука. Всѣ удовольствія неосновательны. Даже страданіе, я говорю о душевномъ страданіи, въ большинствѣ случаевъ неосновательно, ибо, если разсмотрѣть его предметъ и причины, то окажется, что они не имѣютъ ничего, или почти ничего, реальнаго. То же я говорю о страхѣ и тоже о надеждѣ. Только одна скука, рождающаяся отъ суетности вещей, не суетность и не заблужденіе: она никогда не основывается на чемънибудь ложномъ. И если можно сказать, что все остальное суета, то вся дѣйствительность и вся основа человѣческой жизни сводится къ скукѣ и состоитъ изъ скуки» ¹⁾).

И поэтъ бросаетъ жизни проклятiе въ словахъ: «Горечь и скука, и ничего больше, вотъ какова

¹⁾ Oeuvres morales, dialogue de Platin et de Porphyre tome III.

жизнь; міръ ничто иное какъ ничтожество. Отнынѣ успокойся, навсегда разочаруйся. Судьба присудила намъ только смерть» ¹⁾).

Слабому и болѣзненному Леопарди легко было дѣлать заключеніе о ничтожествѣ всего и свести нарядную, плодотворную, живую жизнь къ такимъ голымъ идеямъ какъ: отчаяніе, страданіе, краткость жизни и смерть. Но кто-же объ этомъ думаетъ въ то время, когда онъ безпеченъ и счастливъ.

За одинъ единственный мигъ безвозвратнаго счастья,

До и послѣ котораго были слезы,

За одинъ мигъ ты можешь и долженъ любить жизнь:

Каждый, хоть одинъ мигъ, но былъ счастливъ! ²⁾).

Философія Леопарди, явившаяся изъ его страданій, часто похожа на слова умирающаго или на жалобы больного.

Флоберъ указываетъ на бѣдность жизни и особенно на смѣшную сторону существованія. Кажется, что у этого человѣка, есть такой саркастическій прищѣвъ: развѣ можно быть серьезнымъ въ этой жизни, нѣтъ, это слишкомъ смѣшная комедія! — И такія ядовитыя идеи, поддерживали его скуку. Онъ писалъ: «если-бы вы знали какимъ усталымъ я иногда чувствую себя! Такъ хорошо проповѣдую вамъ благоразуміе, а у меня самого постоянный сплинь, который я стараюсь побѣдить съ помощью искусства; но когда умолкаетъ его сладостный

¹⁾ Poésies: A lui même.

²⁾ Sully Prudhomme, La Joie.

голосъ, наступаетъ невыразимое уныніе, раздраженіе и скука. Неправда-ли какая жалкая вещь это человѣчество. Есть дни, когда все мнѣ кажется печальнымъ, другіе же, когда все мнѣ кажется достойнымъ смѣха. Жизнь, смерть, радость и слезы, все это имѣетъ только относительную цѣну. При взглядѣ на нашу планету съ высоты Сатурна, она не болѣе какъ маленькая звѣзда». «Какъ плохо устроенъ міръ! Къ чему нужны безобразіе, страданіе, печаль и всѣ наши безсильныя мечты? Къ чему все»? «Человѣчество не представляетъ ничего новаго. Уже въ дѣтствѣ, мнѣ было горько за его непоправимую бѣдность. А развѣ теперь я имъ очарованъ? Я думаю, что толпа всегда будетъ достойна презрѣнія». ¹⁾

У *M-me du Deffand* въ скуку входитъ тотъ ужасъ, который производитъ на нее человѣчество, какимъ оно ей представляется въ ея безжалостномъ анализѣ: «когда я думаю о всѣхъ людяхъ, которыхъ я знаю, даже о тѣхъ, съ которыми я изо дня въ день живу, которыхъ называютъ моими друзьями, то нахожу, что нѣтъ ни одного человѣка, ни мужчины, ни женщины, у кого былъ бы хоть намекъ на чувство ко мнѣ и у меня къ нимъ; нѣтъ этого даже въ тѣхъ, кого я особенно часто вижу, въ которыхъ я вижу такое же, какъ и у меня, ревностное стремленіе постоянно все изслѣдовать; тщеславіе и претензіи дѣлаютъ большинство изъ нихъ неуживчивыми. Развѣ я не права считая несчастіемъ родиться на свѣтъ»? ²⁾

¹⁾ Correspondance, passim.

²⁾ Correspondance complète de la marquise du Deffand publiée par M. de Lescure. Lettre à Voltaire en 1771.

«Нельзя быть въ мирѣ ни съ тѣми, ни съ другими, ни съ самимъ собою; всѣмъ причиняешь неудовольствіе: однимъ тѣмъ, что они думаютъ, что ихъ мало уважаешь и любишь, другимъ какъ разъ обратнымъ; нужно бы имѣть чувства по желанію каждаго или по крайнѣй мѣрѣ притворяться, что имѣешь, но я не способна къ этому. Хвалятъ простоту и естественность, а кто отличается этимъ; того ненавидятъ. Все это извѣстно людямъ и, не смотря на это, они боятся смерти!» ¹⁾ «Согласитесь, что жизнь отвратительна, что несчастія дѣйствительны, а счастье только иллюзія. Я на столько въ этомъ увѣрена, что старость для меня сноснѣе, чѣмъ это обыкновенно бываетъ. На все, что меня сердитъ, (а меня сердитъ многое) я говорю: это скоро кончится; однако смерть пугаетъ меня; я не могу о ней думать, но я ненавижу жизнь». ²⁾

Скука Марка Аврелія представляетъ образецъ скуки, какъ слѣдствіе философскаго презрѣнія къ жизни, презрѣнія спокойнаго и гордаго, съоттѣнкомъ снисхожденія къ товарищамъ по несчастью. Книга *Les Pensées* есть исповѣдь души погруженной въ созерцаніе мірской суеты. Ренанъ, посвятившій ему хорошія страницы, такъ выражается о немъ: «...Своимъ анализомъ онъ разлагаетъ жизнь и дѣлаетъ ее мало отличающейся отъ смерти. Онъ доходитъ до доброты, снисходительности и равнодушія, смягченнаго жалостью и презрѣніемъ. «Покорно жить среди живыхъ и несправедливыхъ людей», такова программа мудреца. И онъ правъ. Та доброта нап-

¹⁾ Lettre à H. Walpole, en 1768.

²⁾ Lettre à H. Walpole, en 1771.

болѣе прочна, которая основывается на скукѣ, на ясномъ сознаниі того, что все на этомъ свѣтѣ вздорно и неосновательно». «Его мудрость была совершенна, отсюда слѣдуетъ, что его скука была безгранична» ¹⁾).

Паскаль смотритъ на скуку, какъ на основаніе человѣческой жизни; онъ находитъ тщеславіе этого міра, пустоту сердца, ненасытность нашихъ желаній. Люди стараются убѣжать, заглушить и забыть свое несчастье; они не могутъ обойтись безъ развлеченій и ищутъ отдыха въ волненіи. «Поэтому такъ любятъ игру, женщины разговоръ, войну, большіе приемы. Это зависитъ не отъ того, что есть счастье, не отъ того, что истинное благополучіе заключается въ томъ, чтобы выиграть деньги или въ томъ, чтобы подстрѣлить зайца. Если бы намъ просто предложили ихъ, то мы отказались бы... Не заяцъ можетъ заставить забыть насъ о смерти и несчастіи, а охота на него. — Они воображаютъ, что, еслибы получили желаемое, то успокоились-бы, они не чувствуютъ, что ихъ жадность ненасытна... Они искренно думаютъ, что ищутъ покоя, а на дѣлѣ ищутъ волненій. Такъ протекаетъ жизнь... Преодолѣваютъ разныя препятствія, чтобы добиться покоя, а когда преодолеваютъ, покой становится невыносимымъ... И когда почувствуютъ себя достаточно обеспеченными, во всѣхъ отношеніяхъ, скука самовольно останется въ глубинѣ сердца, гдѣ у нее есть естественныя корни, и своимъ ядомъ будетъ отравлять умъ».

¹⁾ Renan, Marc-Aurèle, p. 465—482.

Эти немного длинныя выписки, взятые у мыслителей, показываютъ намъ, что скука охватываетъ насъ, когда мы созерцаемъ безцѣльность жизни и свое ничтожество. Кто часто и съ убѣжденіемъ повторяетъ: Все суета! у того нѣтъ любви къ своей работѣ ¹⁾. «Не правда ли чудесно, говоритъ Альфредъ де Виньи, что когда сказать ребенку, что онъ когда нибудь, умретъ то онъ незахочетъ лечь спать, пока не прійдетъ за нимъ смерть»? Дитя не понимаетъ, человѣкъ-же, знающій свое назначеніе, приходитъ въ отчаяніе.

Скука отъ чувства ничтожества жизни принадлежитъ собственно мыслителямъ и философамъ, проникающимъ сквозь обманчивую красивую оболочку, видящимъ пустоту вещей. Они достигаютъ этого логикой, иногда очень искусстно и со страстью: систематичная, обоснованная и нецѣлостная скука питается кровью нашей души, развивается и приноситъ плоды; *idée fixe*, излюбленные тонкосотканныя и отчеканенныя идеи, изложенныя въ видѣ афоризмовъ, укрѣпляющіяся съ каждымъ днемъ въ зависимости отъ разрушенія иллюзій. Это непременно ведетъ къ отчаянію, ибо въ этой скорбной мысли нѣтъ утѣшенія. Психологическій анализъ, проникающій въ человѣческое сердце и открывающій его убожество, даетъ кромѣ того тонкіе аргументы нашему отвращенію къ жизни. Наиболѣе проницательные люди сильнѣе другихъ чувствуютъ отвращеніе къ жизни.

У христіанина метафизическая скука по поводу мысли о ничтожествѣ всего земного не болѣе, какъ

¹⁾ «Тотъ, кто прочелъ тайну жизни, тотъ порвалъ съ міромъ живыхъ, на дѣлѣ онъ уже умеръ». (Amiel, journal intime).

печальное сновидѣніе или вздохи ожиданія. Христіанинъ находится въ такомъ же положеніи, какъ Паскаль, который предался бы отчаянію, если-бы не было Іисуса Христа; какъ только онъ начинаетъ сомнѣваться въ томъ, что добро управляетъ міромъ, и что ему принадлежитъ окончательная побѣда, онъ ищетъ помощи въ молитвѣ.

Скука, доходящая до безутѣшнаго отчаянія, бываетъ у мыслителей, утвердившихся въ полномъ нигилизмѣ. Однако она все-же разнообразна. Нѣкоторые, созерцая ничтожность міра, сохраняютъ вѣру въ идеаль, въ его воплощеніе, и это идеалисты безъ иллюзій; въ число ихъ поставимъ Леопарди, Марка Аврелія и Альфреда де Виньи. Другіе же болѣе захваченные скукой, безъ сомнѣнія, болѣе страдающіе, отрицаютъ всѣ великодушныя идеи, отказываются отъ мечтаній, утѣшаясь проніей; они идутъ къ цинизму.

Всеотрицающая скука, возведенная въ систему, есть дѣло мыслителей, способныхъ постоянно углублять свои мысли и свое отчаяніе. Но намъ всѣмъ она понятна и близка въ стрывочной, перемежающейся формѣ; у насъ она связывается съ непріятными для насъ дѣйствіями и ощущеніями. Чувство ничтожества вещей даетъ такую усталость, что даже пропадаетъ охота выразить презрѣніе къ суетѣ мірской, выражаемое обыкновенно: или вопросомъ для чего все это? или презрительнымъ пожиманіемъ плечами, какъ это дѣлаетъ побѣдитель слушая крики восторга, или меланхоліей, въ которой выражается грусть любовника отъ предчувствія непрочности своей любви, или ироніей скептика, видя-

щаго всеобщую суету, или презрительной улыбкой жрецовъ и авгуровъ, готовыхъ въ серединѣ богослуженія все бросить.

Поставимъ на первый планъ *скуку скептика*.—Быть скептикомъ, это значить отрицать, если не самое существованіе вещей, то по крайней мѣрѣ ихъ цѣнность, таково свойство приписываемое скептику. Есть скептики по темпераменту, по разуму и по вѣтхости тѣла и сердца. Скептикъ имѣетъ видъ скучающаго человѣка.

Что касается его жизни, то она вообще безпорядочна, если онъ дошелъ уже до того, что не заботится о ней. Посмотримъ, какимъ бываетъ онъ при разныхъ обстоятельствахъ. Въ какое бы ни было время и гдѣ бы это ни было, скептикъ первый указываетъ скуку, свойственную всѣмъ нашимъ дѣйствіямъ и существующую во всякомъ собраніи. Это непріятное чувство скрываютъ, а онъ заставляетъ замѣтить его и признаться въ немъ. Съ дѣвольской радостью, онъ осмѣиваетъ то, чѣмъ всѣ заняты: онъ высказываетъ сомнѣніе на счетъ того, интересно-ли продолжать занятіе, указываетъ на меньшую веселость собранія и предлагаетъ перемѣнить развлеченіе; его насмѣшки все разстраиваютъ. Онъ ничѣмъ долго не занимается, ничѣмъ незаинтересованъ; онъ насмѣшливо слушаетъ ваши рѣчи, ваши признанія; онъ развлекается тѣмъ, что изощряется въ сарказмахъ, осмѣивая счастье и воодушевленіе; наивная радость для него несносна. Но этотъ неумолимый насмѣшникъ скучаетъ въ своихъ личныхъ дѣлахъ, въ любви, въ честолюбіи, въ весельѣ, въ разговорахъ, тогда, когда дѣлаетъ

видѣ, что воодушевленъ. Ему недостаетъ идеализма, даже менѣе того—страсти, все равно чувственной, сентиментальной или интеллектуальной. Когда у насъ есть цѣль, мечта, въ которую мы вкладываемъ душу, то у насъ является воодушевленіе и горячность.

Скептику мѣшаетъ любить мысль о человѣческомъ непостоянствѣ; онъ предвидитъ неблагодарность тѣхъ, кому хотѣлъ бы пожертвовать собою; онъ знаетъ пошлость любви, отдающейся первому встрѣчному; онъ боится быть смѣшнымъ, боится всякой страстной восторженности, подъ вліяніемъ которой дѣлаются жертвы, о которыхъ впослѣдствіи сожалѣютъ.

Въ комъ изъ насъ нѣтъ скептицизма? Но скептицизмъ не вполне завладѣваетъ нами. Мы защищаемъ отъ него все необходимое и, съ трогательной непослѣдовательностью, оставляемъ себѣ то, что намъ наиболѣе дорого.

Больше всего сомнѣній и наиболѣе сильныхъ является у насъ относительно нашей роли въ обществѣ. Сознаніе безсмысленности дѣла останавливаетъ работу и вызываетъ въ насъ отчаяніе и скуку.

Правда мало такихъ людей, которые не сомнѣвались-бы въ полезности своей дѣятельности и не критиковали-бы свои узкія и непріятныя обязанности. Скука настигаетъ людей, какъ только они усомнятся въ полезности своего дѣла. Въ такомъ положеніи окажутся: преподаватель, сомнѣвающийся въ успѣхѣхъ своего преподаванія; военный, считающій бесполезнымъ свое бездѣйствіе въ мирное время; докторъ, не вѣрящій въ терапію или, что еще хуже, сомнѣвающийся въ пользѣ и разумности своей дѣ-

ятельности, въ пользѣ леченія неизлечимыхъ, слабымъ и негодяевъ; журналистъ, пишущій статью съ мыслью, что эти страницы будутъ имѣть значеніе только сегодня; судья, дремлющій на своемъ судейскомъ креслѣ.—Словомъ скука охватываетъ всѣхъ тѣхъ, кто считаетъ суетной свою дѣятельность, всѣхъ тѣхъ, у кого не хватаетъ живости вести свои скучныя обязанности.

Иногда мы чувствуемъ себя плѣнниками нашей работы; законченная работа незамѣтно тонетъ въ общемъ потокѣ. При взглядѣ на себя со стороны чувствуешь холодный ужасъ. Насъ охватываетъ холодъ вѣковъ и являются печальныя мысли при видѣ исчезнувшихъ безъ слѣда народовъ и цѣлыхъ поколѣній. Какъ все человѣческое быстро стирается! Насъ, какъ и поэтовъ, охватываетъ сожалѣніе объ исчезнувшемъ и волненіе отъ кратковременности настоящаго; историки, изслѣдуя пришедшія въ вѣтхость государства и суетность ихъ войнъ, съ своей стороны доказываютъ суетность всего.

Психическій анализъ, показывая намъ фатальность, пошлость, вѣчное повтореніе и существенную бѣдность человѣческой жизни, вызываетъ въ насъ мысль о ничтожности и скуку. Человѣкъ съ остывшими чувствами скучаетъ, слушая разговоры юношества, полнаго наивности и необыкновенныхъ претензій; скучаетъ также и ученый, видящій во всемъ детерминизмъ и механику; психологъ быстро опредѣляющій cadaго человѣка. Знать, предвидѣть значить очутиться лицомъ къ лицу со скукой.

Анализируя нашъ умъ мы видимъ, что это наиболѣе страшная и вмѣстѣ съ тѣмъ самая обычная

машина, къ которой мы должны примѣниться. Слова, которыя мы слышимъ тысячу разъ, это наши же слова; себя же мы знаемъ лучше, чѣмъ кого бы то ни было. Какъ же мы ограниченны и бѣдны!

Умножать свои знанія значитъ умножать скуку! Всеобщее предвѣдѣніе повело-бы къ неумолимой скукѣ. Кажется, что высшей формулой и характеромъ вѣчнаго космоса является постоянная скука и угрюмое удовольствіе (*delectatio morosa*).

Нужно сдѣлать заключеніе. Скука, являющаяся подъ вліяніемъ мысли о ничтожности жизни, есть глубокое страданіе мыслителей и философовъ, систематически изслѣдующихъ все, что есть въ человѣческомъ существованіи суетнаго, безсмысленнаго и трагическаго. Эту скуку мы видимъ у всѣхъ людей; но у большинства она скоро проходитъ, побѣждаемая безпечною и развлеченіями; нашъ умъ извлекаетъ ее изъ погибшихъ иллюзій и разбитыхъ чувствъ. Конечнымъ предѣломъ всеотрицающей скуки, представляющей собою продуктъ мысли, является отчаяніе, и потому она носить въ себѣ желаніе смерти.

ГЛАВА VII.

Моральная сущность скуки.

Въ предыдущихъ главахъ мы опредѣлили причины скуки и описали ея различныя формы. Это только часть нашего предмета. Онъ далеко еще не изчерпанъ, не законченъ, да врядъ ли это возможно. Намъ остается уяснить себѣ его другія стороны.

Недурно прежде всего дать общее понятіе о сущности скуки и свойствахъ ея характера. Надо попробовать найти элементы, изъ которыхъ образуется это интересное своимъ разнообразіемъ состояніе.

Скука, какъ мы сказали и нашли нужнымъ подчеркнуть, есть страданіе. Этого признака достаточно, чтобы выдѣлить ее изъ ряда другихъ, сходныхъ съ нею состояній, съ отдыхомъ, напимѣръ, или съ меланхоліей. Въ отдыхѣ (отдыхъ послѣ напряженія), какъ и въ лѣнности (удовольствіе ничего не дѣлать), есть наслажденіе; что касается меланхоліи, то извѣстно, что въ слезахъ, въ печали есть счастье, но понятно, что нельзя наслаждаться скукой.

Какого рода это страданіе? Очевидно, что мы имѣемъ дѣло съ нравственнымъ страданіемъ, съ психическимъ; психическая сторона имѣетъ важное значеніе въ его образованіи. Слова: я скучаю, выдаютъ скверное самочувствіе. Эти слова, произнесенныя страстно, неистово, съ яростью, указываютъ на реальную боль, скорѣе физическую, чѣмъ нравственную. Совсѣмъ иначе звучать безконечно разнообразныя жалобы пессимиста. Онъ отчаивается въ жизни изъ-за одной идеи и выражаетъ иногда свое недовольство въ блестящихъ рѣчахъ.

Бываетъ различное предрасположеніе къ скукѣ. Есть люди неподдающіеся скукѣ, другіе же—ея намыченныя и излюбленныя жертвы.

Въ чемъ заключается это предрасположеніе? Трудно найти ключъ къ этому, но все же можно опредѣлить его какъ внутреннюю неустойчивость. Скука есть смѣшеніе силы и слабости, желаній и безсилія, возбужденія и истощенія. Съ другой сто-

роны задача оказывается сложной, ибо, во-первыхъ, быть здоровымъ не значитъ быть въ безопасности отъ скуки, и во-вторыхъ, есть такіе слабые больные, которые осуждены на непріятное бездѣйствіе и страдаютъ отъ боли, но вмѣстѣ съ тѣмъ увѣряютъ, что не знаютъ скуки.

Скука, связанная съ идиосинкразіей, проявляется очень рано, въ дѣтствѣ или въ юности. «Думалъ-ли ты, писалъ юный Флоберъ своему другу, на сколько наша организація дѣлаетъ насъ несчастными?» И далѣе: «Странно, что у меня съ самаго рожденія такъ мало вѣры въ счастье. Еще совсѣмъ юнымъ я вполне предчувствовалъ, что такое жизнь. Предчувствіе это было точно тошнотворный запахъ кухни, по которому можно судить, что она отвратительна!..»

Независимо отъ многихъ случайныхъ и индивидуальныхъ причинъ, производящихъ скуку, она имѣетъ свое основаніе въ человѣческой природѣ и въ общихъ условіяхъ нашей жизни.

Мы, какъ существа кратковременныя, ненасытно жадны къ знанію и къ наслажденію. Еслибы ничто не скрашивало бы наше время, то жизнь сама по себѣ, не считая особенныя несчастья, тяготила бы насъ. Отъ этого-то и происходитъ зло, называемое скукой, и одного его было бы достаточно, чтобы сдѣлать жизнь невыносимой ¹⁾.

Скука растетъ по мѣрѣ накопленія препятствій къ удовольствію, а также и отъ постоянного недостатка чувства реальности. «Скука въ нѣкоторомъ

¹⁾ Bossuet.

родѣ наивысшее изъ человѣческихъ чувствъ: не удовлетворяться ничѣмъ земнымъ, разсматривать величіе вселенной, неизмѣримое количество міровъ и находить, что этого мало для нашей души, чувствовать, что наша душа и наши радости больше такой вселенной, находить ограниченность и ничтожность вещей, страдать отъ этого недостатка и пустоты, то есть испытывать скуку, вотъ, я думаю, въ чемъ главный признакъ величія и благородства человѣческой природы. Не потому ли такая скука почти неизвѣстна людямъ незначительнымъ и совсѣмъ несвойственна другимъ животнымъ» ¹⁾.

Скука, выражающая возвышенныя стремленія нашей природы, неизвѣстна обыкновеннымъ умамъ. «Несправедливо говорить, что скука распространное и обыкновенное зло. Не скука, а праздность и бездѣлье представляютъ обычное явленіе. Скука принадлежитъ только тѣмъ, у кого умъ представляетъ собою нѣчто. Чѣмъ сильнѣе умъ въ человѣкѣ, тѣмъ чаще бываетъ скука, болѣзненнѣе и ужаснѣе. Большинство людей находятъ удовольствіе во всякомъ занятіи, какъ бы оно ни было глупо. Когда же они не заняты, то не страдаютъ отъ этого; потому люди пошлые такъ мало понимаютъ скуку людей болѣе тонкихъ, удивляются, а иногда и смѣются, слыша ихъ жалобы на скуку, какъ на нѣчто серьезное и неизбежное въ жизни ²⁾.

Скука обыкновенно слѣдуетъ за удовольствіемъ, отличающимся пламенностью и страстью, а эта пламенность сама по себѣ волнуетъ и уто-

¹⁾ Leopardi, Oeuvres morales.

²⁾ Leopardi, Oeuvres morales.

мляетъ насъ. Особенно сильна юношеская скука и скука, являющаяся слѣдствіемъ сдерживаемыхъ порывовъ. Мопассанъ восклицаетъ: «Ахъ, я добивался всего и ничѣмъ не воспользовался. Мнѣ потребовалась бы жизнь цѣлой расы, все разнообразіе ума, разсѣяннаго во всѣхъ существахъ, всѣ способности, всѣ силы и въ запасъ еще тысячи жизней, ибо я полонъ желаній и любознательности, а долженъ ограничиться тѣмъ, что смотрѣть и ничего не имѣть¹⁾.»

Скука ослабѣваетъ съ уменьшеніемъ силы желаній и одряхлѣніемъ организма: подъ вліяніемъ времени, старости и хроническихъ болѣзней. Г-жа du Deffand говоритъ: «Еслибъ я не была немного больна, то я очень скучала бы, но плохое здоровье помогаетъ проводить время»²⁾. И далѣе: «Я очень хорошо мирюсь съ моей слабостью; она притупляетъ душу. Большое счастье ни имѣть склонности къ дѣятельности, когда для проявленія ея нѣтъ случая, и еще большее благо не быть чувствительной, если чувствительность даетъ только страданіе. Мнѣ кажется, я чувствовала бы себя очень хорошо, если была бы вязомъ или дубомъ... ибо я думаю онъ не чувствуетъ скуки»³⁾. Флоберъ, большой знатокъ этого предмета, въ свою очередь говоритъ: «Бываютъ минуты пустоты и ужасной скуки. Онѣ становятся все болѣе рѣдкими, по мѣрѣ того какъ старѣешь»⁴⁾.

¹⁾ Sur l'eau, p. 112.

²⁾ Correspondance complète de M-me du Deffand publiée par le marquis de Saint-Aulaire; Paris, Calmann Lévy, 1867. — Lettre de 1774.

³⁾ Lettre à la duchesse de Choiseul, 1771.

⁴⁾ Correspondance, t. III, p. 383.

Какое мѣсто занимаетъ скука въ нашемъ существованіи? Такъ какъ скука есть отчаяніе и безсиліе, то она является во всѣ моменты, не требующіе энергичной борьбы или не имѣющіе сильнаго удовольствія. Такой ее считаетъ Шопенгауеръ: «Скука всегда на сторожѣ, чтобы занять время, остающееся свободнымъ отъ заботъ... Не успѣютъ окончиться нужда и страданія, какъ является скука... То, что составляетъ занятіе всѣхъ живыхъ существъ, что держитъ ихъ въ движеніи, есть желаніе жить. И вотъ, разъ это существованіе обезпечено, мы не знаемъ, что съ нимъ дѣлать, и какъ его употребить! Тогда является вторая пружина, приводящая насъ въ движеніе, это желаніе избавиться отъ тяжести существованія, сдѣлать его нечувствительнымъ, «убить время» или, что то же, бѣжать отъ скуки. То же мы видимъ происходить съ большинствомъ людей, которыхъ нужда и заботы спасаютъ отъ скуки; освободившись отъ всѣхъ заботъ, они дѣлаются сами себѣ въ тягость, говорятъ себѣ ежечасно: сколько еще предстоитъ впереди! Говорятъ ежечасно, тогда какъ прежде хотѣли продолжить жизнь на сколько возможно¹⁾.»

Леопарди пробовалъ опредѣлить сущность скуки. «*Геній*. — Что такое скука? — *Тассъ*. — На это я могу тебѣ отвѣтить, у меня достаточно опыта. Мнѣ кажется, что скука имѣетъ такое же свойство, какъ воздухъ, который заполняетъ всѣ промежутки между предметами и всѣ пустоты въ нихъ. Если удалить предметъ и если другой не займетъ его мѣста, то воз-

¹⁾ *Le monde comme volonté et représentation*, traduction Burdeau, t. 1-er, p. 327; Paris, F. Alcan.

духъ тотчасъ заполняетъ это мѣсто. Какъ по теоріи Перипатетиковъ, въ матеріальномъ мірѣ нѣтъ пустоты, такъ и въ нашей жизни, за исключеніемъ того случая, когда душа, по какой-нибудь причинѣ, прекращаетъ мыслить. Въ остальное время, душа, взятая сама по себѣ, какъ бы отдѣленная отъ тѣла, всегда содержитъ какія-нибудь чувства; если она не испытываетъ ни радости, ни горя, то она, должно быть, полна скуки, а скука такое же чувство, какъ боль и удовольствіе.

Геній.—А такъ какъ ваши радости непрочны, какъ паутина, то скука проникаетъ и наполняетъ ихъ, какъ воздухъ проникаетъ сквозь паутину. Дѣйствительно я думаю, скукой выражается жажда счастья, которая не можетъ удовлетвориться удовольствіемъ и не можетъ быть убита страданіемъ. Это желаніе, сказали мы, никогда неудовлетворимо и удовольствія въ собственномъ смыслѣ не существуютъ. Жизнь человѣческая соткана изъ горя и скуки: не успѣваешь отдохнуть отъ одного страданія, какъ впадаешь въ другое ¹⁾).

Скука не составляетъ первичнаго, основного явленія, а только случайное и подчиненное встрѣчающимся въ нашей жизни обстоятельствамъ. Этотъ вопросъ разбирается въ слѣдующихъ интересныхъ строкахъ ²⁾ «Шопенгауеръ повидимому смотритъ на скуку, какъ на такое же основное явленіе, какъ желаніе. Каждый разъ, когда желаніе удовлетворено и для хотѣнія въ перспективѣ нѣтъ ничего

новаго, мы впадаемъ въ скуку. Жизнь, которую мы жаждали имѣть, въ моментъ, когда мы ее получаемъ, обращается въ тяжелую ношу. Скука такимъ образомъ есть другой печальный полюсъ жизни, противоположный мучающему насъ желанію».

«Такой взглядъ на скуку, какъ на основное начало, мнѣ кажется совсѣмъ противорѣчить опыту. Низшія животныя, кажется, не испытываютъ скуки. За удовлетвореніемъ желанія у нихъ слѣдуетъ полный покой, который при нѣкоторомъ воображеніи можетъ быть названъ довольствомъ. Скука начинается съ того момента, когда достаточно разовьется воображеніе и наши активныя силы. Такъ будетъ основательно предположить, что собака, проведенная нѣкоторое время въ заперти, вздыхающая растянувшись у ненавистнаго кухоннаго очага, чувствуетъ скуку именно потому, что у нея есть неясное желаніе привести въ дѣйствіе свои силы. Въ нашемъ случаѣ ясно, что скука связана съ смутнымъ стремленіемъ проявить наши активныя силы. Дитя скучастъ, если ему смутно представляется какое-нибудь пріятное, но недостижимое занятіе. Человѣка празднаго скука преслѣдуетъ, когда онъ смутно представляетъ себѣ болѣе дѣятельную жизнь».

Итакъ, для скуки требуется, какъ непремѣнныя условія, нарождающееся желаніе и неясное представленіе удовольствія. Можно сказать, что это наказаніе, налагаемое на насъ за неисполненіе какихъ-нибудь нормальныхъ функций или предупрежденіе, идущее отъ органа, энергіей котораго мы злоупотребляемъ. Отсюда слѣдуетъ, что вмѣсто того, чтобы смотрѣть на скуку какъ на явленіе первич-

¹⁾ «Dialogue de Tasse et son génie familier». *Oeuvres morales*

²⁾ James Sully, *Le Pessimisme*, trad. Alexis Bertrand et Paul Gérard, p. 222—223; Paris, F. Alcan, 1882.

ное, а нашу активность какъ вторичное явленіе, вѣрнѣе будетъ разсматривать нашу активность какъ первичное явленіе, а скуку какъ вторичное и зависимое. Короче говоря, активность слѣдуетъ за собственнымъ импульсомъ (будь то слѣпой инстинктъ или сознательное желаніе), а скука есть частный случай въ ея развитіи.

Скука имѣетъ свои намѣченные жертвы, но и всѣ мы, въ большей или меньшей степени, платимъ ей дань. Мы скукаемъ вслѣдствіе нашихъ умственныхъ недостатковъ и недостатковъ характера и, можно сказать, что къ поискамъ недостающаго насъ побуждаетъ скука, отъ которой мы хотимъ избавиться; она заставляетъ выбрать тотъ или другой идеалъ; она внушаетъ намъ программу удовольствій или опасный маршрутъ. Если наши поиски страсти, любви, торжества честолюбія или тщеславія, богатства, умственной зрѣлости, удовольствій въ дѣятельности, оказались успѣшными, то скука будетъ отстранена или смягчена. Тотъ, кто въ зрѣлые годы достигъ исполненія юношескихъ мечтаній и испытываетъ удовольствіе отъ выполненной задачи, у того должно быть внутреннее удовлетвореніе и гордость, устраняющія скуку.

Скука имѣетъ и органическія и духовныя причины. Какова бы ни была скука, умъ все же страдаетъ, являясь въ то же время и судьей. Мы указывали на то, какъ сильно вліяетъ истощеніе на скуку, но, вспоминая психическую сущность скуки, мы не будемъ описывать ея физиологію.

Съ другой стороны скука, какъ всякое нравственное страданіе, можетъ довести до настоящаго

тѣлеснаго разстройства, которое выразится въ подавленіи жизненности. На эти психо-физиологическіе факторы скуки мы указали въ нашемъ введеніи.

Скука не существуетъ только для постигающей ее мысли: нерѣдко скука бываетъ не сознана и не опредѣлена. Скучаютъ, сами того не зная; повинуются скукѣ, не подозрѣвая, откуда идетъ импульсъ; страдаютъ отъ скуки и не знаютъ имени своей болѣзни. Не существуютъ ли въ насъ постоянно причины скуки? Недовольство судьбой, наша неспособность, усталость и т. п.

Надо прослѣдить и опредѣлить скуку, ибо предоставленная самой себѣ, она часто ведетъ къ глупости, ошибкамъ или безумію ¹⁾.

Какимъ образомъ сознаютъ свою скуку? Это тонкій, но не праздный вопросъ.

Скука проявляется непосредственно въ крикѣ отъ причиняемаго ею страданія. Или же она бываетъ скрыта, неясна, только подозрѣваема, тогда мы узнаемъ о ней косвенно, при посредствѣ сильнаго душевнаго волненія, освѣщающаго наше внутреннее состояніе; такое дѣйствіе можетъ имѣть на насъ разговоръ, путешествіе, чтеніе или начинающаяся страсть. Сколько разъ приходится ждать случая, чтобы понять себя!

Вѣрно то, что люди, привыкшіе къ скукѣ, отдаютъ себѣ вѣрный отчетъ объ измѣненіяхъ въ своей личности; они слѣдятъ за скукой, предвидятъ ее, точно знаютъ

¹⁾ „Обыкновенно всѣ разыгрываютъ изъ себя счастливыхъ: мы знаемъ людей искренно увѣренныхъ, что они никогда не скучаютъ; а поведение ихъ говоритъ обратное“. Stendhal *Lettres intimes*, p. 195; Paris, Calmann Lévy; 1892.

часъ ея появленія и исчезновенія. Они живутъ подѣ страхомъ ея. Надо быть очень близкимъ со своимъ несчастьемъ, чтобы сознать его такъ ясно.

Затѣмъ мы стараемся выдѣлить скуку изъ аналогичныхъ ей состояній меланхоліи и печали.

Меланхолія—медицинское значеніе слова оставимъ въ сторонѣ—есть усталость души; это страданіе меньшей силы, чѣмъ скука. Въ основѣ ея нѣтъ полнаго истощенія, умственной пустоты и безсилія. Она имѣетъ и органическія причины, но, главнымъ образомъ, воображеніе и чувствительность. Меланхоліей страдаютъ тѣ, которые считаютъ себя хрупкими, занимаются собою и которыхъ пугаетъ трудность ихъ обязанностей. Она можетъ сдѣлаться болѣе глубокой; у нея есть свои сны, порывы, радости, свой очарованный міръ; она вдохновляетъ поэтовъ; она питается своими страданіями ¹⁾.

Печаль какъ и скука есть слабость и отчаяніе; но печаль обыкновенно имѣетъ опредѣленную причину: нельзя безпричинно долго печалиться; чтобы плакать, надо имѣть основаніе. Печаль любитъ слезы, она наслаждается ихъ горечью; есть страданія которыя печаль раститъ и любитъ. Она вызываетъ дѣятельность ума и чувства. Совсѣмъ иное скука, которая сушитъ душу, тяготитъ и дѣлаетъ опасныя внушенія ²⁾

¹⁾ Лафонтенъ говоритъ намъ: Для меня нѣтъ ничего болѣе нысокаго, какъ мрачныя радости меланхоличнаго сердца.

²⁾ Леопарди, обращаясь къ Данту, отличаетъ скуку отъ скорби: „И однако печаль отягощаетъ и уязвляетъ мене жестоко, чѣмъ удушающая скука. О счастливцевъ ты, плачущій, въ твоихъ слезахъ заключается жизнь! Намъ же скука затянула въ свои петли; для насъ и у колыбели, какъ и у могилы, вѣчно присутствуетъ мысль о ничтожествѣ (A. Angelo Mai.)

ГЛАВА VIII.

Скука въ различные возрасты.

Скука въ теченіе жизни принимаетъ различныя формы. Такъ ли опредѣлены и богаты оттѣнками ея выраженія, чтобы можно было посвятить имъ специальное описаніе? Мы думаемъ, что можно.

Послѣдовательные періоды нашего существованія легко различимы и бывають несходны до противоположности; случается, что «я» сегодняшнее отрицается отъ вчерашняго «я», игнорируетъ и отрицаетъ его; мы поочередно играемъ роль различныхъ лицъ, одѣтыхъ каждый по-своему, и, вспоминая наши различныя «я», критикующія и ненавидящія другъ друга, вереницу лицъ оставленныхъ нами въ дорогѣ, мы подозреваемъ, что въ основѣ нашей жизни есть потребность превращеній и измѣненій: въ этой безконечной эволюціи присущая самой жизни скука ищетъ возможности уйти отъ самой себя.

Больше того, психологическое изслѣдованіе разныхъ возрастовъ жизни, съ одной какой-нибудь изъ этихъ точекъ зрѣнія, всегда интересно. Для насъ нашъ возрастъ представляетъ дѣло большой важности, на которое мы обращаемъ особенное вниманіе. Міръ существуетъ для насъ постольку, по-

сколько мы въ немъ участвуемъ, и это участіе зависитъ отъ нашего возраста. Итакъ интересно узнать отношенія нашего возраста къ скукѣ.

Начнемъ со скуки у дѣтей, со дня рожденія.

I.

Всѣ матери и кормилицы могутъ подтвердить, что грудной младенецъ испытываетъ скуку, съ которой приходится ежеминутно считаться. Что въ самомъ дѣлѣ мы видимъ? Дитя требуетъ, чтобы имъ занимались, постоянно забавляли его; ему нужны занятія для глазъ, ума, всего тѣла, нужно гулять съ нимъ, развлекать, забавлять звуками, мимикой, гримасами и люди. примѣняются ко всему этому, подражая паяцамъ и шутамъ. Въ чемъ же дѣло? Дѣло очень важное: надо заинтересовать ребенка, утѣшить когда онъ кричитъ и плачетъ отъ скуки; предоставленный самому себѣ, онъ пугается одиночества, зоветъ на помощь.

Его умъ представляетъ собою *tabula rasa* и потому нужно, чтобы жизнь сильнѣе приливала къ нему, давала бы ему больше пищи, ибо его пріобрѣтенія идутъ очень медленно и неустойчивыя ощущенія быстро сглаживаются, отчего ребенокъ сильно скучаетъ. Развлеченіемъ въ этой скукѣ являются частые пріемы ѣды и сонъ; но какъ только ребенокъ открываетъ глазки, приходитъ въ себя, все это начинается снова. И вотъ день отъ дня его смѣлость все увеличивается, онъ пытается освободиться изъ пеленокъ, порвать пѣмочи, выскочить изъ колыбели, вступить на незнакомую и манящую его землю; онъ хочетъ жить; широкая и новая

жизнь будетъ для него обѣтованной землей, дастъ ему развлеченія отъ скуки.

Дитя растетъ, для него міръ становится фееріей, праздникомъ. Что отъ него требуется? Играть, быть счастливымъ и увлекать насъ своимъ счастливымъ, радостнымъ видомъ. День ребенка представляетъ собою игры и веселье. Однако, дитя поминутно чувствуетъ скуку и страдаетъ, это и является причиной возбужденія и необыкновенныхъ капризовъ. Если мы и признаемъ въ этой веселости неистощимую, самопроизвольную энергію, то все же въ этой необузданной неугомонности, въ этой ходьбѣ, прыжкахъ, черезчуръ много волненія. Какъ скоропроходящи и неуловимы его радости! Ребенокъ постоянно ищетъ чего-нибудь новаго, неожиданнаго; говорятъ, что настоящее вполне поглощаетъ его, что онъ съ наслажденіемъ окунается въ свои своеобразныя ощущенія и однако при первой же возможности, онъ бросаетъ свое минутное занятіе, хватается за платье тѣхъ, кто уходитъ, и съ радостью встрѣчаетъ вновь приходящихъ. Это потому, что ничто не запечатлѣвается глубоко въ его неустановившейся душѣ. Игрушки недолго развлекаютъ его, онъ ихъ бросаетъ, ломаетъ изъ-за любопытства или гнѣва; онъ разнообразитъ до безконечности свои игры, но, когда его воображеніе готово изсякнуть, онъ томится и заводитъ съ товарищами ссоры и драки. Трудно удовлетворить ребенка въ этомъ возрастѣ; ему требуется черезчуръ много волненій.

Скука эта потребность возбужденія, потребность сильныхъ ощущеній. Отъ скуки ребенокъ требуетъ

ѣсть, а позднѣе, сдѣлавшись взрослымъ, онъ будетъ отъ скуки пить. Ребенокъ опустошаетъ шкапы со сладостями, поѣдаетъ съ жадностью пирожки, дѣлается хищникомъ во время созрѣванія плодовъ въ саду. Онъ любитъ поѣсть, вздыхаетъ о сладкомъ, требуетъ себѣ тартинки, въ которыхъ больше варенья, чѣмъ хлѣба...

Онъ испытываетъ нравственную скуку, первую сердечную печаль, если на его долю мало приходится лести, ласкъ и поцѣлуевъ.

Путешествіе есть самое любимое дѣтское развлеченіе. Оно вызываетъ въ несвязномъ и разсѣянномъ дѣтскомъ умѣ цѣлый рядъ быстросмѣняющихся впечатлѣній и спутанныхъ образовъ. Путешествіе является лучшимъ лекарствомъ противъ легкой и поверхностной скуки этого возраста.

II.

Скука юноши имѣетъ неопредѣленный характеръ, какъ неопредѣленны сами годы формированія молодого существа.

Юноша стоитъ на порогѣ жизни, онъ спѣшитъ въ жизнь и гадаетъ о ней; скоро настанетъ его царство; онъ ждетъ этого и изслѣдуетъ себя; дай Богъ, чтобы это ожиданіе было легко и очаровательно какъ грезы. Вмѣстѣ съ нетерпѣніемъ, съ опрометчивостью появляется и скука. Это самые неблагоприятные годы, когда смѣлость бываетъ неловкостью, въ словахъ не хватаетъ музыки, а въ движеніяхъ красоты. Терпѣніе! Скоро настанетъ день, когда онъ получитъ въ руки магическій жезлъ и узнаетъ то неожиданное, что готовитъ ему природа.

Но у юноши, кромѣ убаюкивающихъ легкихъ грезъ есть еще нѣчто и другое; обыкновенно ему приходится быть ученикомъ, гимназистомъ. Нигдѣ скука не проявляется болѣе скверно и рѣзко, какъ въ гимназіи. Гимназія это тюрьма, вызывающая отвращеніе и угнетающая юношескій умъ. Никогда въ послѣдствіи человекъ не имѣетъ, не смотря ни на какія неудачи въ жизни, того хмураго, боязливаго и сердитаго вида, какой бываетъ у школьниковъ, когда они сидятъ въ классѣ. Отчего больше страдаетъ онъ, отъ лишенія ли свободы или отъ угнетенія ума? Это зависитъ конечно и отъ темперамента, здѣсь соединяются два страданія. При воспоминаніи о прошедшемъ, вакаціи будутъ казаться ему свѣтлой полосой, единственнымъ временемъ, когда онъ жилъ, а жить значило тогда испытывать радость, восторгъ и восхищеніе.

Его мозгъ исполняетъ каторжную работу, требуется навязать его памяти множество ненужнаго; требуется пройти исторію цивилизаціи, усвоить литературы и запомнить жизнеописанія великихъ людей и такъ безъ конца. Когда же, наконецъ, настанетъ время жить! Прошедшее умерло, въ настоящемъ ничего, такъ какъ еще не закончена его личность, которой, кажется, хватило бы, чтобы заполнить ея всю землю.

Иногда скука гимназиста принимаетъ дурной, злостный характеръ: ненависть къ учителямъ, ссоры съ товарищами, непреоборимая лѣнь, невозможныя и возмутительныя наклонности. Бѣдняга такъ страдаетъ отъ своей скуки, что жалко смотрѣть, какъ онъ мучается, и поневолѣ колеблешься примѣнять къ

нему строгія мѣры. Конечно нельзя сказать, что это время наиболѣе печальное и тягостное въ жизни, ибо у большинства чувствительность еще мало развита, но все же это самые сѣрые, скучные и сухіе годы.

III.

Скука въ годы молодости отличается неопредѣленностью и ее трудно описать.

Молодой человѣкъ представляет собою мало уравновѣшенное существо; у него избытокъ физическихъ силъ, при мало развитомъ мозгѣ; онъ полонъ желаній, его влечетъ впередъ, онъ сбивается съ пути и запутывается среди сомнѣній и ошибокъ, ему нужно еще создать свою личность. Его скука находится въ зависимости отъ непріятнаго положенія въ обществѣ и въ особенности отъ его воображенія не могущаго отвлечь отъ этихъ условій.

Молодость жаждетъ жизни. Эта жажда требуетъ цѣлаго, абсолютнаго. Молодой человѣкъ не радуется ничему потому, что онъ желаетъ всего; онъ обезцѣниваетъ реальность во имя невозможнаго идеала и его мнимыя желанія безконечны и неясны.

Что еще удастся ему, такъ это любовь; все зоветъ его къ ней, этого требуетъ природа. Но онъ извлекаетъ изъ нея мало пользы по неумѣнью любить; ему знакомо удовольствіе, но онъ не получаетъ многого, при всемъ разнообразіи, онъ вовсе не обнимаетъ міръ женщинъ. Не смотря на это, любовь дѣлается его сумасшествіемъ, бредомъ и ежечастной пыткой воображенія; онъ представляет себѣ счастье подъ этой единственной формой и, преслѣдуя ее, онъ

не замѣчаетъ прелести въ окружающемъ. Послѣдующіе годы отрезвляютъ его отъ утомительнаго *idée fixe* и примиряютъ его со всею реальностью: освободившись отъ невѣроятныхъ мученій, онъ будетъ думать, что освободился отъ скуки.

Любовь, цѣну которой онъ преувеличиваетъ, тоже поможетъ ему понять себя; въ этой школѣ онъ опредѣляетъ себя и свою зрѣлость¹⁾. Онъ представляет собою незаконченное, нерѣшительное существо; его воля слаба, его безсвязное «я» ускользаетъ отъ него; ему нужна поддержка, онъ ждетъ добраго слова и симпатіи; онъ ждетъ не дождется своихъ первыхъ успѣховъ, которые удовлетворятъ его гордость.

Неопредѣленность его личности какъ загадка раздражаетъ его и сводитъ съ ума; посмотрите на него: можно подумать—это сумасшедшій или слѣпецъ, просящій милостыню. Онъ ищетъ себя, онъ расширяетъ всѣхъ, что ему дѣлать въ этомъ мірѣ, каковъ онъ изъ себя, по какой дорогѣ ему идти. Его можно встрѣтить повсюду и вездѣ, онъ пишетъ странно многословныя письма, изливая свою неяс-

¹⁾ Вотъ очаровательный образъ души вступающаго въ свѣтъ молодого человѣка, въ *Mademoiselle de Maupin*: „Я не ищу женщины, я ищу одну женщину, любовницу; хочу ее и возьму и это будетъ скоро; и если я этого не достигну, то, признаюсь тебѣ, что не оправлюсь отъ этого, я буду испытывать внутреннюю робость, глухое уныніе, которое тяжело отразится на всей остальной моей жизни. Я буду считать себя неудачникомъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, негармоничнымъ и одинокимъ уродомъ со стороны ума или сердца; ибо вѣдь то, что я требую, справедливо и природа должна это дать всѣмъ мужчинамъ. До тѣхъ поръ, пока я не достигну моей цѣли, я буду смотрѣть на себя какъ на ребенка и у меня не будетъ такой вѣры въ себя, какая требуется“. Теофилъ Готье.

ную душу. Чего хочет онъ? Познать себя и въ особенности знать истину. Какъ мучительна эта неизвѣстность! Какъ тяжелъ этотъ періодъ потемокъ и угнетающей скуки.¹⁾

Скука молодого человѣка вырастаетъ на почвѣ безпокойства и поисковъ счастья. Онъ хочетъ абсолютнаго счастья, наивысшаго и опредѣленнаго. Въ такомъ понятіи счастья, есть ошибка и онъ пойметъ ее. Счастье есть краткое торжество или удовлетвореніе, слѣдующее за выполненіемъ дѣла; иногда счастье заключается въ твердомъ выборѣ образа жизни и сохраненіи его или это сытое успокоеніе старости или улыбка сытаго человѣка. Молодой человѣкъ понимаетъ счастье иначе: онъ требуетъ особеннаго, невозможнаго, онъ хочетъ радости, равной его энергіи, физической силѣ и силѣ желаній. Онъ блуждаетъ безъ конца; слѣдуя порывамъ, онъ рискуетъ глубокимъ наденіемъ. Въ этихъ страстныхъ изслѣдованіяхъ жизни, въ этомъ всеобъемлющемъ интересѣ, въ этихъ вопросахъ, обращаемыхъ ко всѣмъ встрѣчнымъ, въ этихъ истерическихъ взрывахъ хохота, во всемъ этомъ сквозитъ тоска; часы наслажденій или страданій даютъ направленіе состоянію духа на цѣлыя годы, и молодой человѣкъ боится своихъ изслѣдованій; ему предстоитъ познакомиться со всѣмъ окружающимъ и съ самимъ собою, онъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ скуки.²⁾

¹⁾ «Молодость отличается отъ зрѣлаго возраста въ умственномъ отношеніи тѣмъ, что количество проблемъ въ молодомъ умѣ превышаетъ количество рѣшеній, тогда какъ въ установившемся умѣ много рѣшеній и почти нѣтъ проблемъ». Tarde, *La Logique sociale*, 2-е éd. p. 8; Paris, F. Alcan.

²⁾ «Что тревожитъ и дѣлаетъ его несчастнымъ въ молодые годы, такъ это погоня за счастьемъ, предпринятая въ твердомъ убѣжде-

Между тѣмъ онъ начинаетъ практическую жизнь; у него ремесло; онъ входитъ въ тѣсныя сношенія съ людьми. Дѣйствительность оскорбляетъ его и досаждастъ ему. Онъ весь еще въ мечтахъ; машинально исполняя свою работу, усваивая способъ жизни, требуемый общественною жизнью, онъ съ тоской убѣждается въ ничтожности своей роли. Какъ начинающему, какъ кандидату, ему поручаютъ неважныя дѣла. Въ то время, какъ другіе пользуются лучшими мѣстами, большими окладами, имѣютъ избранныхъ кліентовъ, новичку приходится довольствоваться плохимъ мѣстомъ, небольшимъ жалованьемъ и встрѣчать дурной приѣмъ. Къ тому же, въ какомъ бы положеніи дѣло ни было, первые шаги всегда трудны, такъ какъ еще не вполне ясно усвоено дѣло. Самъ по себѣ, онъ вовсе не производитъ пріятнаго впечатлѣнія; онъ дѣлаетъ много ошибокъ, промаховъ; онъ чувствуетъ свое неумѣнье и робость. Съ этого времени скука, или иначе страданіе, будетъ сквозить въ его невнятныхъ рѣчахъ, въ его несовсѣмъ сознательныхъ поступкахъ, въ его шумныхъ удовольствіяхъ, ибо все это является реакціей его невыносимаго состоянія.

Скука въ молодости нерѣдко проявляется въ формѣ унынія. Но правдѣ говоря, въ эти годы для

ни, что счастье существуетъ. Но надежда обманываетъ его и является недовольство.... Въ молодости почти всегда бываютъ недовольны своимъ положеніемъ и всѣмъ окружающимъ насъ, каково бы оно ни было, ибо ему мы приписываемъ причину того, что всюду видимъ суетность и бѣдность человѣческой жизни, съ которыми мы здѣсь впервые знакомимся, послѣ того, какъ мы ожидали совсѣмъ иного». (Schopenhauer. *Aphorismes sur la sagesse dans la vie*, p. 272).

унынія нѣтъ основанія, когда пользуешься хорошимъ здоровьемъ и свѣжими силами, когда есть возможность все начать, все поправить. Мы скажемъ, что скука въ эти годы происходитъ отъ воображенія и предчувствія тѣхъ трудностей, съ которыми придется бороться для достиженія счастья. Прочтите корреспонденцію или записки людей, сдѣлавшихся знаменитыми: несмотря на то, что они въ послѣдствіи достигли высокаго положенія въ молодости они кажутся наиболѣе унылыми и удрученными пессимистами ¹⁾. Позднѣе мы выбираемъ себѣ окончательно участь и примиряемся съ нею.

Это уныніе молодого человѣка сказывается иногда въ томъ, что его преслѣдуетъ мысль о смерти; онъ чувствуетъ недостатокъ мужества для жизни, чувствуетъ, что имъ овладѣваетъ безсиліе; у него бываютъ припадки печали, доходящей до слезъ; онъ мечтаетъ о монастырѣ, о самоубійствѣ; скука парализуетъ его способности, внушаетъ глупости или ведетъ къ умопомѣшательству.

Скука въ молодости происходитъ отъ безпокойнаго воображенія, которое позднѣе сильно измѣнится. Молодой человѣкъ чувствуетъ себя зауряднымъ, невыдающимся, безличнымъ, подавленнымъ игнорированіемъ общества; онъ только тогда почувствуетъ всю прелесть жизни, когда докажетъ свою оригинальность и, такимъ образомъ удовлетворитъ свое тщеславіе. Онъ клянется, что достигнетъ величія, извѣстности и славы. И это ему непремѣнно

¹⁾ «Нѣтъ, я ничего не сожалѣю изъ моей молодости! восклицаетъ Флоберъ, я ужасно скучалъ! Я мечталъ о самоубійствѣ! Я страдалъ всевозможными видами меланхолиі.....

нужно для того, чтобы утѣшиться, чтобы избавиться отъ скуки двадцатилѣтняго возраста, чтобы въ ожиданіи успѣха рѣшиться жить такой плоской, гнущей и глупой жизнью, какою она ему представляется. Онъ съ сожалѣніемъ смотритъ на безымянную толпу, кишачую по всей землѣ, занятую работою муравьевъ и кротовъ. Возможно ли имѣть силу существовать, не представляя собою исключительнаго существа, которому знакома власть и всевозможныя радости! Итакъ рѣшено, у него будетъ слава! И онъ втихомолку произноситъ свой гордый девизъ: *Aut Cesar aut nihil*.

Подъ вліяніемъ этого темнаго или сознанаго стремленія къ извѣстности, онъ удивляется знаменитымъ людямъ, фанатически поклоняется имъ, но пока онъ готовитъ произведеніе, которое прославитъ его, или обдумываетъ скандальное, опасное предпріятіе съ намѣреніемъ дать себя знать современникамъ, годы бѣгутъ и бѣгутъ. Юность это бредъ, отъ котораго излечиваетъ время, и созрѣвающій человѣкъ изо дня въ день все больше приспосабливается къ обыденной жизни и приходитъ къ выводу, что можно быть счастливымъ и въ неизвѣстности.

За неимѣніемъ умственнаго честолюбія, молодой человѣкъ берется завоевать богатство, власть, почести; въ особенности ему нужны иллюзіи, мечты, суевѣрія, счастье; онъ вводитъ въ свою жизнь, въ свою борьбу химеры, подобно тому какъ воображеніе поэтовъ древности заставляло боговъ спускаться съ небесъ и вступать въ ряды сражающихся.

Но скука не всегда ждетъ и счастливъ тотъ,

кто можетъ укротить ее, отдавъ ей на съѣденіе мечты о будущемъ. Молодой человѣкъ изъ за своего ничтожества доходитъ до отчаянія, до отвращенія къ жизни, требующаго немедленной помощи; онъ обращается тогда къ легкимъ и самымъ простымъ наслажденіямъ, не требующимъ ни труда, ни времени. Онъ сильно сомнѣвается въ конечномъ успѣхѣ своего честолюбія, пусть же хоть моменты удовольствія будутъ побѣдами и успѣхомъ! Посмотрите на то, какъ онъ веселится и вы почувствуете скуку въ его разнузданныхъ забавахъ. Во всякомъ случаѣ въ этомъ подозрительномъ безумствѣ видно отчаяніе. Молодой человѣкъ точно сумасшедшій находитъ забаву и удовольствіе въ томъ, что губить себя, или точно тупица, не способный чувствовать окружающую его красоту; если бы онъ вѣрилъ въ будущее, онъ позаботился бы о физическомъ здоровьѣ, а теперь онъ разстраиваетъ его, за что будетъ расплачиваться впоследствии; но онъ не вѣритъ въ будущее, онъ не видитъ передъ собою и на два шага впередъ; онъ чувствуетъ только настоящую минуту, которая кажется ему такою скверной, тяжелой и удушающей, что онъ теряетъ голову; его возмутительныя, шумныя забавы показываютъ, что онъ боится жизни и потому ищетъ способа забыться.

И между сильными удовольствіями онъ особенно любитъ алкоголь. Онъ пьетъ, возбуждаетъ свой мозгъ и ему кажется, что его личность пріобрѣтаетъ положительность, а способности удесятерятся; опьяненіе соединяется съ мечтами; алкоголь усиливаетъ ненадолго жизненную энергію, рождаетъ фантасмгорію, придаетъ ему силы и смѣлость; онъ времен-

но переживаетъ психическое состояніе превосходства и смѣлости, состояніе, присущее зрѣлому возрасту.

Сдѣлаемъ заключеніе: молодой человѣкъ скучаетъ потому, что, вступая въ непріязненный для него міръ, онъ желаетъ всего безусловнаго, а на дѣлѣ у него нѣтъ ничего своего, онъ еще только неловкій ученикъ, котораго жизнь, обманываетъ представляетъ ему послѣднія мѣста, заставляетъ подчиняться семьѣ и учителямъ. Онъ часто бываетъ безъ денегъ, не имѣетъ престижа; онъ напрасно теряетъ время въ ожиданіи счастья и своей славной судьбы, которая медлитъ придти; онъ будетъ утѣшаться мечтами и страстными рѣчами; сообразно модѣ и темпераменту, онъ будетъ Гамлетомъ, Рене, Оберманномъ или однимъ изъ юныхъ героев скуки; или же онъ, чтобы забыться, обратится къ крайностямъ чувственности; ему хочется быть взрослымъ, сильнымъ и полнымъ владѣльцемъ своей личности.

IV.

Что касается скуки зрѣлыхъ лѣтъ, то это уже не актъ воображенія, которое въ цѣломъ успѣло ослабѣть, но слѣдствіе яснаго практическаго взгляда на дѣйствительность и вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдствіе слабости нашего тѣла, истощеннаго временемъ.

Взрослый достигъ чиновъ, соціальнаго положенія и власти; нашелъ ли онъ всѣ блага, которыхъ добивался? Конечно нѣтъ и его триумфъ не соотвѣтствуетъ прежнимъ мечтамъ. Но онъ по дружески устраивается съ судьбой; не получивъ отъ нея того, что ожидалъ, онъ все же считаетъ себя

въ расчетѣ съ нею и доволенъ тѣмъ, что приобрѣлъ. Счастливъ ли онъ? Онъ этого не говоритъ; онъ говоритъ, что удовлетворенъ, ибо этого требуетъ его умѣренность и мудрость; онъ благодаритъ судьбу за то, что она не обошлась съ нимъ хуже; его удовлетворенность похожа на покорность; въ его радостяхъ и во всемъ, что онъ имѣетъ, чувствуется усталость и безразличіе, близкія скукѣ¹⁾.

Въ дѣйствительности для него все измѣнилось.

Юность ослѣплялась мечтами и смѣшивала дѣйствительное съ воображаемымъ, возможное съ невозможнымъ. Зрѣлый возрастъ ясно раздѣляетъ эти два міра; все встаетъ на свое мѣсто подъ его взглядомъ, все точно опредѣляется; мечты исключаются изъ нашей вышколенной и мудрой душевной жизни; нѣтъ больше увлеченій, нѣтъ больше химеръ; мы знаемъ границы пытливаго ума; мы считаемъ существующими только предметы близкіе намъ, находящіеся въ полѣ нашей дѣятельности. Какъ велика эта потеря нашихъ мечтаній! ограничиться тѣмъ, что имѣемъ, наслаждаться безъ романа, безъ страсти, съ сухой точностью спеціалиста и разочарованнаго.

Мы точно знаемъ цѣну и значеніе нашихъ чиновъ, орденовъ, знакомствъ и почестей. Всѣ эти блага уже больше не волнуютъ насъ, привычка убила доставляемое ими удовольствіе, а анализъ

¹⁾ «Когда я встрѣчалъ снова, черезъ нѣсколько лѣтъ, кого ни будь, кого зналъ юнымъ, то мнѣ всегда казалось, что онъ испыталъ большое горе. Радостный и доверчивый видъ бываетъ только въ молодости; потери и увеличивающееся со дня на день физическое нездоровье даетъ даже самымъ легкомысленнымъ, веселымъ, и даже самымъ счастливымъ, выраженіе суровости или вѣрнѣе печали, по сравненію съ видомъ юности и отрочества». (Leopardi).

показалъ ихъ ничтожность. Дѣйствительность, это нашъ садъ величиной въ десятину, а не лѣсъ Фонтенебло; это наша жена, а не всѣ женщины; это нашъ городъ, а не вселенная; это отмѣренное намъ поле, по которому мы ходимъ какъ автоматы. Всѣ вещи выступаютъ изъ покрывавшаго ихъ тумана и обрисовываются рѣзко и точно. Скука взрослого человека, знающаго цѣну себѣ и всему окружающему, основывается на его жестокомъ, все упрощающемъ, систематическомъ анализѣ.

Эта тяжелая и угрюмая скука имѣетъ причины преимущественно фізіологическія, она является вслѣдствіе того, что наши чувства притупляются, является неподвижность ума, словомъ прогрессивное ослабленіе нашихъ жизненныхъ силъ. Мы получаемъ меньше впечатлѣній, наша любознательность уменьшается. Изъ за лѣни или по безразличію, мы съ трудомъ входимъ въ сношенія съ другими людьми, мозгъ не работаетъ. Было время, когда жизнь кипѣла въ насъ; все вокругъ насъ пѣло, сіяло и блесало, все производило сильное впечатлѣніе на нашу нервную систему. Теперь все потускнѣло, сѣро, пусто и тихо вокругъ насъ и въ насъ самихъ! Блескъ и позолота вещей стерлись, наши мысли вянутъ и мы сохраняемъ только воспоминаніе о нихъ, мы не умѣемъ больше любить, мы просимъ у любви пощады...

Умъ дѣлается тяжелымъ и неспособнымъ дѣлать открытія; и это не только у тѣхъ, кто не занимается имъ, но и у людей привилегированныхъ исчезаетъ изобрѣтательность; результаты умственной работы въ это время уже не новы, начинаютъ

повторяться; въ нашихъ поступкахъ уже нѣтъ прежней стремительности и радостнаго увлеченія и они кончаются горькими размышленіями, ведутъ къ разочарованію.

Для насъ исчезло все: любовь, честь, долгъ и добродѣтель. Разочарованные и сомнѣвающіеся, мы не смѣемъ даже говорить о нихъ. Внутренній порывъ сломанъ вѣчной усталостью. Такой неожиданный конецъ можетъ повести къ сквернымъ послѣдствіямъ, а наши безразсудства могутъ отправить насъ на тотъ свѣтъ. Всѣ наши дни мало отличаются одинъ отъ другаго, мы отдаемся нашему сегодня только на половину, мы живемъ осторожно и обдуманно, а это и есть одна изъ формъ скуки.

Люди зрѣлаго возраста держатся философіи безъ иллюзій; это возрастъ невѣрія, критики и ядовитой ироніи. Сколько вдохновенія и ума въ нашихъ насмѣнкахъ надъ человѣчествомъ и надъ собою! Но это не веселье, а скорѣе похоже на гнѣвъ и злобу. Мы безвозвратно теряемъ въ эти тяжелые годы все, что любили, должны за все расплачиваться и удалиться на покой.

Скука старости зависитъ отъ утомленія; является несправильность функцій тѣла, увяданіе тканей, затрудненіе пищеваренія, безсонницы съ ихъ черными думами, безсиліе мозга, всѣ наши слабости и отреченія. Скучаютъ безъ всякаго повода, также какъ ежеминутно простужаются; отъ недостатка жизненной теплоты, физически мы уже надтреснуты и не способны приходить въ экстазъ, наше тѣло не можетъ доставить радости.

Умъ, будучи самъ себѣ господиномъ, болѣе

глубокъ, чѣмъ тѣло, болѣе способенъ къ обновленію: у Аріеля тысяча хитростей, у него есть средства скрыть свое безсиліе. вмѣсто того, чтобы жить чувствами, которыя насъ разрушаютъ, мы обратимся къ идеямъ, увлечемся ими и будемъ наслаждаться, удовольствуемся разговорами, отдадимся платоническимъ порывамъ; у насъ есть богатство — отвлеченная мысль, богатство немного фиктивное, но оно замѣнитъ намъ погибшія чувственные радости. Если все измѣняетъ намъ и покидаетъ насъ, то намъ остается обратиться къ внутренней жизни.

Скука зрѣлыхъ лѣтъ коварна, скрытна, она кушаетъ не лая. Лѣта спасаютъ насъ отъ болѣзненной возбужденности и глупыхъ побужденій: но все же скука будетъ всегда на лицо, такъ какъ въ насъ есть отчаяніе. Человѣкъ пугается и возмущается, видя, что сердце его работаетъ медленно, а кровь остываетъ. Если ему предстоитъ скоро умереть, то слѣдуетъ торопиться жить и онъ встряхнетъ и наэлектризуетъ свое умирающее тѣло. «Еще одинъ разъ, хотѣлъ бы я, прежде чѣмъ угаснетъ моя жизнь, прежде чѣмъ разобьется сердце, прежде чѣмъ умереть, еще одинъ разъ хотѣлъ-бы я насладиться любовью женщины!»¹⁾ Но если онъ и восклицаетъ такъ вмѣстѣ съ поэтомъ, то все же ему придется считаться со страхомъ угрожающей болѣзни или съ ролью водевильнаго простака.

V.

Скука старика основывается на абсолютной разочарованности и неминуемости смерти.

¹⁾ Генрихъ Гейне.

Долженъ ли старикъ быть человѣкомъ разочарованнымъ? Конечно, если будетъ подсчитывать свои потери и сожалѣть о невозможности наслаждаться пріобрѣтенными благами.

Жизнь есть послѣдовательная смѣна таинственныхъ и разнообразныхъ состояній души. Въ старости эволюція «я» закончена, колесо жизни готово остановиться; прежнія измѣнчивыя состоянія смѣняются опредѣленнымъ и постояннымъ; это скука, принимающая разнообразныя и неопредѣленныя формы, причастная всему: радостямъ и печалямъ, побѣдамъ и пораженіямъ. Въ этомъ случаѣ скука будетъ непоправимой, непластичной, какъ окончательное истощеніе. Скука губитъ все, вызываетъ непоборимую сонливость и скрытое желаніе умереть.

Скука старости покорная и безропотная не имѣетъ ни порывовъ, ни стремленій. Старикъ не станетъ серьезно протестовать противъ своей судьбы, онъ уже принялъ приговоръ къ смерти и не надѣется высвободиться изъ петли, которая съ каждымъ днемъ стягивается все туже. Ему приходится оставить ремесло, занимавшее и объединявшее его мысли. Ему остается заняться и жить своимъ разочарованіемъ. Обманувшись въ столькихъ вещахъ, ему хочется одного — истины, онъ хочетъ знать истину о себѣ и о другихъ, хочетъ знать какого рода пьесу сыгралъ онъ, трагедію или фарсъ; это его пятый актъ и потому справедливо его желаніе все выяснить; онъ не хочетъ умереть не понявъ всего.

Онъ роется въ воспоминаніяхъ, анализируетъ себя; въ памяти остаются обыкновенно главнымъ

образомъ наши ошибки и заблужденія и дѣлаются для насъ болѣе ясными; признаніе ихъ не вызываетъ въ насъ стыда, мы сознаемъ ихъ и нашими и какъ бы чужими. Но случается иногда, что ихъ оказывается страшно много и тогда старческая меланхолія сопровождается тягостнымъ чувствомъ униженія и обиды.

Въ опустѣвшемъ умѣ старика царитъ прошлое, это развалины предоставленныя выходцамъ съ того свѣта; сорокъ лѣтъ его сознательной жизни выработали въ его умѣ опредѣленные образы и укрѣпили ихъ настолько, что впечатлѣнія новаго времени кажутся блѣдными. Онъ пережилъ самого себя; поколѣніе, съ которымъ онъ былъ связанъ идеями и воспоминаніями, исчезло; онъ одинокъ въ этомъ обновленномъ мірѣ, интересоваться которымъ у него нѣтъ силъ. Отъ него удаляются, его бросаютъ¹⁾, ждутъ отъ него наслѣдства и дѣти, которыхъ онъ зоветъ къ себѣ, чтобы порадоваться на нихъ, требуютъ отъ него подарковъ. Онъ представляетъ собою короля безъ трона или побѣжденнаго властелина. Прибавьте къ этому, что часто его слова бываютъ ревнивыми, непріязненными, отнимающими бодрость; его рѣчи о вещахъ и идеяхъ похожи на ослѣпительныя продѣлки фокусника, жонглирующаго съ мертвыми головами. Но оста-

¹⁾ «Изъ всѣхъ болѣзней самая ужасная—старость; не только потому что она неизлечима, но потому что она, какъ заразительная болѣзнь, всѣхъ захватываетъ и ведетъ къ скукѣ, наибольшему и можетъ быть единственному несчастью жизни; да это единственное несчастье жизни, если не считать страданіе, я не беру слова назадъ». M-me du Deffand, lettre en 1778, *Correspondance publiée par le marquis du Saint-Aulaire*.

новись старикъ! слова и абстракціи не жизнь; нельзя заключить міръ въ орѣховую скорлупу афоризма; въ твоихъ презрительныхъ и надгробныхъ изрѣченіяхъ, которыя ты намъ бросаешь, заключаются цѣлыя сокровища впечатлѣній.

Скука старика ничто иное какъ неизбежность смерти. Этотъ человѣкъ подъ конецъ жизни не смѣетъ больше отважиться на новый проектъ, не смѣетъ рассчитывать на будущее; онъ постоянно повторяетъ сколько ему лѣтъ и сообщаетъ это первому встрѣчному, какъ будто для того, чтобы просить его мнѣнія или слова ободрѣнія; онъ роется въ своей генеалогіи, разбираетъ свою наслѣдственность, вычисляетъ шансы на долготѣіе.

Борьба со смертью выводитъ его изъ оцѣпенѣнія, а безумный страхъ спасаетъ его отъ захватывающей, сковывающей силы скуки. Это ужасная борьба, въ которой нашъ противникъ имѣетъ множество союзниковъ, вести эту борьбу приходится въ такое время, когда принужденъ сносить всѣ удары, когда раны еще не зарубцовались, когда постоянно чувствуешь себя близкимъ къ смерти, но надо какъ можно дороже продать любимую жизнь, послѣднія драгоцѣнныя минуты.

Скука свойственна различнымъ возрастамъ; она не щадитъ никого и захватываетъ особенно тѣхъ, которые съ умиленіемъ думаютъ о своихъ годахъ и сожалеютъ о прошедшихъ; это поэты, мечтатели, кутилы и женщины.

ГЛАВА IX.

Различные виды скуки.

Скука примѣшивается къ нашимъ чувствамъ и проявляется весьма различно. Мы будемъ брать подъ именемъ скуки всѣ тѣ состоянія, въ которыхъ она хоть и не имѣетъ преобладающаго характера, но даетъ имъ свой отпечатокъ. Признакомъ скуки будетъ, какъ мы знаемъ, страданіе; оно скрывается часто или въ простыхъ перемѣнахъ или въ неожиданныхъ превращеніяхъ, которыя мы предпринимаемъ съ цѣлью избѣжать его. Воспользуемся этимъ, чтобы найти нѣкоторыя изъ видовъ скуки.

I.

Скука въ безличныхъ формахъ.

Скука въ безличныхъ формахъ. Въ толпѣ скука царитъ постоянно. Въ ней часто слышатся сдерживаемыя жалобы и стоны. Всѣ недовольны своей судьбой. Цѣлыя расы проклинали свое существованіе и выработали религію отчаянія и пессимистическую философію; это зло незамѣтно, но неустанно грызетъ человѣчество.

Скука является основаніемъ революцій и войнъ¹⁾. Человѣчество волнуется и ищетъ лучшаго, ему приходится всегда бороться и возставать. Хотя мирная

¹⁾ «Франція скупаешь» слова Ламартина, наканунѣ революціи 1848 года.

жизнь у очага и не потеряла своей прелести, но все же сильная скука влечет къ опасностямъ и неизвѣстному. Она сильнѣе всего. Изъ за нее бросаютъ домъ, семью и готовы пожертвовать жизнью, лишь-бы была перемѣна жизни; и вотъ бѣгутъ за приключеніями, послѣ которыхъ возвращаются уже выросшими и новыми людьми.

Скука создаетъ миссіи и творитъ спасителей. Толпѣ невыносима ея слабость и она задумывается надъ нею. Какъ много приходится платить за несчастье родиться! Гдѣ искать освобожденія? Въ ея темной душѣ бродятъ мечты, поднимаются видѣнія обѣтованной земли, потеряннаго рая. Когда является сумашедшій или шарлатанъ, обѣщающій чудеса, то его привѣтствуютъ и слѣдуютъ за нимъ; скука нашла себѣ въ немъ спасителя.

Чтобы завоевать сердце толпы, надо обратиться къ ея скукѣ. Она выбираетъ избранниковъ изъ тѣхъ, которые жалѣютъ ее за муки¹⁾; она хочетъ слышать отъ нихъ слова надежды и ободренія; она признаетъ своими пророками тѣхъ, которые возвѣщаютъ новую зорю и новыя времена. Скука направляетъ толпу къ утѣшающимъ религіямъ, обѣщающимъ воздаяніе за земныя страданія въ другомъ мірѣ. Такъ восторжествовало христіанство, обѣщавшее людямъ безсмертіе; этимъ гениальнымъ способомъ оно воцарилось и побѣдило міръ.

Вся цивилизація есть научный способъ обороняться отъ скуки. Человѣчество скучало и въ вѣка варварства; затѣмъ появились новыя потребности; умъ получилъ стремленіе познать себя и сдѣлаться

¹⁾ «Misereor super turbas,» слова І. Христа.

болѣе тонкимъ. Цивилизація терпѣливо воспитываетъ всѣ наши способности; она даетъ намъ невѣроятное множество удовольствій: у нея есть оранжереи рѣдкихъ цвѣтовъ, возбуждающіе яды, большіе города съ ихъ вѣчной оргіей; большой городъ есть страна миражей, цвѣтущій рай со всевозможными наслажденіями; здѣсь человѣкъ чувствуетъ себя защищеннымъ лучше всего отъ скуки¹⁾.

Скука возвеличила идею отечества. Любовь къ отечеству есть прежде всего инстинктъ; естественно, что люди привязаны къ роднымъ небесамъ, подъ которыми они родились, къ землѣ, вскормившей ихъ, любятъ родственниковъ имъ людей. Скука узкой индивидуальной жизни потребовала больше: отечество есть идеаль и возвеличиваніе нашей личности; въ него мы вкладываемъ нашу гордость нашу любовь, нашу радость и надежды; мы гордимся его величіемъ, силой, богатствомъ, страдаемъ его страданіями и омыняемся его успѣхами и тѣмъ заглушаемъ нашу скуку²⁾.

¹⁾ Варвары, жизнь которыхъ была проще нашей, скучали еще больше насъ. Они, чтобы развлечься, убивали и грабили. Мы теперь имѣемъ кружки, обѣды, книги, журналы и театры, которые немного забавляютъ насъ. Наше время препровожденіе болѣе разнообразно, чѣмъ ихъ». Anatole France, *Vie littéraire* 2-e série p. 22.

²⁾ Въ томъ фактѣ, что человѣкъ принадлежитъ къ гражданамъ большой страны, заключается возможность экзальтаціи. «Я не говорю, замѣчаетъ М. Тардъ, что маленькая или сократившаяся въ размѣрахъ родина менѣе дорога, но она не даетъ уже той гордости, по крайней мѣрѣ въ такое время какъ наше, когда величина создаетъ законъ». *La logique sociale*, p. 384.

Затѣмъ вотъ интересныя слова молодого человѣка, нынѣ забитаго: Imbert Gallois изъ Женевы, умершій отъ чахотки на двадцать второмъ году (1828). Онъ представляетъ собою неуравновѣшеннаго, но иногда въ словахъ больныхъ людей можно прочесть мысли людей вполне здоровыхъ: «Я сдѣлалъ открытіе, что я дѣйствительно несчастенъ не вслѣдствіе какой нибудь причины, но во

Скука создала боговъ. Каковы они? Могущественныя, чудесныя существа, которыя придутъ намъ на помощь. Боги сопровождаютъ насъ на жизненномъ пути, помогаютъ намъ преодолевать трудности; они становятся между нами и ужасной дѣйствительностью и смягчаютъ неумолимые законы природы ¹⁾. Мы молимся имъ, мы сносимся съ ними путемъ молитвъ и приношеній и это насъ занимаетъ и успокаиваетъ. Вселенная, лишенная Бога, придающаго ей смыслъ, не ничтожество ли, не пустыня ли, самая ужасная изъ пустынь? Однако скука разбиваетъ своихъ идоловъ, когда прошло ихъ время, когда сошла съ нихъ позолота, но она усыновить другихъ боговъ, подъ другими формами ²⁾.

мнѣ есть постоянное страданіе, принимающее разныя формы... Въ эти два мѣсяца моя способность страдать сосредоточилась на одномъ пунктѣ. Я едва осмѣливаюсь Вамъ сказать, до того это глупо, но я умоляю Васъ видѣть въ этомъ только особую форму страданія... смотрите на болѣзнь, а не на ея предметъ. Этотъ центральный пунктъ моихъ страданій въ томъ, что я родился не англичаниномъ. Не смѣйтесь, пожалуйста, я такъ страдаю!» (Выдержки изъ *L'Art au point de vue sociologique*, par M. Guyau). Несчастный, о которомъ идетъ рѣчь, очевидно полагаетъ, что онъ чувствовалъ бы меньше свои личныя страданія, если бы имѣлъ счастье принадлежать къ великой націи.

¹⁾ «Греки знали и чувствовали ужасъ и страхъ бытія; чтобы жить, нужно было поставить между нимъ и собою эту блестящую мечту: боговъ Олимпа». Нитцше. *Происхождение трагедіи*.

²⁾ «Человѣческому уму мало тѣхъ заботъ, огорченій и занятій, которыми надѣляетъ его реальный міръ, онъ создаетъ себѣ еще воображаемый міръ изъ тысячи разныхъ суевѣрій и устраивается такъ, что этотъ міръ, въ минуты свободныя отъ заботъ реального міра, даетъ массу страданій и отнимаетъ всѣ его силы. Человѣкъ мастеритъ похожихъ на него демоновъ, боговъ и святыхъ; затѣмъ нужны постоянныя жертвоприношенія, молитвы, украшенія для храмовъ, общанія, выполнение общаній, наломничество, выраженіе благоговѣнія, одѣянія для статуй и остальное. Служеніе этимъ существамъ постоянно смѣшивается съ реальной жизнью даже затемняетъ ее; каждое событіе дѣлается проявленіемъ дѣйствія этихъ существъ; сношенія съ ними наполняютъ половину

Скука хочетъ, чтобы были великіе люди. Чего ждетъ толпа отъ высшихъ существъ, которыхъ она возвышаетъ надъ собою? Чтобы они избавили ее отъ слабости и глупости. Великій человѣкъ ослѣпляетъ своимъ величіемъ; у него есть чудесная сила и очарованіе; легко вѣрится его общанію, онъ проведетъ къ намѣченной цѣли; его появленіе все освѣщаетъ, преображаетъ землю. Культъ, воздаваемый знаменитымъ людямъ, утѣшаетъ насъ, возбуждаетъ и занимаетъ; великіе люди это совершенные и удачные экземпляры человѣчества; ихъ геній—магія.

Произведенія искусствъ даютъ облегченіе въ скукѣ. Искусство довершаетъ жизнь, выдѣляетъ ея сущность и цвѣтъ, въ избыткѣ даетъ намъ мечты и волненія; благодаря искусству оно даетъ нашему воображенію образы, дорогіе намъ призраки и душа дѣлается богаче, возвышеннѣе. Искусство замѣняетъ дѣйствительность и даетъ ключъ къ новому міру иллюзій. Оно дорого намъ, какъ оазисъ въ громадной пустынѣ, какъ моментъ экстаза, уничтожающій воспоминаніе о страданіяхъ.

На скуку указываютъ перемѣны въ модахъ. На все есть мода, мы видимъ смѣну какъ эпохъ, такъ и идей. Мода происходитъ изъ потребности къ перемѣнамъ, она необъяснима и въ своихъ странныхъ фантазіяхъ зависитъ отъ скуки.

Можно сказать, что безконечное развитіе обще-

жизни... Въ этомъ и заключается признакъ истинной потребности человѣка въ помощи, въ участіи и необходимости въ занятіи, съ цѣлью скоротать время... Schopenhauer. *Le Monde comme volonté et comme représentation*, p. 337.

ства, его прогрессъ и упадокъ выражаютъ собою его вѣковую скуку.

II.

Скука въ индивидуумѣ.

Скука равносильна безпокойству. Всѣ люди безпокоятся, жалуются и отчаиваются; никто не доволенъ тѣмъ, что онъ есть; привычка помогаетъ намъ переносить свое ничтожество, но какъ только блеснетъ надежда, мы теряемъ голову; мы представляемъ собою игрушку желанія и охотниковъ за химерами.¹⁾

Скука ведетъ насъ сообразно своему капризу. Она дѣлаетъ насъ подвижными, заставляетъ волноваться, впадать въ противорѣчія, заводитъ споры; скука опредѣляетъ наши склонности; она другъ случая, на который мы полагаемся; она толкаетъ насъ на непростительные и безразсудные поступки и подстерегаетъ насъ въ безчисленныхъ козняхъ судьбы. Скука даетъ намъ манію переѣздовъ, путешествій, безконечной подвижности, безпредметнаго любопытства, она является причиной разныхъ отреченій, превращеній, измѣнъ и фантастическихъ слабостей; это демонъ богемы и людей, потерявшихъ почву.

Скука есть недовольство дѣйствительностью и ужасъ передъ банальностью жизни; она заставляетъ насъ искать переменъ; она является началомъ страсти, честолюбія, мечты, стремленій къ переменамъ мѣста,

¹⁾ «Скучаютъ на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Столяръ скучаетъ строгая, бакалейный торговецъ отвѣшивая товаръ, также какъ посланникъ, отпуская свои кредитивы. Женщины скучаютъ, соблюдая свой долгъ и нарушая его». Paul Hervieu. *L'Embêtement*.

она создаетъ превращенія, фарсы, мистификаціи, страсть къ эксцентричности и шутовству и къ удовольствіямъ. Скука заставляетъ насъ добиваться славы, оригинальности и привилегій. Она дѣйствуетъ повсюду какъ скрытое, неувимое воздѣйствіе: въ ловкости виртуоза, въ прыжкахъ клоуна, во вдохновеніи артиста¹⁾, въ построеніяхъ метафизика; она рождаетъ страстную тоску поэтовъ, фантазіи авантюристовъ и эстетовъ, живущихъ видѣніями искусства, жадныхъ чтецовъ романтическихъ бредней, разочарованныхъ, заигрывающихъ съ самоубійствомъ.

Скука проявляется въ усталости, въ несвоевременномъ снѣ и въ такихъ психическихъ состояніяхъ каковы: разсѣянность, невниманіе, временная потеря памяти, ошибочность сужденій, въ пустыхъ глухихъ и несвязныхъ разговорахъ; она проявляется въ раздражительномъ настроеніи, въ бранчивомъ, отрывистомъ тонѣ, въ тяжелой походкѣ, въ усталомъ блужданіи и безцѣльномъ хожденіи. Вслѣдствіе скуки мы дѣлаемся неспособными, дѣлаемъ неловкости, профессиональные промахи. Жертвами скуки являются: рабочій, еле кропающій свою работу, любящій пошататься безъ дѣла; гимнастъ, изъ-за разсѣянности ломающій себѣ спину; лѣнивый коммерсантъ, рутинёръ; опустившійся врачъ, утратившій прежнія знанія; неудачный піанистъ; актеръ, перевирающій свою роль; священникъ, торопящій службу; ораторъ, истощившій все свое краснорѣчіе;

¹⁾ «Когда прочтутъ *Salambô*, не подумаютъ, я надѣюсь, объ авторѣ. Немногіе угадаютъ, насколько надо быть печальнымъ, чтобы воскрешать Карфагенъ! Вотъ гдѣ Тебаида, куда толкнуло меня отвращеніе отъ современной жизни». Flaubert, *Correspondance*.

шарлатанъ, не имѣющій доходовъ и человѣкъ, потерявшій вѣру. Всѣ слабые опустившіеся люди, которыми управляютъ и пользуются хитрецы и сильные, всѣ тѣ, которыхъ ведутъ не по ихъ дорогѣ, всѣ они испытываютъ то слабую, то сильную скуку.

Скука выражается иногда въ экстравагантностяхъ. Она служитъ исходнымъ пунктомъ нашихъ фантазій и сю же мы пользуемся какъ движеніемъ въ нашихъ безумствахъ. Вѣдь жизнь такъ однообразна, мы такъ похожи на осужденныхъ. Мы развлекаемся, дѣлая покупки, траты на бессмысленную роскошь, дѣлая приемы, ведя шумную жизнь, нѣкоторые находятъ удовольствіе, дѣлая долги. Скука имѣетъ и невинныя маніи и пагубныя развлечения: странныя изобрѣтенія, собираніе разныхъ коллекцій, игра въ карты, азартныя игры, серьезныя или ребяческія дуэли. Скука придаетъ человѣку особенный видъ, въ немъ есть непокорность, замкнутость, возмущенность и разсѣянность; болѣзненные припадки скуки бываютъ у тѣхъ, у кого есть потребность чувствовать жизнь, у нихъ является грубость, заносчивость, ярость, возмущеніе, задорная иронія и открытая мизантропія ¹⁾.

¹⁾ «Чтобы побѣдить скуку, втихомолку дають волю мелкимъ, незначительнымъ интересамъ, которые по отношенію къ естественнымъ и реальнымъ интересамъ играютъ такую же роль, какъ бумажная монета по отношенію къ металлической. Также является игра въ карты, придуманная именно съ указанною цѣлью. За неимѣніемъ картъ ограниченный человѣкъ начнетъ барабанить по оконнымъ стекламъ или бить все, что попадетъ подъ руку; сигара также замѣняетъ мысли. Вотъ почему во всѣхъ странахъ игра въ карты сдѣлалась главнымъ занятіемъ во всѣхъ обществахъ, это даетъ оцѣнку этимъ собраніямъ и указываетъ на явное банкротство мысли за неимѣніемъ мыслей для обмена, мѣняются картами и стараются вытянуть другъ у друга деньги. О, несчастная порода!» Schopenhauer, *Aphorismes sur la sagesse dans la vie* p. 26.

Скука есть основа общественности: «Она достаточно сильна, чтобы заставить существа, между которыми также мало любви, какъ между мужчинами, опять искать другъ друга несмотря ни на что ¹⁾». Скукающіе цѣпляются за всѣхъ проходящихъ и встрѣчныхъ, умоляютъ придти навѣстить ихъ, составить компанію, мирятся съ самыми худшими врагами, если они въ состояніи развлечь ихъ. Каждый бѣжитъ изъ своего дома, обмѣнивается несвоевременными визитами; чтобы привязать къ себѣ людей, посвящаютъ ихъ въ свои секреты. Скука дѣлаетъ насъ рабами ненавидимыхъ нами нашихъ подобій; она влечетъ за собою низость, уступки, потерю достоинства и создаетъ низкіе характеры.

Скука проявляется въ измѣнчивости человѣческаго духа. Въ ней причина измѣнчивости нашихъ идей и чувствъ и причина неблагодарности нашего сердца; она дѣлаетъ насъ требовательными, злыми и спорщиками; она вводитъ въ дружбу насмѣшку, злобу, а въ любовь вѣроломство; иногда ради холоднаго любопытства разрываются наиболѣе дорогія связи. Этотъ могучій возбудитель жизненности — скука особенно развиваетъ ненависть. Ничто не даетъ жизни такъ много вкуса, а уму пищи, какъ сильная ненависть. Намъ нужны враги и мы находимъ ихъ или создаемъ; мы согрѣваемся, изливая ненависть на ихъ головы и обмѣниваясь съ ними ударами кулака ²⁾.

¹⁾ Шопенгауеръ.

²⁾ «Жизнь часто дѣлается однообразной, длинной и блѣдной, когда послѣ слишкомъ продолжительной работы наступаетъ усталость и когда мы принуждены бездѣйствовать и отдыхать. По мѣрѣ того, какъ идешь впередъ, у насъ остается все меньше и меньше

Скука имѣетъ отличительныя черты, по которымъ ее можно узнать. Она видна въ настойчивости пьяницы, который тщетно ищетъ экстаза, въ бѣшеной скачкѣ кавалериста, въ ярости любовника, кусающаго среди поцѣлуевъ, въ хлесткихъ словахъ любителя поговорить, котораго раздражаетъ его собесѣдникъ, въ потребности говорить о себѣ, для усиленія въ себѣ чувства жизни; она видна и въ спышкахъ гнѣва человѣка слишкомъ строгой жизни, не позволяющаго себѣ удовольствій, въ обычной жесткости фізіономій людей огрубѣвшихъ и надорванныхъ.

Скука является виновницей нравственной испорченности. Она поднимаетъ непристойныя мысли, наполняетъ сердца скверной, она выискиваетъ звѣрскіе пороки, она же даетъ ненависть къ законамъ и обычаямъ, руководить искуснымъ развратомъ, заставляетъ прибѣгать къ пріятнымъ и методическимъ отравленіямъ, она доводитъ до риска преступленія, въ безумствахъ она ищетъ новыхъ приключеній и собственнаго успокоенія.

Скука проявляется въ потребности постоянныхъ развлеченій. Она задаетъ вопросъ: что новаго? Она неисчерпаема насчетъ удивительныхъ исторій, злословій и крѣпкихъ рассказовъ; она изворачиваетъ разговоръ, возбуждаетъ его, позволяетъ себѣ смущающіе комамбуры, расточаетъ комплименты, лести-

причины дорожить ею. Въ ненависти къ своему ближнему должна заключаться любовь къ существованію. Она безпрестанно заставляетъ идти впередъ и страстно желать завтрашняго дня. Возможно, что завтра будетъ страдать тотъ, кого мы ненавидимъ. Какъ хорошо! долженъ быть сонъ при такой прекрасной надеждѣ! Alexandre Dumas fils, *Notes de la Princesse Bagdad*.

выя и острыя слова, которыя поддерживаютъ и оживляютъ разговоръ. Скука вырабатываетъ шутовъ и забавниковъ; изъ-за нея же такъ цѣнны весельчаки, а смѣхъ дѣлается добродѣтелью, изъ-за нея ведется война противъ озабоченныхъ и мрачныхъ лицъ, она находитъ шутки, чтобы скрыть пошлость минуты, разныя головоломныя выдумки, призываетъ къ оглушающимъ насъ: радости, веселью и празднествамъ...

Такъ какъ надо кончить перечисленіе формъ скуки, то мы и остановимся на этомъ.

ГЛАВА X.

Скука сообразная съ характерами.

Взявшись за изслѣдованіе отношеній скуки и характеровъ, мы не собираемся подробно обсуждать вопросъ, который самъ по себѣ очень неопредѣленъ и теменъ; дѣло идетъ только о томъ, чтобы прибавить нѣкоторыя черты къ нашему анализу скуки. Извѣстно, что классификація характеровъ есть трудная психологическая задача: мы удержимъ только тѣ категоріи, которыя могутъ быть интересны для нашего изслѣдованія.

Скука людей дѣятельныхъ. «Люди дѣятельные отличаются главнымъ образомъ естественной и постоянно возрождающейся склонностью къ дѣятельности. Они похожи на постоянно движущіяся машины и живутъ главнымъ образомъ внѣшней жизнью...

Это крѣпкія машины, хорошо снабженныя живой силой и еще болѣе потенціальной энергіей»¹⁾).

Какимъ образомъ человѣкъ дѣятельный можетъ скучать?

Дѣятельный человѣкъ мало знакомъ съ ослабляющимъ дѣйствіемъ сомнѣній; если онъ силенъ, устойчивъ, ему не придется бороться съ истощеніемъ, но скука отыщеть слабыя стороны его характера.

Дѣятельный человѣкъ часто бываетъ импульсивнымъ, т. е. онъ бросается въ дѣло, не обдумавъ цѣли, и потому будетъ обманутъ своими надеждами. О такой скукѣ говоритъ Паскаль, описывая бѣдность человѣческой жизни, о скукѣ, зависящей отъ этого условія (люди по характеру своему въ большинствѣ случаевъ бываютъ дѣятельными). Несчастье дѣятельнаго человѣка въ его неумѣньи жить въ одной комнатѣ и онъ ищетъ успокоенія въ возбужденіи.

Дѣятельный человѣкъ, любящій свою дѣятельность ради нея самой; достигнувъ желаемой цѣли, онъ мало радуется и не удовлетворяется своимъ успѣхомъ и снова отправляется въ поиски за новой добычей. Его обычный недостатокъ, это его психологическая слабость и простота; занятый своею дѣятельностью, онъ мало заботится о своемъ внутреннемъ мірѣ, ему для полного пользованія жизнью недостаетъ сосредоточенности.

Его усиленная дѣятельность похожа на томленіе. Скука проявляется въ его несвязныхъ поступ-

¹⁾ Ribot, *Psychologie des sentiments*, p. 379—387; Paris, F. Alcan.

кахъ, въ безразсудныхъ предпріятіяхъ, во взрывахъ злобы и сквернаго расположенія духа. Онъ не умѣетъ пользоваться ни отдыхомъ, ни удовольствіями, не умѣетъ жить съ пріятностью, не знаетъ самого себя; онъ весь занятъ внѣшней дѣятельностью, порывисто бросаясь въ разныя стороны и не чувствуетъ пустоты только благодаря своей опьяняющей, кипучей дѣятельности.

Случается также, что онъ пробуетъ совсѣмъ измѣнить свою личность. Онъ бросится въ незнакомую ему область любви, мечтаній, религіознаго экстаза и интеллектуальныхъ страстей и такимъ образомъ онъ познаетъ внутреннюю жизнь! Онъ дѣлается любовникомъ, неофитомъ, работающихъ надъ своимъ развитіемъ, и намъ придется удивляться его убѣжденности и фанатизму. Это желаніе обновиться, испробовать иной полюсъ, сдѣлаться другой личностью внушила ему скука, но онъ не избавится отъ нея и въ новой роли, такъ какъ не сможетъ хорошо выполнить её.

Скука людей чувственныхъ. «Чувственные люди, которыхъ можно назвать еще и аффективными, эмоціональными людьми, имѣютъ преобладающей чертой чувственность. Чрезвычайно впечатлительные, эти люди похожи на постоянно вибрирующіе инструменты и живутъ преимущественно внутренней жизнью»¹⁾).

Чувственный человѣкъ стремится жить галлюцинаціями; увлеченный своими психическими состояніями, онъ является тонкимъ аналитикомъ своихъ

¹⁾ Ribot, *Psychologie des sentiments*, p. 378.

ощущений, находя въ этомъ то наслажденіе, то муку. Откуда же можетъ явиться скука?

Чувственный человѣкъ рождается хрупкимъ; его скука является слѣдствіемъ его слабаго сложенія и скорого истощенія; онъ предвидитъ, что мало способенъ къ пастойчивой борьбѣ и, сталкиваясь съ враждебностью людей и вещей, чувствуетъ себя несчастнымъ и смертельная усталость и отчаяніе охватываютъ его. Ему трудно быть счастливымъ, такъ какъ его способности спеціальны и узки; онъ жаждетъ симпатій и только тогда чувствуетъ себя хорошо, когда ему посчастливится найти подходящую среду.

Скука чувственного человѣка зависитъ отъ свойствъ его умственной дѣятельности. Онъ испытываетъ скуку благодаря своей тонкой чувствительности, такъ какъ дѣйствительность ломаетъ и грязнитъ его мечты. Онъ не можетъ позабыться и страдаетъ отъ однообразія и отъ своихъ тщетныхъ усилій. Чувственность есть анализъ. «Нѣжные люди несчастливы»¹⁾.

Скука страстныхъ людей. Человѣкъ страстный ищетъ эмоцій исключительной напряженности. Можно завидовать выдержанности, непреодолимости

¹⁾ Вотъ нѣсколько строкъ изъ Фенелона, гдѣ говорится о скукѣ чувственного человѣка, разбитаго жизнью. «Что касается меня, пишетъ онъ, я испытываю томительный покой, безъ скуки, безъ удовольствій, безъ мысли объ удовольствіи, покой съ пошлымъ и часто тяжелымъ настоящимъ, съ чѣмъ-то такимъ, что облегчаетъ нести всякій крестъ, что не даетъ удовольствій, но удовлетворяетъ меня... Міръ представляется мнѣ какъ скверная комедія, которая черезъ нѣсколько часовъ исчезнетъ. Я ненавижу себя еще больше, чѣмъ міръ; я все дѣлаю, чтобы все шло какъ можно хуже, и въ этомъ самомъ скверномъ я чувствую покой».

и силъ его страсти. Кажется, что естественная пылкость его натуры есть талисманъ отъ скуки: никто не можетъ больше его противостоятъ ей.

Страстный человѣкъ жертва своихъ излишествъ; это расточитель энергіи, это мотъ, близкій къ разоренію; онъ платится своимъ умомъ за свою страстность. Не неуравновѣшенность ли это? Его скука — похмѣлье послѣ праздника, тайный ужасъ про- трезвленнаго пьяницы, спячка послѣ порыва¹⁾; эта скука, какъ неясное и тревожное сознаніе разстройства особенно располагаетъ къ самоубійству.

Страстный человѣкъ не принимаетъ во вниманіе разнообразіе жизни²⁾, онъ преданъ одной единственной идеѣ, онъ преданъ страсти, которая управляетъ имъ; онъ хочетъ наслаждаться до потери сознанія, но эти моменты радости рѣдки и, ожидая ихъ, онъ сильно скучаетъ³⁾.

¹⁾ «Существованіе сносно только въ литературномъ бреду; но бредъ имѣетъ промежутки и тогда-то скучаешь». Flaubert. *Correspondance*.

²⁾ Сила страсти такихъ людей признакъ жизненной, а не умственной силы; страстные люди безпрестанно впадаютъ въ ошибки въ этомъ и есть ихъ несчастье.

³⁾ Вспомнимъ Байрона, чтобы иллюстрировать скуку страстной натуры: «Почему всю мою жизнь я всегда болѣе или менѣе скучалъ? Я не знаю, что отвѣтить, но я думаю, что причина въ моемъ темпераментѣ... какъ и причина того, что въ послѣдніе годы, проспавшись я испытываю слабость. Воздержаніе и занятія, которыми я подолгу мужественно и страстно предавался, или вовсе не помогали или очень мало. На меня лучше дѣйствовали сильныя страсти. Странно, что, когда я находился въ ихъ власти, я былъ возбужденъ, а не унылъ. Что касается вина и спиртныхъ напитковъ, то они дѣлаютъ меня мрачнымъ и дикимъ до жестокости, но однако молчаливымъ и любящимъ уединеніе, вовсе не расположеннымъ къ ссорамъ, если со мной не разговариваютъ. Плаваніе тоже возбуждаетъ меня, но вообще я низко упалъ и съ каждымъ днемъ падаю все ниже. Этому ничто не поможетъ, такъ какъ я не чувствую скуку такъ сильно, какъ въ девятнадцать лѣтъ. Доказатель-

Скука отвлеченных умовъ. Отвлеченный умъ — это человекъ, перешедшій отъ инстинкта къ мышленію, отъ ощущеній къ идеямъ, и который старается жить при свѣтѣ холоднаго разума.

Съ годами мы накапливаемъ безсознательно полученныя ощущенія и, сами того не сознавая, дѣлаемся людьми съ болѣе отвлеченными и болѣе совершенными умами; мы съ этихъ поръ приговорены любить идеи, послѣ того какъ любили созданія. Мы теряемъ со дня на день тысячи безсознательныхъ впечатлѣній, которыя наполняли наши способности. Умъ, съ его благоразумными приказаніями и языкомъ алгебры, дѣлается распорядителемъ. «Рано ли, поздно ли надо пользоваться только душами». Увы! какъ мало душъ, которыми можно насладиться, тогда какъ въ физическихъ наслажденіяхъ нѣтъ недостатка.

Особенно сильное развитіе отвлеченнаго мышленія даетъ много шансовъ къ скукѣ. Развитіе таланта достигается цѣной геройскихъ усилій, что почти то же, цѣной ужасной скуки. Чтобы достичь въ чемъ-нибудь совершенства, необходимо пройти строгую школу, нужно закрыть глаза на все, что не касается нашей главной цѣли, презрѣть всѣ искушенія; умъ развивается въ ущербъ чувствамъ. Талантъ требуетъ стоицизма, аскетизма,

ство этому въ томъ, что я принужденъ былъ пить, играть или имѣть какое-нибудь возбужденіе, чтобы не быть несчастнымъ... Теперь меня сильнѣе всего охватываетъ инертность, и особаго рода отвращеніе, болѣе сильное чѣмъ безразличіе. Если я по временамъ прихожу въ себя, то отъ сильной страсти».

Вспомнимъ еще Стендаля, страстно жаждущаго жить, онъ жалуется на скуку по всякому поводу.

удаленія отъ міра; онъ, ради будущаго, требуетъ жертвъ въ настоящемъ, требуетъ вѣры въ отдаленный почти недостижимый идеаль и постоянного торжества воли. Это скука живущихъ уединенной, замкнутой жизнью, скука работника, закрывающаго глаза на всѣ окружающіе соблазны, одинокаго изъ-за своего неистоваго честолюбія или исключительной оригинальности.

Скука лежитъ въ основѣ профессій собственно умственныхъ, въ которыхъ работаетъ умъ и работаетъ постоянно. Пользоваться своимъ мозгомъ безостановочно, жить только высшими способностями, какая это опасная жизнь! Чтобы достичь результатовъ въ своемъ искусствѣ, въ своей специальности, надо отказаться отъ свободы, отбросить милыя удовольствія. Первое призваніе человека, это радости жизни; отъ нихъ отказываются, когда карьера требуетъ неумолимой и изнуряющей работы ума. Приходитъ день и встаютъ сомнѣнія насчетъ цѣнности исполненнаго дѣла; послушайте позднія сожалѣнія состарившагося работника, который въ молодости не пользовался жизнью, который замѣчаетъ, что слава стоила ему слишкомъ дорого! Онъ завидуетъ участи простыхъ людей, неучей, лѣнивыхъ и глупыхъ, но уже поздно, не избѣжать ему мученія, которое онъ самъ себѣ создалъ, не избѣжать ему скуки¹⁾.

Мыслитель, у котораго особенно развито отвлеченное мышленіе, предназначенъ скукѣ. Мысль есть

¹⁾ Ренанъ въ *L'eau de jeunesse* выражается такъ: Всѣ трое мы вели въ молодости благоразумную жизнь, ибо у насъ было одно дѣло. По совѣсти говоря, видя, какъ мало это приноситъ, смѣемъ ли мы думать совѣтовать эти же правила тѣмъ, у кого нѣтъ дѣла

извлечение, эссенция и уже по своему богатству она заключаетъ въ себѣ пресыщеніе. Занятый абстракціей, мыслитель удаляется отъ пошлой жизни, онъ дѣлаетъ выводы, обобщенія, ему достаточно нѣсколькихъ образцовъ, онъ углубляется въ умственную работу и міръ исчезаетъ, кажется рядомъ китайскихъ тѣней. Построитель системъ, онъ улавливаетъ міръ въ сѣти, гдѣ міръ кажется совсѣмъ малымъ. Находясь среди людей, онъ не чувствуетъ жизненной теплоты, онъ видитъ повсюду механизмъ. Онъ не плѣняется вещами и потому открываетъ ихъ ужасную основу. Всюду у него рабочий кабинетъ, залъ для диссекцій, а его умъ лабораторія. Благодаря своей манерѣ все анализировать, онъ чувствуетъ въ себѣ особенный, внутренний холодъ. Аміль говоритъ: «Философъ, это трезвый человѣкъ среди всеобщаго опьяненія, онъ видитъ, что люди являются послушной игрушкой иллюзій. Онъ мнѣе, чѣмъ всякій другой, обманывается насчетъ своей природы. Онъ думаетъ болѣе здраво о вещахъ». Эти слова, заключающія въ себѣ описаніе скуки, Тэнъ выписываетъ, говоря о тѣхъ, которые думаютъ: «Одинъ этотъ способъ жить самъ по себѣ производитъ скуку. Почти всѣ наши радости происходятъ отъ разнообразныхъ сношеній съ людьми или отъ созерцанія измѣненій въ природѣ. Такимъ образомъ люди развлекаются, занимаются, забываются и смѣются: это легкое и проходящее счастье, которымъ надо пользоваться безъ размышленій, не думая, когда его получаешь, и не сожалѣя о немъ, когда теряешь. Размышляющій человѣкъ находитъ его жалкимъ и такъ какъ другого нѣтъ, то онъ рѣ-

шаетъ, что вообще нѣтъ радости. Умѣя скорѣе найти въ вещахъ общее, онъ открываетъ въ человѣкѣ сто тысячъ слабостей, которыя не замѣчаетъ обыкновенный человѣкъ, а именно: всю силу нашего незнанія, неточность нашихъ наукъ, краткость жизни, медленность прогресса, слабость нашихъ силъ, странность страстей, лицемерность добродѣтели, несправедливости общества, многочисленныя скорби нашей исторіи. Ему кажется, и не безъ основанія, что жизнь есть зло, и, если онъ не впадаетъ въ мизантропію Свифта, то ударяется въ болѣзненную веселость Кандида или впадаетъ въ математическое спокойствіе Спинозы; но это бесполезно, ибо рана остается такой же болѣзненной».

Люди избѣжавшіе скуки. Есть ли люди, избѣжавшіе скуки? Если это зло присуще самой человѣческой природѣ, то такихъ людей нѣтъ. Однако встрѣчаются же люди, которые не знаютъ, что такое скука; мы думаемъ, что они испытываютъ ее въ бѣглой формѣ, скрытой въ какомъ-нибудь сложномъ состояніи; конечно они не сознаютъ ее и не задумываются надъ нею; такъ какъ они молчатъ, не жалуются на нее, то мы скажемъ, что они избѣжали скуки.

Люди избѣжавшіе скуки не отличаются какими-нибудь общими чертами, они дѣлятся на различныя группы. Попробуемъ различить нѣкоторыя изъ нихъ.

Человѣкъ *здоровый* можетъ не знать скуки, благодаря своему здоровью. Жизнь опьяняетъ его, ему пріятно уже то, что онъ дышетъ. Какой бы работой онъ ни занялся, онъ чувствуетъ всѣмъ своимъ существомъ глубокое наслажденіе: если даже умъ

человѣка не работаетъ, глубокая радость бытія, зависящая отъ постоянного здоровья, уравниваетъ человѣка; кромѣ того, всегда одинаковыя физическія силы сами по себѣ вызываютъ нечувствительность, безсознательность, способствуютъ веселью и хорошему расположенію духа.

Избѣжать скуки могутъ также *дѣятельные* люди. Назовемъ прежде всего простого средняго человѣка, автомата, дѣйствующаго по указкѣ начальствующихъ или хорошаго ремесленника. Онъ убѣжденъ, что представляетъ собою полезнаго члена общества, у него будутъ свои радости, онъ доволенъ малымъ и потому будетъ счастливъ; у него нѣтъ нервовъ, онъ, самъ того не зная, хитеръ, ибо не задумывается надъ скукой.

Затѣмъ слѣдуетъ человѣкъ дѣятельный, съ избыткомъ энергіи, съ обѣшеной дѣятельностью, жадный къ жизни. Это смѣлый искатель приключеній, испробовавшій много ролей и испытавшій много превращеній; человѣкъ съ огромнымъ аппетитомъ, съ широкимъ размахомъ, не признающій терпѣнія; его ничто не разочаруетъ, это воодушевленный оптимистъ. Этотъ дѣятельный и, можно сказать, непобѣдимый человѣкъ не имѣетъ никакого отношенія къ скукѣ ¹⁾.

¹⁾ Таковъ былъ Кавуръ, типичный какъ человѣкъ дѣятельный, радостный и неутомимый. О немъ сказали: «Кавуръ — снисходительная и богатая натура. Онъ сангвиникъ, здоровый, всегда готовый къ дѣлу и неутомимый... Его оптимизмъ непоколебимъ... Въ немъ было сильно то свойство, которое называется способностью жить; при такой способности ничего больше не требуется, какъ только родиться, она состоитъ изъ множества способностей, зависящихъ отъ физической и умственной расторопности... Онъ былъ изъ тѣхъ привилегированныхъ людей, которые не принуждены вла-

Апатичные, инертные люди могутъ или совсѣмъ избѣжать скуки или испытывать ее въ слабой степени, безсознательно. Такой человѣкъ согласенъ на однообразныя, медленныя и пошлыя занятія; его пассивность, оцѣпенѣлость, и безразличіе застраховываютъ его отъ тонкихъ страданій ¹⁾.

Мечтательный избѣгаетъ скуки благодаря своимъ мечтамъ. Это идеалистъ убаюкивающій себя своими снами ²⁾ или артистъ, великій геній, или же человѣкъ тщеславный, надутый, хвастливый, страдающій маніей величія, преисполненный честолюбивыхъ проектовъ.

Человѣкъ *общительный* презираетъ скуку, находя удовольствіе, въ обществѣ братаясь со всѣми встрѣчными. Онъ всюду находитъ себѣ подходящую

жить жизнь, но которыхъ несетъ сама жизнь. Его неизсякаемое веселье, придавало прелесть разговору, улыбкѣ, проявлялось въ снисходительномъ и открытомъ смѣхѣ, въ громкомъ голосѣ, въ особой привлекательной манерѣ представлять вещи, въ дружелюбной приспособляемости къ людямъ и положеніямъ, въ живости манеръ и движеній, въ особенной манерѣ потирать руки, слѣдившейся исторической... Однажды, когда ему пришлось въ продолженіи трехъ или четырехъ часовъ слушать прошенія и длинныя прозекты какого-то скучнаго просителя, и когда я выразилъ ему сочувствіе, онъ сказалъ — «я никогда не скучаю». Scherer, *Etudes sur la littérature contemporaine*, t. II.

¹⁾ Тамъ утверждаетъ, что флегматичный характеръ вполне способенъ къ работѣ и застрахованъ отъ скуки. Онъ пишетъ: «Есть два обстоятельства уменьшающія (въ Англіи) главную тяжесть современнаго труда, то есть скуку. Одно обстоятельство это флегматичность характера, задерживающая скачки идей, импровизацию, маленькія волненія и позволяетъ человѣку работать съ правильностью машины. Другое — недостатокъ тонкости нервовъ, приобритенная нечувствительность, привычка къ тусклымъ ощущеніямъ, которая уничтожаетъ въ человѣкѣ потребность живой и разнообразной радости и удерживаетъ отъ возмущенія противъ однообразія работы». *Notes sur l'Angleterre*, p. 82.

²⁾ Ренанъ говоря о бретонскомъ характерѣ, выражается такъ: «Скука неизвѣстная вещь для этихъ народовъ; они слишкомъ много

компанію и не торопится въ себѣ домой, чтобы скучать. До крайности разбрасывающійся, снисходительный въ выборѣ удовольствія, ловкій въ поискахъ новыхъ интересныхъ сношеній, онъ не задумается на счетъ скуки; его умъ направленъ на внѣшнее.

Все что даетъ уравновѣшенность обезпечиваетъ намъ относительную защиту отъ мученій скуки.

ГЛАВА XI.

Скука женщины.

Женщина знакома со скукой вслѣдствіе бѣдности натуры и низкаго соціального положенія; и если скука не явится въ силу несокрушимыхъ законовъ реальности, то явится черезъ воображеніе. Свойственная ей скука является слѣдствіемъ бѣдности впечатлѣній, неувѣренности и плохой координированности дѣйствій; но ей удастся спастись отъ слишкомъ живыхъ страданій, при помощи покорности, безпечности и легкомыслія.

I. Женщина страдаетъ отъ прирожденной слабости и занимаетъ подчиненное положеніе. Ея слабость не даетъ возможности вести рискованную, сложную и сопряженную съ опасностями жизнь; ея чувства лѣнны, взглядъ поверхностенъ, она не постигаетъ всю глубину идей и чувствъ, ея уму не хватаетъ полноты и совершенства.

мечтаютъ для того, чтобы скучать. То, что носить это названіе, для нихъ это истинное наслажденіе, безконечный разговоръ съ самимъ собою». *Pages détachées*, p. 18.

Она легко сознается въ своемъ несчастіи. При всякихъ обстоятельствахъ она торопится, призываетъ другихъ къ себѣ на помощь; ей необходимо отъ другихъ получить воодушевленіе, вѣру, надежду и всѣ добродѣтели; ей недостаетъ необходимыхъ силъ; она предчувствуетъ возможные неудачи и легко впадаетъ въ отчаяніе.

Постоянно сравнивая свое положеніе съ положеніемъ мужчины, она считаетъ себя обдѣленной и оскорбленной. Мужчина — господинъ положенія, онъ царь, дѣйствительный обладатель вселенной; царство-же женщины фиктивное; она раба триумфатора, игрушка въ рукахъ господина; отъ него зависитъ все содержаніе ея жизни и все, что поднимаетъ её, безъ чего она не можетъ обойтись. И развѣ не нуженъ ей также вождь, направляющій ее и дающій слова и идеи? У мужчины дѣйствительная сила, завоевательный геній и побѣдоносная смѣлость; онъ преслѣдуетъ цѣль и находитъ свободу. Женщина прикована къ колесницѣ побѣдителя, ненавидитъ того, кто ее ведетъ и скучаетъ.

II. Женщина скучаетъ благодаря своему приращенному положенію. Для нея открыто очень много путей: ей принадлежать нисшія мѣста и завидныя посты.

Ей предоставлены домашнія работы, она является охранительницей очага. Эта роль конечно безцвѣтная и, для того, чтобы исполнять ее безъ нетерпѣнія, надо имѣть склонность и привычку къ машинальной работѣ; веденіе изо дня въ день хозяйства есть несносная работа Пенелопы; это эфе-

мерное дѣло по преимуществу, его надо начинать всегда снова. Какъ много нужно времени на выполнение всѣхъ этихъ матерьяльныхъ дѣлъ, которымъ придаютъ такъ мало цѣны! Сколько скрытаго прилежанія въ неблестящей работѣ! Замкнутая въ небольшомъ кругѣ, она какъ сонambuла ходитъ взадъ и впередъ растрчивая силы на упорную плохо вознаграждаемую работу и потому женщина скучаетъ.

III. Женщина находитъ скуку въ своемъ сердцѣ. Она вся состоитъ изъ воображенія, чувствительности и капризовъ и, довѣряясь наивнымъ надеждамъ, постоянно страдаетъ отъ жизни; находясь въ ссорѣ съ неудовлетворяющей ее дѣйствительностью, она строитъ воздушныя замки, уносится въ мечты; она не любитъ ни мѣста, гдѣ живетъ, ни близкихъ ей предметовъ, ни свою судьбу; она рвется къ неизвѣстному; ея желанія похожи на ласточекъ летящихъ въ далекія страны.

Она пытается убѣжать отъ самой себя и обращается къ религіи, утѣшенію страждущихъ сердецъ, къ Богу, который никого не отталкиваетъ и позволяетъ поклоняться ему вволю. Книги, поэзія, музыка даютъ ей крылья, рисуютъ миражи. Всѣмъ другимъ миражамъ она предпочитаетъ любовь; этотъ сонъ сопровождаетъ ее до конца жизни; она мститъ за себя реальности, противопоставляя ей свой міръ, въ который не проникаетъ скука.

IV. Женщина хочетъ, чтобы ее занимали, помогали ей противъ ея инертности. Ея скука есть внутренняя пустота, слѣдствіе ея умственной бѣдности, состояніе томленія. Она собираетъ вокругъ

себя общество и съ постоянной свѣтской улыбкой на губахъ поддерживаетъ цѣнныя отношенія по немногу во всѣхъ кругахъ при помощи бесѣдъ, вольностей, серьезной или легкой дружбы.

Дверь ея дома, а часто и сердце, широко открыты; она радуется при появленіи знакомыхъ, записывается въ гостяхъ и затягиваетъ разговоры изъ страха остаться въ одиночествѣ. У нея своя свита, свой дворъ, она создаетъ себѣ друзей своей предупредительной и страстной любовью.

Праздная и изобрѣтательная, она поклоняется тѣмъ, кто еѣ развлекаетъ, артистамъ, писателямъ и ораторамъ которые восхищаютъ ее, всѣмъ восходящимъ звѣздамъ; ея глаза блестятъ при захватывающей игрѣ виртуоза, при удалствѣ болтуна, при продолжаніи шарлатана; она дѣлается трогательной фанатичкой зарождающейся религіи и пылкихъ проповѣдниковъ — проповѣдниковъ.

Ей необходимо нужно посмѣяться! тогда она, бросивъ всѣ претензіи, увлекается фарсомъ, шутками; всякій ловкій жонглеръ дѣлается ея любимцемъ, а наиболѣе шумный и живой шутъ получаетъ отъ нея аплодисменты. Ея легкій, сверкающій, счастливый и непонятный смѣхъ отрицаетъ серьезность и тяжесть жизни, пугающей и приводящей ее въ отчаяніе; или же ея смѣхъ дѣлается мстительнымъ, жестокимъ, рѣзкимъ и спазматическимъ, въ которомъ звучитъ недовѣріе или заглушенное рыданіе.

V. Скука это демонъ женщины, который постоянно ее точитъ и даетъ ей нравъ и подвижность козочки и переменчивость хамелеона; она

безумно любить моды и новости; безпрестанно смѣняемые наряды ненадолго обновляютъ ее; ея душа отражается въ ея мѣняющихся нарядахъ и блестящей внѣшности.

Она любопытна до не деликатности, болтлива до неосторожности и возбужденіе ея легко доходитъ до безумія. Благодаря униженному положенію она иногда принимаетъ видъ заговорщицы, человѣка замкнувшагося; ее раздражаетъ ея положеніе несовершеннѣйшей; ея несчастье въ томъ, что она женщина и эта мысль ставитъ ее во враждебное отношеніе къ мужчине, которому она мститъ ревностью, ненавистью и злостью.

Кажется, что въ самомъ наслажденіи она обманывается, сомнѣвается въ немъ, находясь въ объятіяхъ своего любовника. Мужчина при видѣ женщины дѣлается безумнымъ, прославляетъ ея красоту, до опьяненія упивается ея прелестью и когда онъ не жалѣетъ для этого божественнаго тѣла ни ласкъ, ни поклоненія, его страстные желанія опьяняютъ его; его собственныя ощущенія дѣлаютъ его богомъ. Женщина-же, играя глупую роль накрытаго стола, скучаетъ и думаетъ о мщеніи и когда наступаетъ ея мигъ, она безжалостно осмѣиваетъ преклоненнаго и умоляющаго ее любовника, она вноситъ въ любовь вѣроломную фантазію и разрушительныя капризы.

VI. Женщина не противится скукѣ, но переноситъ ее терпѣливо. Случается, что она не сознаетъ ее; ея мысль не проникаетъ вглубь вещей, чтобы найти міръ суетнымъ и ничтожнымъ! Не имѣя ни плана, ни программы, она не предъявляетъ судьбѣ настоятельныхъ требованій, она выигрываетъ свое счастье въ лотереѣ, и возлагаетъ надежды на

будущее. Она получила воспитаніе рабыни, затворницы; она встрѣчаетъ какъ избранника, какъ спасителя всякаго, кто поетъ ей любовную пѣснь, она растворяется со всей своей слабостью въ личности мужчины, ищущаго ея любви.

Преобладающей чертой ея натуры является пассивность. Покладистая и приспособляющаяся, она легко примѣняется къ самымъ сквернымъ обстоятельствамъ; она легко принимаетъ даже ограниченіе правъ и съ улыбкой переноситъ несчастье. Ея воля то же, что желаніе ребенка; ея слезы скоро высыхаютъ, она не предается опасному отчаянію, благодаря своей невдумчивости, беззаботности и легкомыслію.

Ея поступки осторожны и эгоистичны; она не растрчиваетъ себя, идетъ по слѣдамъ другихъ; она стремится сберечь свои силы медлительностью, лѣнностью, умѣньемъ заставить другихъ тащить ее; ей необходимо нужно вѣрное убѣжище и поддержка близкихъ людей; она замкнулась въ себя и зависить отъ своихъ застывшихъ привычекъ, въ оцѣпенѣніи находитъ покой, а въ ничегонедѣланіи удовольствіе; изъ того, что она ищетъ покоя и находитъ удовольствіе въ оцѣпенѣніи, видно, что ея жизнь — несознанная скука.

VII. Женщина хотѣла бы избавиться отъ своей вѣковой скуки; она стремится къ свободѣ, къ полной свободѣ располагать собою; она становится во враждебныя отношенія съ мужчиной, властвующимъ всѣми привилегіями; она думаетъ, что признаніе ея правъ дастъ ей высшее просвѣтленіе.

Но какъ неосновательны ея стремленія! Какъ

рискуетъ она ради сомнительнаго успѣха! Не заключается ли ея сила въ изящной слабости, въ обезоруживающей граціи? Есть ли у нея другое призваніе, кромѣ ласки и поцѣлуевъ? Съ превращеніемъ въ мужественную амазонку, въ суровую воительницу, она теряетъ свою прелесть, свои таинственныя чары.

Скука, утвердившаяся въ ней, сдѣлавшаяся ея закономъ, даетъ прелесть ея взгляду, выражающему слабость, мечтательность и загадочность души; скука это раздражающая, діавольская тайна ея, о которой надо безпрестанно догадываться. И мужчина научился ярко выражаться, изобрѣлъ роскошь, мирныя искусства, военную славу, чтобы обольстить и изгнать скуку женщины.

ГЛАВА XII.

Объективныя формы скуки.

Мы получаемъ скуку извнѣ, ее навѣваютъ на насъ окружающіе предметы, неподходящая атмосфера жизни, и, если устранить причину, исчезнетъ и скука. Бываетъ, что неожиданная скука пройдетъ, не оставивъ въ насъ большого слѣда, если только мы не поддадимся ей. Такого рода скука является, говоря по правдѣ, во всѣхъ случаяхъ, когда мы стѣснены или встрѣчаемъ противорѣчіе; такую скуку мы испытываемъ почти поминутно; но есть болѣе общіе виды объективной, предвидимой, неизбежной и повсюду дѣйствующей скуки и эти виды ея мы

и хотимъ отмѣтить, чтобы прибавить къ нашему изслѣдованію еще нѣсколько чертъ: мы изложимъ скуку временъ года, часовъ дня, воскресеній и т. д.

Скука, зависящая отъ погоды. Скука зависитъ отъ погоды и появляется съ утра, едва только мы проснемся и успѣемъ освѣдомиться о состояніи погоды.

Эта скука происходитъ отъ нашей физической и психической зависимости отъ температуры, переменъ неба и окружающей атмосферы. Человѣкъ рабъ и игрушка климата и почвы, онъ какъ барометръ чувствителенъ къ переменамъ.

Каждый день человѣкъ освѣдомляется съ безпокойствомъ: какова погода? Онъ соображается и въ мысляхъ и въ движеніяхъ съ погодой. Эта зависимость нашего душевнаго состоянія отъ погоды составляетъ одно изъ условій рабски унижительнаго положенія человѣка, заставляющаго испытывать тяжелую скуку.

Зимняя скука. Зима имѣетъ свою скуку, которая является въ связи съ чувствомъ слабости, вызываемой холодомъ и въ связи съ недостаткомъ свѣта; смерть природы суживаетъ нашъ горизонтъ, парализуетъ нашу дѣятельность и лишаетъ многихъ веселыхъ впечатлѣній; сколько радостей, отнятыхъ зимою, вернуть намъ теплые дни!

Зимняя скука такъ сильна, такъ подавляетъ и угнетаетъ людей, что общество общими усиліями принимаетъ мѣры: преимущественно зимою устраиваются свѣтскіе праздники, семейныя собранія, блестящіе обѣды и масляничное веселье. У cadaго изъ насъ есть свое средство противъ мрачныхъ

зимнихъ мѣсяцевъ: это милая, замѣнутая жизнь, гдѣ живутъ всей душой; это любовь къ родному крову, очагу; это жизнь прелестная своей интимностью, замкнутостью, со всевозможными опьяняющими душу занятіями: музыкой, любовью, искусствами, думами и разговоромъ.

Весенняя скука. Весною скука является главнымъ образомъ отъ воображенія; является и исчезаетъ, благодаря причудливости этой способности. Весна! Чтобы упиваться ея расцвѣтомъ, чтобы съ восторгомъ вдыхать ароматъ сирени и розъ, надо умѣть опьяняться ею, надо быть мечтателемъ, беззаботнымъ поэтомъ.

Весенняя скука выражена поэтомъ въ слѣдующихъ, подобныхъ вздоху, словахъ:

Я видѣлъ, какъ начали зеленѣть лѣса, я пробовалъ любить.

(Alfred de Musset).

Если человѣкъ отказался уже отъ любви, а весна, съ ея приготовленіями природы къ празднику, все еще волнуетъ его, то всеильная проза жизни дастъ ему заботы, которыя отвлекутъ и исцѣлятъ его.

Лѣтняя скука. Лѣтняя скука зависитъ отъ такихъ состояній, какъ тѣлесная слабость, нервное истощеніе и неопредѣленное безпокойство, зависяція отъ жары, слишкомъ долгаго дѣйствія свѣта во время длинныхъ лѣтнихъ дней.

О какъ длинна жизнь, въ эти длинные лѣтніе дни,
И какъ тягостно время моему печальному сердцу!

Такъ говоритъ Сентъ-Бёфъ въ своемъ произведеніи «Poésies»¹⁾.

Прибавимъ, что лѣтняя картина имѣетъ характеръ неподвижности и производитъ впечатлѣніе остановки времени, тогда какъ весна и осень имѣютъ поступательное движеніе.

Лѣтняя скука есть прежде всего душевное состояніе. Его можно резюмировать какъ острое, болязненное и неодолимое стремленіе къ счастью, внезапно являющееся въ нашемъ сердцѣ, при видѣ сіяющаго плодоноснаго времени, когда міръ блистаетъ своей вѣчной красотой.

Лѣто манитъ насъ, поетъ и улыбается намъ, одѣваетъ лѣса и растилаетъ передъ нами дороги, раскидываетъ надъ нашими головами лучезарное небо. Лѣто—это неуловимое чудо. Сколько ласки въ воздухѣ, сколько благоуханій и нѣжныхъ звуковъ! Намъ хочется испытать дивныя чувства, хочется предпринять что-нибудь особенное. Но наши ноги потеряли быстроту, а сердце устало чувствовать: великолѣпные дни проходятъ и мы не пользуемся ими, чувствовать призывъ къ счастью и не знать, гдѣ его найти, остаться съ самимъ собою послѣ безполезныхъ порывовъ, такова внутренняя драма, которая и создаетъ лѣтнюю скуку.

¹⁾ Утомленіе отъ лѣтнаго свѣта и свѣтлаго неба еще болѣе чувствительно въ полуденныхъ странахъ: Теофиль Готье отмѣчаетъ этотъ фактъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Свѣтлый сплинъ востока!
Никакая скука не можетъ сравниться съ тобою,
Происходящимъ отъ блеска песковъ
И отъ вѣчно сіяющаго солнца.

(Emaux et camées).

Лѣтняя скука имѣетъ также свои социальныя причины: прекращеніе городской жизни, перемѣщеніе общественныхъ группъ, къ которымъ мы принадлежимъ, замедленіе профессиональных занятій, общія вакаціи.

Мы съ удовольствіемъ встрѣчаемъ сентябрь именно потому, что онъ прекращаетъ эту лѣтнюю скуку.

Осенняя скука трудно поддается специальному описанію; въ ней есть меланхолія и печаль, такъ любимыя поэтами. Одинъ тонкій писатель такъ опредѣляетъ осенніе дни: «Можно было бы сказать, что осень не одна, но ихъ столько, сколько есть осеннихъ дней. Ни одно время года не бываетъ такъ своеюравно, быстротечно, медлительно и ласково. Тѣ, кто проводили осень въ деревнѣ, знаютъ это, а также и то, что она больше говоритъ нашему сердцу, чѣмъ весна и лѣто, что она ближе намъ и больше волнуетъ насъ. Секретъ этого въ томъ, что она печальна; она уходитъ и чувствуется, что съ нею уходитъ и жизнь, а это вызываетъ сожалѣніе; осень мила намъ своей хрупкой роскошью, напоминающей нашу жизнь. Въ ней есть страданіе, этимъ она отличается отъ нашихъ радостей»¹⁾).

Скука въ теченіе дня. Разсмотримъ моменты скуки въ продолженіе обыкновеннаго дня.

I. *Утренняя скука* есть остатокъ ночного тумана, покрывающаго наши медленнопросыпающіяся чувства; состояніе духа еще не установилось и мы чувствуемъ, какъ все болѣе и болѣе возстановляются наши нервныя силы; дѣти при пробужденіи бываютъ

¹⁾ René Bazin.

ворчливы; человекъ просыпается съ тяжелой головой и съ отвращеніемъ и ужасомъ думаетъ о бремені жизни, которое предстоитъ ему нести на плечахъ.

Есть способы и хитрости, при помощи которыхъ можно избавиться отъ утренней скуки: быстро встать, заговорить, начать двигаться и заставить двигаться окружающее или же приняться за дѣла, и тѣмъ возбудить свое тѣло, или же приходится остаться подольше въ постелѣ, ожидая, что другіе болѣе бодрые первые испытаютъ утреннюю дрожь, первые начнутъ день.

Нерѣдко утро потому кажется продолжительнымъ, что оно начинается длинный день.

II. *Скука послѣобѣденнаго времени.* Скука послѣобѣденнаго времени происходитъ отъ продолжительности этой части дня, кажущейся безконечной: эти однообразныя часы производятъ впечатлѣнія остановки времени. Этому времени недостаетъ движенія, оно похоже на гладкую равнину или ровное и спокойное море; есть минуты, когда не чувствуется движенія, и тогда приходятъ мысли о вѣчности. Это время нашей усиленной работы и эта вынужденная и неизбежная обязанность и производитъ скуку послѣобѣденнаго времени. Такимъ же длиннымъ кажется это время и людямъ одинокимъ, не знающимъ, куда направить свои шаги; мечтателей склонныхъ къ размышленію, оно наполняетъ страннымъ, тоскливымъ чувствомъ пустоты (*daemon meridiana*). Амьель въ такихъ выраженіяхъ говоритъ о томительной скукѣ полдневныхъ часовъ: «Изъ всѣхъ часовъ дня, въ хорошій день, я считаю наиболѣе страшными

часы послѣполудня, около трехъ часовъ. Никогда не чувствую я сильнѣе, чѣмъ въ это время «ужасающую пустоту жизни», внутреннюю тоску и жажду счастья. Это мученіе отъ свѣта представляетъ странное явленіе. Солнце дѣлаетъ болѣе замѣтными пятна на одеждахъ, морщины на лицахъ и выцвѣтшіе волосы; не происходитъ ли то же самое, когда оно освѣщаетъ въ какой-нибудь безжалостный день и наши душевныя раны? Не заставляетъ ли оно стыдиться насъ за свое существованіе? Во всякомъ случаѣ этотъ сіяющій часъ дня можетъ наполнить душу печалью, вызвать стремленіе къ смерти, къ самоубійству или желаніе въ наслажденіи искать забвенія» ¹⁾).

Вздыхъ облегченія вырывается изъ груди, когда наступаетъ вечеръ! Все пріобрѣтаетъ иной видъ: народъ покидаетъ свои остроги-мастерскія; улицы, до сихъ поръ пустыя, начинаютъ оживляться; рестораны наполняются публикой; появляется на сцену алкоголь—лекарство отъ всѣхъ болѣзней; люди съ гнѣвомъ вспоминаютъ окончившійся длинный день и находятъ необходимымъ развлечься.

III. *Вечерняя скука*. — Источникомъ вечерней скуки является дневная усталость, которая дѣлаетъ насъ безсильными противъ печальныхъ мыслей и она же портитъ наши радости, которыя ведетъ за собой темнота.

Рабочій человѣкъ, зарабатывающій себѣ средства къ жизни, хочетъ, чтобы его трудовой день имѣлъ пріятный конецъ. Есть тихія, мирныя радости у

¹⁾ Journal intime, 31 mars 1873.

очага, спокойная прелесть вечеровъ въ кругу семьи. Многіе ищутъ не этого: имъ нужно немного безумствъ, разгула, чтобы вознаградить себя за скверный день, ибо они скучаютъ.

Вечернія удовольствія, находимыя внѣ дома, тревожны, лихорадочны, нездоровы и развращающи; ночь позволяетъ такъ много, воображеніе работаетъ беспорядочно, мракъ циниченъ и располагаетъ къ сквернымъ искушеніямъ.

Наступаетъ очаровательный вечеръ, другъ преступника;

Онъ тихонько крадется, какъ соучастникъ; небесный сводъ

Надвигается какъ большой альковъ;

А нетерпѣливый человѣкъ дѣлается дикимъ звѣремъ ¹⁾.

Погоня за развлеченіями и удовольствіями въ эти часы бреда и ночной оргіи ведутъ къ гибели и скукѣ.

Воскресная скука. Воскресная скука происходитъ отъ перерыва обычныхъ привычекъ и тоскливаго ожиданія «праздничнаго веселья».

Благодаря воскресенью, нарушающему нашу привычную работу, мы чувствуемъ себя сбитыми съ колеи, одинокими, воскресенье представляется какъ день безъ программы, когда наши мысли сходятъ съ обычнаго пути, получаютъ непредвидѣнное направленіе; съ первыми лучами этого дня въ нашихъ движеніяхъ проглядываетъ неловкое безпокойство распряженного животного, нюхающего вѣтеръ и не знающаго, куда идти.

¹⁾ Baudelaire, *Le Crépuscule du soir*.

Всѣ дни недѣли имѣютъ свои опредѣленные обязанности. Воскресенье избавляетъ насъ отъ нихъ и ставитъ передъ нами вопросъ о счастѣ; оно заставляетъ насъ поднять голову; мы внимательно присматриваемся къ себѣ и начинаемъ размышлять, вдаемся въ общія идеи.

Мы сто разъ возвращаемся къ мысли о счастѣ, о праздникѣ и въ этомъ сущность воскресной скуки. Праздничная толпа представляетъ то веселую, то печальную картину. Первый моментъ, когда строятся проекты, обдумываются поѣздки, когда оживленно собираются, затѣмъ пытаются привести въ исполненіе эти радости и многіе направляются въ ближайшіе кабаки, другіе, серьезно попытавшись выполнить сложный планъ, бросаютъ все и тогда въ нихъ чувствуется одна праздность и мрачная скука. На этой почвѣ возникаютъ всевозможные раздоры и ссоры, вслѣдствіе досады на то, что не удалось повеселиться!

Вечеръ приноситъ съ собою освобожденіе: наши праздничныя мысли и наше принужденіе исчезаетъ. Мы еще разъ пережили сны о счастѣ, разсѣяшіеся какъ дымъ; мечтатели предались воспоминаніямъ¹⁾; видъ счастливыхъ людей или считающихся такими взволновалъ печальныя и завистливыя сердца; конецъ этого пустого дня приноситъ всѣмъ облегченіе.

Какъ защититъ себя отъ воскресной скуки? Не будемъ смотрѣть на воскресенье, какъ на день удовольствій, останемся самими собою, не будемъ бросать нашихъ привычекъ, забудемъ, что это воскре-

¹⁾ Воскресенье для насъ день [воспоинаній (Saint-Beuve Poésies)

сенье, предоставимъ людямъ неосмотрительнымъ пытаться внезапно найти счастье и пусть праздничный день звучитъ для насъ отдаленной музыкой, убаюкивающей наши мысли¹⁾.

Бальная скука. Есть специальная бальная скука, признанная и внушающая страхъ, изъ-за которой, въ годы послѣ двадцати пяти лѣтъ, отправляются на балъ только съ недоверіемъ и идутъ на него изъ-за другихъ какихъ-нибудь побужденій, но не изъ простого желанія повеселиться. Бальная скука происходитъ отъ того, что празднества такого рода даютъ намъ искусственное удовольствіе, неосознанное, неосновательное и нереальное.

Балъ имѣетъ цѣлью ослѣпить насъ; чтобы опьянить наши чувства, здѣсь собираются въ изобиліи брильянты, духи, свѣтъ, музыка и шампанское танцоры кружатся, глаза улыбаются, лица сіяютъ въ освѣщенномъ воздухѣ. Но все это минутная фантазмгорія, мимолетное чувство. Балъ существуетъ только для молодого воображенія, тонкаго синтеза, для тѣхъ, кто думаетъ о божественномъ, о неизвѣстномъ. Позднѣе это блестящее зрѣлище оставляетъ насъ холодными и разочарованными.

¹⁾ Жюль Валль написалъ фантазію на тему воскресенье; мы приведемъ слѣдующія строки: «Какъ печально и пошло это хожденіе среди густой толпы, гдѣ сталкиваются, смѣшиваются и толкуются отдыхающіе актеры человѣческой комедіи! Ни одна фигура не дышитъ счастьемъ, кругомъ все тускло. Еще наканунѣ, въ субботу, третьяго дня, словомъ, во всякій другой день, эти же лица отражали душу, походка была быстра, движенія живыя, былъ озабоченный взглядъ и энергично стиснутыя губы. Сегодня это самыя обыкновенныя головы съ вялой улыбкой на губахъ и притворнымъ видомъ. Завтра серьезныя дѣла, лица освѣтятся огнемъ глупыхъ или настоящихъ страстей, скупости, честолюбія, любви.....» *Le Dimanche d'un jeune homme pauvre, Les Réfractaires.*

Зато сколько усилий въ этомъ условномъ торжествѣ! Какая противоположность между нашими суровыми мыслями и этимъ вызывающимъ, показнымъ и противорѣчащимъ намъ весельемъ! Мы чувствуемъ себя чуждыми этому истинному или ложному подъему и чувствуемъ только толкотню и духоту.

Бальная скука складывается изъ усталости, нашего безсилія что-нибудь придумать и сознанія нелѣпости и тщетности попытокъ повеселиться, указывающихъ на наше безсиліе и на природную бѣдность¹⁾.

Скука, находящаяся въ связи съ мѣстностью. Мы знаемъ, что существуютъ разныя по красотѣ мѣстности. Есть скука, являющаяся подъ вліяніемъ мѣстности, зависящая отъ ея внѣшняго вида (скука равнинъ, пустынь, дикихъ мѣстъ, негостепріимныхъ, некрасивыхъ городовъ); эта скука проявится въ нашемъ настроеніи. Вліяніе жилища на нашъ характеръ есть явленіе въ одно и то же время вполне реальное и трудно опредѣлимое. Иногда счастье и веселье скрывается тамъ, гдѣ большинство людей скучаетъ.

Отъ такой скуки, зависящей отъ внѣшнихъ, причинъ, легче всего избавиться.

¹⁾ На балу, въ бальномъ костюмѣ выводитъ Гаварня своего мрачнаго кутилу, сдѣлавшагося легендарнымъ: «кутилу, который сильно скучаетъ».

Вопросъ о весельи баловъ всегда былъ спорнымъ, о чемъ свидѣлствуетъ Севастьянъ Мерсіе въ «Парижскихъ картинахъ» (1782): «Прежде на балахъ бывало много веселья; теперь этого больше нѣтъ...» «На балахъ скучаютъ, но посѣщаютъ ихъ, чтобы завтра сказать: «Я былъ на балу и едва не задохся». Paul. Hervieu, *Le Bal de l'Opéra*.

ГЛАВА XIII.

Скука какъ фактъ и какъ функція.

Скука заслуживаетъ того, чтобы мы рассмотрѣли ея отношенія къ повседневной жизни, рассматривая ее какъ фактъ и какъ функцію.

I.

Скука какъ фактъ.

Скука есть такой же неопровержимый фактъ, какъ болѣзнь или сонъ и намъ приходится считаться со скукой также, какъ, и съ этими послѣдними. Въ то время, какъ люди ловкіе предвидятъ это и пользуются этимъ, эксплуатируютъ на этой почвѣ другихъ и живутъ со скукой въ ладу, глупцы попадаютъ въ ея сѣти.

Людямъ всегда приходилось считаться со скукой какъ съ общественнымъ явленіемъ. Противъ скуки, угнетающей толпу, хорошими средствами являются религія, политиканство съ зажигательными рѣчами, искусства, увеселительныя заведенія и рестораны. Правительство принимаетъ мѣры, чтобы развлекать народъ, для этого устраиваютъ иллюминаціи, празднества,

мирныя забавы смѣняются шумомъ войны; пороки и страсти являются выходомъ изъ неисходной скуки.

Скука является каждый день, каждую минуту. Она царить и тамъ гдѣ веселятся и тамъ, гдѣ работаютъ: это бичъ школь, казармъ и мастерскихъ, это ужасъ для предпринимателей, ибо имъ приходится бороться со скукой, быстро охватывающей публику, стараться удержать публику. Скука вліяетъ на распредѣленіе собраній и на происшествія дня; ее принимаютъ во вниманіе, заботясь о томъ, чтобы дѣло не погубило отъ скуки. Чтобы побѣдить скуку, надо предвидѣть ее и умѣть распознать подъ тысячью разныхъ личинъ, подъ которыми она скрывается.

Есть множество людей, живущихъ скукой ближнихъ. Тотъ, кто скучаетъ, ищетъ помощи, избавленія отъ своей муки, онъ дѣлается неразборчивымъ въ своихъ знакомствахъ, стараясь привлечь людей, представляется великодушнымъ, гостепріимнымъ; онъ вводитъ въ свой домъ прихлебателей, забавляется ихъ низостью и лестью; у каждаго человѣка есть близкіе люди, которые встряхиваютъ его и въ свою очередь зависятъ отъ него.

Скука разрушаетъ преграды при встрѣчѣ двухъ половъ. Есть женщины, которыхъ мы тщетно добиваемся, но скука предаетъ ихъ. Но эта жалкая побѣда, ибо скука скоро возьметъ обратно то, что дала.

Иногда полезно и поскучать. Скука составляетъ форму и основу жизни и потому необходима, какъ однообразіе; она имѣетъ свои права, какъ и усталость, и свое мѣсто въ нашихъ мысляхъ и пси-

хическихъ состояніяхъ, она является предвидѣнной фазой многихъ положеній. Признавъ это, мы не будемъ особенно жаловаться на вѣчное повтореніе явленій, мы не будемъ въ претензіи на жизнь за ея печальное однообразіе, на наши чувства за ихъ усталость; хорошо было бы имѣть отдыхъ въ дружбѣ, въ любви, въ брачной жизни, предоставить покой, если это требуется, уму или сердцу.

Допустимъ скуку такую, какъ она есть въ нашихъ сношеніяхъ другъ съ другомъ. Каждый изъ насъ надоѣдаетъ кому-нибудь въ свой чередъ. Мы успѣли рассказать свою исторію всѣмъ, кто только хотѣлъ слушать, но нѣтъ человѣка, у котораго было бы столько остроумія, чтобы всегда стоило бы его слушать. А между тѣмъ мы бываемъ другъ у друга, ведемъ праздный разговоръ, въ которомъ чувствуется скука. Скука гонитъ насъ изъ дома и мы идемъ надоѣдать другимъ. Скука сопровождаетъ каждаго посетителя, котораго мы видимъ слишкомъ часто; скука представляетъ собою ходячую монету, приходится мириться съ ней, приспособляться; по взаимному праву каждый играетъ попеременно роль то жертвы, то мучителя.

II.

Скука какъ функція.

Скука можетъ быть разсматриваема, какъ функція, то есть, какъ особый складъ или направленіе умственной дѣятельности; она похожа на скорбь и также нормальна, какъ эта послѣдняя, слѣдовательно и изъ нея можно извлечь пользу; по-

смотримъ, какова ея роль и польза въ нашей жизни.

Скука—прежде всего есть одинъ изъ законовъ жизни. Въ томительной и однообразной жизни скука является единственнымъ двигателемъ. Имѣть жизненный опытъ значить знать скуку, скучную необходимость, неизбежную медленность жизни; это значить смотрѣть на міръ безъ напрасныхъ иллюзій, безъ безумныхъ надеждъ.

Скука есть условіе работы. Работа, которая специализируетъ насъ, беретъ наши лучшія силы, есть одна изъ формъ скуки. Кто работаетъ, тотъ идетъ въ упряжкѣ, въ шорахъ, ведетъ жизнь лошади, работающей на мельницѣ. Хорошими работниками бываютъ только тѣ, кто умѣетъ постоянно скучать. Лучшее приготовленіе къ трудовой жизни есть привычка скучать, хорошо имѣть ее отъ рожденія. Родиться въ небогатой семьѣ, провести не веселое дѣтство въ бѣдной странѣ, юность безъ удовольствій, терпѣть стѣсненіе, вотъ что создаетъ работниковъ, не чувствующихъ усталости, достигающихъ цѣли; они согласны безропотно переносить скуку. Они очень поздно узнаютъ разнообразную, свободную, разностороннюю жизнь, съ ея наслажденіями. Работа идетъ успѣшно, если только съумѣютъ рано замкнуться въ скуку¹⁾.

Скука есть условіе честолюбія. Честолюбіе создаетъ смѣлыя, почти неисполнимыя мечты. Често-

¹⁾ Ренанъ, великій работникъ, насчитываетъ между своими добродѣтелями способность скучать: «Моя способность скучать происходитъ, можетъ быть, отъ прививки ея въ моей молодости въ такой дозѣ, что я ей не поддаюсь во всю остальную жизнь». *Somvenirs d'enfance et de jeunesse*, p. 346.

любецъ не знаетъ точно ни своихъ силъ, ни способностей и только изъ прихоти клянется достичь желаемого. Все его вниманіе поглощено этой далекой цѣлью и онъ, пока не достигнетъ еѣ, не замѣчаетъ окружающаго, не хочетъ знать никакихъ радостей. Его ведетъ въ жизни идея, а поддерживаетъ волненіе. Онъ играетъ большую игру, такъ какъ блага этого міра и будущія радости приносить въ жертву далекому призраку. Если онъ не достигнетъ цѣли, то воскликнетъ: какая неудача въ жизни! Дѣйствительно, онъ ничѣмъ не воспользовался. Это безразсудный игрокъ, идущій къ фантастической цѣли и платящій за побѣду скукой.

Скука заключаетъ въ себѣ философію. То это критика жизни, рассматривающая пустоту и ничтожество жизни, то, среди всеобщей суетности, она является благодатью и отрицаніемъ страстей. Кто пришелъ къ скукѣ, тотъ считаетъ, что бесполезно и утомительно дѣйствовать и прилагать усилія въ жизни, его мысли и планы подвержены разрушительной силѣ скептицизма; у него остаются только надежныя привычки къ покою во всевозможныхъ видахъ. Признаніе, что скука есть законъ жизни, вызываетъ покорность, довольство малымъ, благодарность за отрицательныя блага; это же заставляетъ любить свой уголъ, вглядываться въ свою внутреннюю жизнь; эта мысль, какъ увеличительное стекло, открываетъ безконечно малыя величины, научая вѣрующаго сомнѣнію, ученаго терпѣнію, а мыслителя пропигательности; сдѣлавшись міровоззрѣніемъ, она обращается въ пессимизмъ съ его ироніей или въ болезненный идеализмъ.

Скука придаетъ намъ положительность. Тотъ, кто скучаетъ, мало интересуется міромъ и смотритъ на него свысока. Его душа устала, онъ требователенъ въ выборѣ дружбы, любви, онъ знаетъ всему цѣну и легко можетъ обойтись почти безъ всего. Кажется, что въ немъ самомъ сполна заключается его жизнь. Онъ презираетъ людей и боится ихъ глупости и потому мало доступенъ; онъ защищается насмѣшливостью и злостью, ибо люди надоѣдаютъ ему, онъ знаетъ впередъ, что они могутъ сказать ему. Онъ относится милостиво только къ чему-нибудь дѣйствительно интересному или оригинальному. Ненавидящій многое, усталый, онъ производитъ впечатлѣніе страннаго ненавистника и безстрастнаго мудреца.

Скука вліяетъ на складъ души. Она заставляетъ сосредоточиться въ мысляхъ, углубиться въ себя, даетъ склонность къ анализу,¹⁾ а также пассивность и отрѣшеніе отъ личности. Духъ дѣлается пассивнымъ отраженіемъ міра, вмѣсто того, чтобы вносить въ міръ свое творчество. Скука разбиваетъ страждущій духъ, наполняетъ его бредовыми, призрачными идеями и снами, она ведетъ къ сумашествію или самоубійству. Она подстрекаетъ насъ къ смѣлымъ и отчаяннымъ поступкамъ, къ безумнымъ крайностямъ; она внушаетъ звѣрскіе пороки, безстыдство, внушаетъ желаніе извѣдать глубины бездны.

Благодаря скукѣ является экономія нашихъ силъ. Она скрываетъ наши способности, проявляется въ отреченіи, самосохраненіи и мудрости; въ основѣ ея лежитъ отреченіе отъ удовольствій, застѣнчивость, скрывающая чувства; она рождаетъ безпокойство во всѣхъ темпераментахъ, даетъ стре-

¹⁾ Скука дала *Подражаніе Іисусу Христу*.

мленіе быть въ тѣни, желаніе не выдѣлиться изъ посредственности, стремленіе къ уединенію; какъ своего рода сонливость, медлительность, сердечная скупость, она сохраняетъ здоровье, долговѣчность, сохраняетъ какъ индивидуальность, такъ и породу. Скука есть бдительная осторожность, постоянная сосредоточенность, она какъ сонъ накапливаетъ энергію, она предоставляетъ намъ забавляться вздоромъ и мечтами. Какъ къ вину полезно прибавлять воду, такъ къ своимъ дѣйствіямъ надо примѣшивать скуку или, иначе говоря, безпечность, лѣность, чтобы не истратить скоро свои силы; нашъ взглядъ дѣлается тупымъ, рѣчь неопредѣленной, сокращается душевное пламя и мы не торопясь выполняемъ свое дѣло; скука есть спасительный скептицизмъ или забота о будущемъ¹⁾.

Скука равносильна отдыху. Скучать значитъ перестать дѣйствовать, думать, предоставить себя оцѣненію; кажется, что колесо внутренней жизни остановилось, что наша жизнь похожа на горящую неполнымъ свѣтомъ лампу; примиримся съ этой временной убылью жизни и она дастъ намъ благодѣ-

¹⁾ Скука сохраняетъ силы: эта мысль находитъ подтвержденіе въ слѣдующихъ строкахъ Ницше: «Для мыслителя и для творческой мысли скука есть та «гладкая тишина» души, которая предваряетъ счастливый путь и веселый пѣтеръ; для нихъ необходимо испытать дѣйствіе скуки, посредственные же натуры никогда въ этомъ не нуждаются. Изгонять скуку какимъ бы то ни было способомъ, это также пошло, какъ пошла работа безъ удовольствія. Азіаты, можетъ быть, тѣмъ и отличаются отъ европейцевъ, что способны къ болѣе продолжительному и глубокому покою, чѣмъ эти послѣдніе; даже ихъ наркотическія средства дѣйствуютъ медленнѣе и требуютъ терпѣнія сравнительно съ несносно быстрымъ дѣйствіемъ европейскаго ада—алкоголя». *Le gai savoir*, p. 86 Trad. Henri Albert.

тельный покой. Наша жизненность имѣетъ предѣлъ и свои затмѣнія, а душа свои *rallentando*; можемъ ли мы требовать, чтобы наши мысли были бы всегда одинаково блестящи и цѣнны? Есть вещи несомнѣнно скучныя: прогулка, предписанная гигиеной, намѣренная праздность, пустой легкій разговоръ, развивающія ловкость общественныя игры, сокращающія время, леченіе отдыхомъ, отдыхъ въ гамакѣ, на кушеткѣ, безпечная дачная жизнь, морскія путешествія. Скука это успокоеніе послѣ возбужденія, реакція послѣ дѣйствія, она можетъ быть разсматриваема, какъ жизненная пауза, покой между дѣйствіями, какъ антрактъ, когда отдыхаютъ, возобновляютъ вниманіе; сама по себѣ скука не отдыхъ, но мы сдѣлаемъ ее такою, а отдыхъ уже есть одинъ изъ элементовъ счастья.

ГЛАВА XIV.

Современная скука.

Скука есть зло всѣхъ временъ, но болѣзни имѣютъ свои эпохи, и всѣ согласны съ тѣмъ, что скука особенно развилась въ два послѣдніе вѣка. Обратимся къ описанію современной скуки.

Каковы ея характерныя черты? Мы отмѣтимъ двѣ: 1) скука сдѣлалась сознательной, и потому она причиняетъ больше страданій, 2) она ведетъ къ отчаянію и похожа на него.

Общія и глубокія причины современной скуки лежатъ въ развитіи критическаго духа; она является

слѣдствіемъ анализа, разбивающаго благотѣльные иллюзіи, и скептицизма, обращающаго всё въ пыль.

Прежній человѣкъ естественно былъ вѣрующимъ, онъ чувствовалъ себя слабымъ, былъ боязливъ, шепталъ безпрестанно молитвы, для его защиты и покровительства всегда не хватало божествъ и святыхъ; онъ размышлялъ о бѣдности этой жизни и надѣялся на вознагражденіе въ будущей; и эта непоколебимая надежда укрѣпляла его и мѣшала ему быть вполне несчастнымъ.

Но явился новый взглядъ на вещи, одержалъ верхъ и положилъ конецъ этимъ фантастическимъ и утѣшительнымъ понятіямъ; воображеніе, строящее міръ по своему желанію, должно было дать дорогу наукѣ съ болѣе серьезными взглядами. Послѣ усиленныхъ попытокъ сохранить что-нибудь, все же пришлось покончить съ богами и отказаться отъ Божества! Человѣкъ со дня рожденія предначиненъ къ смерти; онъ понялъ, что его личное ничтожество гармонируетъ со всеобщимъ ничтожествомъ.

Самой ужасной вѣстью, облетѣвшей міръ, была смерть Божества. Умеръ Богъ! Сомнѣвающіеся въ этомъ отцы едва смѣютъ объявить дѣтямъ: «Я вамъ отвѣчу гдѣ Богъ, восклицаетъ человѣкъ, словами Ницше! Мы убили его, вы и я! Всѣ мы его убійцы! Но какъ мы сдѣлали это? Какъ могли мы выйти Океанъ? Кто далъ намъ губку, чтобы стереть горизонтъ? Что сдѣлали мы, отрѣшивъ землю отъ его солнца? Куда идетъ теперь земля? Куда мы идемъ? Дальше отъ всѣхъ солнцъ? Не есть ли это непрерывное паденіе? Назадъ, въ сторону, впередъ, во всѣ стороны? И существуетъ ли еще верхъ и низъ?

Не блуждаемъ ли мы въ безконечности? Не чувствуемъ ли мы дуновение великой пустоты? Не стало ли холоднеѣе? Не дѣлается ли ночь все темнѣе? Не надо ли зажечь въ полдень фонари? Не слышите ли вы шумъ могильщиковъ, хоронящихъ Бога? Не слышите ли вы уже запахъ тлѣнія? — ибо и боги также подвержены тлѣнію! Умеръ Богъ! Богъ останется мертвымъ! И мы его убили...!»¹⁾

Какъ пустынна земля, если нѣтъ болѣе Бога; что намъ остается дѣлать? Богъ! это слово вливало въ насъ бодрость и наполняло воздухъ невидимой музыкой²⁾.

Христіанство завѣдывало божественнымъ и всѣмъ извѣстно насколько оно было поэтично и краснорѣчиво съ его красивымъ звономъ и ароматнымъ фиміамомъ. Оно подалось подъ ударами науки, унося съ собою прелестныя нѣсновѣнія и чудное очарованіе; оно украшало нашу жизнь своими обычаями и священными предметами; оно отвѣчало, дурно ли, хорошо ли, на наши вопросы; дѣйствія, совершаемые нами по ея требованію, были полны смысла, а наши малѣйшія движенія — достоинства. Ренанъ говоритъ: «Католичество магическимъ кругомъ охватываетъ всю нашу жизнь такъ сильно, что когда лишаешься его, то жизнь кажется пустой»³⁾.

Исчезновеніе Бога, вѣры, вотъ каковы вѣрныя, хоть немного общія причины современной скуки. Она рождается въ восемнадцатомъ столѣтіи, когда догматы потеряли свою непреложность. Общее без-

¹⁾ Le gai savoir.

²⁾ «Жизнь становится пустой вещью, если не содержитъ въ себѣ вѣчнаго» (Scherer).

³⁾ *Souvenirs d'enfance et de jeunesse*, p. 330.

вѣріе, захватывающее души, кажется началомъ конца міра. «Скуку, это неизлечимое зло восемнадцатый вѣкъ вноситъ всюду,» говоритъ Шереръ¹⁾. Скука является его основой, его принципомъ; этимъ объясняются всѣ явленія вѣка: его волненія, недовольство, скрытая тоска, смѣлость порока. Человѣкъ, не находя себѣ точки опоры, хватается за все, чтобы снова внасть въ болѣе глубокое разочарованіе. Всѣ его попытки оставляютъ послѣ себя съ каждымъ разомъ все болѣе горькій осадокъ. Онъ пробуетъ встряхнуться, но не чувствуетъ въ себѣ жизни. Его печаль сильна, но не имѣетъ величія меланхоліи. Все для него не болѣе, какъ зрѣлище, даже его собственная жизнь, но это зрѣлище перестало интересоваться его. Усталось, внутренняя сущь, упадокъ всѣхъ жизненныхъ силъ, вотъ къ чему привелъ этотъ вѣкъ...».

Чего хочетъ революція? Низвести небо на землю, распредѣлить счастье между всѣми. Она не осуществитъ этихъ стремленій, а слѣдующій вѣкъ, унаслѣдовавъ ея лихорадочность, признаетъ ее несостоятельной.

Скука растетъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ; она дѣлается «зломъ вѣка»²⁾. Всѣ страдаютъ отъ нея. Мы видимъ ее у поэтовъ, въ ихъ безнадежныхъ нѣсеняхъ, у философовъ, въ мрачныхъ системахъ, толпа же ощущаетъ ее болѣзненно и смутно.

Критическій духъ уничтожилъ Бога и восторжествовалъ. Съ этихъ поръ всѣ, дорогія нашему

¹⁾ *Etudes sur la littérature contemporaine*, t. II.

²⁾ См. прекрасную статью Брюнетьера «Зло вѣка», *Revue des Deux-Mondes*, 15 septembre 1880.

сердцу, химеры потеряли прежнюю цѣнность. Если нѣтъ ничего безсмертнаго, то нѣтъ ничего и абсолютнаго. Все сводится къ обманчивымъ, измѣнчивымъ явленіямъ. Любовь, дружба, честность, всѣ чувства и добродѣтели все это принадлежитъ минутѣ и не отвѣчаетъ за свое дальнѣйшее. Единственно принятая истина, единственная твердая опора признается въ нашемъ эгоизмѣ.

Это печальное открытіе. Человѣкъ имѣетъ цѣну сообразно его иллюзіямъ, ибо въ нихъ его импульсивная сила. Только тогда отдаются съ радостью, когда любятъ. У насъ вѣтъ больше желанія любить другихъ и съ другой стороны нашъ эгоизмъ стоитъ на стражѣ, дышетъ холодомъ. Болѣзнь современной, въ конецъ разочарованной души это ея холодъ, отрицаніе и скука.

И дѣйствительно дѣло касается нравственнаго и физическаго истощенія,¹⁾ людей впадающихъ въ отчаяніе надо отнести къ истощеннымъ. Мюссе былъ для современниковъ вѣстникомъ смерти:

Земля также стара, выродилась,

Также полна отчаянія,

Какъ когда на берегу моря появился Іоаннъ
Креститель.....

Вернулись дни Клавдія и Тиверія,

Но не родится больше новая надежда,

Засохла грудь питавшая её,

Она отдыхаетъ въ своей бесплодности.²⁾

¹⁾ О современномъ физическомъ истощеніи см. Макса Нордау, *Dégénérescence*, 1-er volume.

²⁾ «Мюссе прямо называлъ «зло этого вѣка» нравственнымъ истощеніемъ. Никто больше его не отличался такою бесплодностью, или безплодной сухостью, которая дѣйствительно отличала съ са-

Каковы признаки, указывающіе на скуку въ современномъ обществѣ? Отмѣтимъ прежде всего усталость и ослабленіе творческой способности воображенія. Она не погибла, но вышла за свои предѣлы и обратилась къ реальному, ее контролируетъ разумъ. Прежде воображеніе занималось сверхчувственнымъ, обвиняло небо и землю, теперь же это та-же память, служанка чувствъ. Человѣкъ былъ прежде необузданнымъ мечтателемъ, теперь же сталъ плоско реальнѣе. Быть реальнымъ въ нравственномъ отношеніи значитъ отказаться отъ химеръ, слѣдовательно сомнѣваться въ чувствѣ, полагаться только на видимое и существенное; считаютъ возможнымъ знать себя и другихъ до послѣдней тонкости и это знаніе вызываетъ ужасъ и отвращеніе; считаютъ, что въ жизни торжествуютъ циники и прославляются негодаи, что жизнь есть послѣдовательная смѣна грубыхъ фарсовъ и убійствъ. Реализмъ доказываетъ смерть боговъ на небѣ и конецъ иллюзіямъ на землѣ и эта положительность становится скукой.

Какъ избѣжать этого обезкураживающаго взгляда на вещи? Люди ищутъ забвенія въ наслажденіи.

Когда скука заставляетъ искать удовольствія, то она накладываетъ на него свою печать, является жестокость, бѣшеная мстительность, конвульсии и садизмъ истощеннаго человѣка. Современный человѣкъ ищетъ сильныхъ, убивающихъ сознаніе, удовольствій и обращается къ чувственнымъ удовольствіямъ, какъ наиболѣе вѣрнымъ.

маго начала наше новое общество и которая далеко не уменьшалась, а напротивъ, шла все болѣе и болѣе усиливаясь.....» Montégut. «Esquisses littéraires: Alfred de Musset», *Revue des Deux-Mondes*, 15 juin 1881.

Прежде, когда воображаемое имѣло большую цѣну, тщеславіе имѣло большую роль, теперь же предпочитается чувственное опьяненіе. Любовь лишила иллюзій, сантиментальности и она сдѣлалась тѣлеснымъ наслажденіемъ, ее стали считать высшимъ благомъ, свели къ чувственности, къ блестящему моменту, который не можетъ поколебать никакой скептицизмъ; ибо она является неоспоримымъ наслажденіемъ. Тѣло женщины замѣнило безковечное, замѣнило потерянный нами рай.

Увлечение наслажденіемъ сдѣлалось неопределимымъ и тотъ, въ комъ сильна потребность къ наслажденію, больше всего страдаетъ, болѣе другихъ несчастенъ. Мы видимъ, какъ соотвѣтственно съ этимъ сильно распространяется въ мірѣ проституція и увеличивается ея армія. Современный человѣкъ охваченный отчаяніемъ чувствуетъ нѣжность къ проституткѣ, общему другу, къ этому любезному существу, которое можетъ дать ему тотчасъ же наиболѣе сильное наслажденіе. Между нимъ и его подругой на часъ, назначеніе которой служить для обмена опредѣленныхъ ласкъ, несомнѣнное сходство: у нихъ обоихъ одинаковое отвращеніе къ жизни, оба они хорошо чувствуютъ себя въ развратѣ; здѣсь то-же скрытое отчаяніе, ищущее утѣшенія въ грязи и непристойности.

Продуктомъ этого безпримѣрнаго отрицанія нравственности явились люди, называемые кутилами. Кутила не считаетъ жизнь серьезной и съ легкостью пользуется удовольствіями. Современный кутила ясно сознаетъ свою цѣль, онъ хочетъ вознаградить себя за внутреннюю несостоятельность, получивъ свою

долю наслажденій. Онъ увеличиваетъ свою опытность, расширяетъ поле дѣятельности и рисуетъ рискуя жизнью ради какого нибудь рѣдкаго ощущенія. Но какъ хрупка его система! Онъ ищетъ сильныхъ и яркихъ ощущеній; онъ готовъ довести до пароксизма, эти измѣнчивыя, эфемерныя, чувственные удовольствія, похожія на вспышки и составляющія между тѣмъ все его достоинство, замѣняющія ему несуществующаго для него Бога. Ослабленіе тѣлесныхъ силъ пугаетъ его, какъ растрата богатства. Его сокрушаетъ таже мысль о ничтожествѣ всего, которая заставила искать наслажденій. Исходнымъ пунктомъ его была скрытая скука: онъ возвращается къ ней же, обойдя напрасно небольшой кругъ нашихъ земныхъ радостей ¹⁾.

Въ общественной жизни мы видимъ ту же потребность наслаждаться жизнью, потребность забыться. Понятіе о счастьѣ сдѣлалось болѣе сложнымъ, влѣдствіе этого выросло честолюбіе, страстное желаніе возвыситься, выдвинуться изъ нижнихъ слоевъ, то есть имѣть доступъ къ болѣе широкимъ радостямъ людей имѣющихъ власть, и имѣть воз-

¹⁾ Исследуя превращеніе желанія, Мельхиоръ де Вогюэ въ своей статьѣ о Шатобрианѣ говоритъ такъ: Пока вѣра была живою и цѣльной, никто не представлялъ себѣ мученій Рене; мучительныя земныхъ желаній были желанія относящіяся къ вѣчному; тогда не осмысливались мѣрить одной мѣркой небесныя радости съ земными. Въ наиболѣе сильныхъ страстяхъ знали границы, не претендовали на обладаніе вѣчнаго блаженства. Но настало время, когда вѣра колеблется и гаснетъ въ большинствѣ сердецъ; христіанское небо стало недоступнымъ. Эти души ищутъ удовлетворенія въ конечномъ, земномъ. Тогда дѣлается яснымъ ужасное несоотвѣтствіе между удовлетвореніемъ не увеличившимся со временемъ языческой древности и желаніемъ несоразмѣрно выросшимъ съ тѣхъ поръ. Изгнанники не могутъ забыть потерянный рай и ищутъ его на тернистомъ полѣ. *Heures d'histoire*, p. 80, 81.

можно гордиться тѣмъ, что владѣешь и управляешь жизнью. Съ тѣхъ поръ какъ нѣтъ строгаго разграниченія классовъ, люди сравниваютъ свое положеніе и будучи бѣдными страдаютъ. Прежде все исправляла покорность провидѣнію, надежда и вѣра въ Промыселъ Божій, теперь скука охватываетъ эти нижніе слои общества.¹⁾

Погоня за наживой развила невѣроятную жадность къ деньгамъ, ибо деньги только средство, а не цѣль. Но и здѣсь, какъ и во всемъ, проявилась человѣческая глупость. Какъ удовольствоваться простой жизнью, скромнымъ счастьемъ, когда мы видимъ славу, счастье и богатство въ рукахъ другихъ. Деньги же являются подспорьемъ въ нашей лѣности и въ нашемъ истощеніи.

Современная скука, говоримъ мы, имѣетъ въ основѣ отчаяніе: какъ постоянная тупая или острая боль, она требуетъ облегченія; этимъ объясняется распространеніе убійственныхъ наркотическихъ отравъ, наполовину возбуждающихъ, наполовину успокаивающихъ, изъ которыхъ наиболѣе распространенъ алкоголь. — Знать, что алкоголь дѣйствуетъ разрушительно и ведетъ къ преждевременной смерти и въ то же время употреблять его, не есть ли это признакъ отчаянія и скуки? Алкоголь дѣйствуетъ

¹⁾ Найти себѣ дорогу, подвигаться по ней впередъ и достигъ желаемого, такова теперь главная мысль человѣка. До 1789 года такое направленіе не было еще господствующимъ, развилось только наполовину, не успѣло окрѣпнуть, захватить собою всю волю, заполнить все воображеніе, поработать душу; ему не хватало еще свободы и подходящей пищи... Жизнь была заключена въ опредѣленные и болѣе узкія рамки, была болѣе пріятной, а души болѣе спокойныя, менѣе напряженныя, менѣе усталыя, менѣе страждущія и болѣе здоровыя. Taine, *Le Régime moderne*, t. I, p. 311—314.

возбуждающе и хотя его дѣйствіе непродолжительно, но все же онъ преображаетъ нашу жизнь! Онъ зажигаетъ кровь и возбуждаетъ насъ, заставляетъ воображеніе работать; благодаря ему человѣкъ снова дѣлается способнымъ мечтать, строить смѣлыя планы; его магическое дѣйствіе замѣняетъ боговъ, фей, домовыхъ и всю исчезнувшую мифологію. Въ этомъ холодномъ, обдуманномъ опьяненіи ищутъ не радости, но уничтоженія гложущихъ мыслей, временнаго заглушенія скуки¹⁾.

Среди этихъ палліативныхъ средствъ противъ скуки, нѣкоторыя мало распространены, напр. морфій; другія очень употребительны, напр. табакъ. Куреніе развлекаетъ насъ, занимаетъ наши пальцы, наше вниманіе и, что особенно цѣнно, опьяняетъ насъ; кажется, что оно даетъ мысли, и его аромать слегка возбуждаетъ нашу чувственность; оно умѣряетъ нашу горячность, притупляетъ наши безпокойныя желанія. Дымъ является символомъ, это дымка выброшенная на жизнь, сглаживающая жесткіе контуры дѣйствительности.

Въ современныхъ нравахъ все увеличиваются признаки скуки. Скука чувствуется въ нашемъ образѣ жизни, мы отличаемся раздражительностью, много волнуемся, ведемъ неправильную и безумную жизнь. Мы убѣждены, что продолжительнаго счастья не бываетъ, намъ кажется, что однообразная жизнь, исключаящая волненія, противорѣчитъ счастью;

¹⁾ Мы указываемъ на ужасающее увеличеніе потребленія алкоголя какъ на ясный признакъ отчаянія. Бѣдное человѣчество! Если бы Шопенгауеръ былъ живъ, то намель бы въ распространеніи алкоголизма новое основаніе презирать людей.

скука захватывает насъ всюду, она гонитъ насъ изъ нашего дома, изъ города, заставляетъ насъ бросить свое уединеніе. Мы мечтаемъ испробовать всевозможныя способы жизни, сыграть по очереди всѣ роли комедіи, чтобы больше повеселиться. Наши дни похожи своею пестротой на платье арлекина; своей нестройностью на масляничную процессію.

Наше общество очень измѣнчиво. Сегодня оно уже не то, чѣмъ было вчера. Быстро мѣняются моды и обычаи! Всюду царитъ болѣзненное желаніе все видѣть, все испытать. Куда мы идемъ? гдѣ единство нашего сложнаго я, которое такъ подпадаетъ всякимъ вліяніямъ? Гдѣ истина, въ работѣ или удовольствіи? Общество отрицаетъ вѣчное и бѣжитъ за тѣнями вещей.

Всѣ мы скептики, раздражающіеся другъ противъ друга, всѣ защищаемся сарказмами и презрительной ироніей. Кто разсѣитъ наши печальныя мысли? Съ другой стороны надо отмѣтить потребность въ нѣжности, ласкѣ и жалости. Потому мы обратились къ ребенку, поэтичному и прелестному существу и хотимъ овладѣть его сердцемъ. Мы тщательно изучили женщину и потому увеличилось поклоненіе ей. Мы ждемъ отъ нея помощи, успокоенія въ нашихъ страданіяхъ и скорбяхъ. Мы ревностно посвящаемъ себя искусству, считая его высшей формой наслажденія и откровеніемъ ведущимъ въ другой міръ.

Не смотря на все это человѣкъ выходитъ изъ себя. Убожество наше приводитъ насъ въ бѣшенство. Горькая усмѣшка указываетъ на страданіе, она дышетъ холодомъ, сомнѣніемъ, эгоизмомъ и злобой.

Каждый пугается своего одиночества, боится умереть въ неизвѣстности. Люди ни во что болѣе не вѣрятъ и презираютъ человѣчество. Наши шутки и развлечения есть шутки и развлечения больного человѣка.

Современная скука сознательна и сводится къ ужасу передъ жизнью и отражается на внѣшности современнаго человѣка. Преобладающими чертами ея являются особенная склонность къ цинизму, къ разврату, безмѣрное честолюбіе, сатанинская иронія и насмѣшливое отчаяніе ¹⁾.

¹⁾ Александръ Дюма, сынъ, имѣлъ особенно мрачныя мысли въ концѣ своей жизни, онъ писалъ слѣдующее: «Человѣкъ утомленный всѣми нравственными и общественными вопросами, встающими передъ нимъ думаетъ только объ одномъ: бѣжать отъ нихъ, ябуться... Если у него нѣтъ такой великой идеи какъ религія, нѣтъ любви къ наукѣ и искусству, нѣтъ склонности къ благотворительности, словомъ чего нибудь захватывающаго душу, то онъ живетъ безсознательной жизнью изо дня въ день и у него являются низменныя побужденія. Они убьютъ его; но что-же не убиваетъ? Итакъ, иди, играй, развратничай, будь распущеннымъ, пусть винныя пары и табачный дымъ скрываютъ отъ тебя, еще не удалившагося съ шира, таинственные слова предостереженія. Сколько бы ни общалъ священникъ вѣчную жизнь, сколько-бы ни совѣтовалъ философъ отреченіе, маленькій стаканчикъ жгучей жидкости и пакеты горящей травы доставляютъ ему сейчасъ же безъ малѣйшаго усилія все то, что обѣщаетъ первый и совѣтуетъ второй. Если хорошенько присмотрѣться, то увидимъ въ этомъ медленное самоубійство, постоянное, безызвѣстное...»

ГЛАВА XV.

Портретъ скучающаго человѣка.

Здѣсь мѣсто отмѣтить общія черты скучающаго человѣка.

Какъ типичнаго скучающаго, назовемъ прежде всего человѣка истощеннаго (продолжительная и неустранимая скука, имѣющая причиной неизлечимое разстройство организма); нерѣдко одинъ видъ его говорить за это: неподвижныя черты лица, усталая походка и видъ привидѣнія или человѣка чуждаго всему окружающему, одинокаго среди людей¹⁾. Онъ ни въ чемъ не принимаетъ участія; онъ

¹⁾ Сентъ-Бевъ говоритъ о Бенжаменѣ Констанѣ: «Никто.... не подходилъ такъ подъ понятіе истощеннаго человѣка, какъ Бенжаменъ Констанъ. Я до сихъ поръ ясно представляю его себѣ, какимъ онъ былъ въ послѣдніе дни реставраціи, съ тонкимъ, худымъ, старческимъ лицомъ, съ длинными, небрежно висящими волосами, со стройной фигурой и медленной походкой и изнуреннымъ видомъ. Бенжаменъ Констанъ, незадолго до смерти выглядѣлъ утомленнымъ и истощеннымъ, почти умирающимъ и оживалъ только послѣ встряски». — Беранже съ своей стороны, говоритъ: «Констанъ, такъ изнуренъ, что ему нуженъ кто нибудь, кто возбуждалъ-бы его и я говорилъ ему, что въ старости, когда онъ не будетъ въ состояніи покинуть свое кресло у камина, ему чтобы встряхнуться

слишкомъ разочарованъ и, кромѣ того, онъ большой скептикъ для того, чтобы принимать участіе въ чужихъ радостяхъ и печаляхъ. Онъ знаетъ, что неспособенъ ни къ какой страсти, что его силы ушли и его личность медленно теряетъ свои характерныя черты; съ этого времени онъ — «никто», онъ становится безличнымъ анонимомъ, не имѣетъ никакой цѣли, словомъ онъ такъ измѣнился, что его трудно узнать. Всѣ вещи для него безразличны, для него нѣтъ ничего дорогаго, а благодаря своей сердечной пустотѣ, онъ считаетъ все ничего нестоящимъ и смотреть на міръ свысока и съ презрѣніемъ.

Скучающій человѣкъ одержимъ мыслью о ничтожествѣ всего. Онъ испыталъ крушеніе всего, знаетъ, что бываютъ бесполезны какъ усилія, такъ и сами побѣды; онъ понемногу выходитъ изъ жизни и теряетъ интересъ къ тому, что съ нимъ случается. И съ этихъ поръ видъ дѣловыхъ людей, шумъ большихъ горо-

придется стучаться головой о мраморъ камина. Онъ признался, что дѣйствительно это только и остается. *Nouveaux lundis*, t. I, p. 428—436

Вотъ что извѣстно о наружномъ видѣ Шатобриана: «...Спусти много, много времени, мнѣ пришлось увидѣть Шатобриана. Ахъ, какъ мало похожъ онъ на то, что я себѣ представлялъ!.... Онъ шелъ согнувшись, его прямыя плечи слишкомъ выдавались, голова была склонена, руки опущены, какъ бы отъ нестерпимой усталости. Если бы мнѣ нужно было нарисовать скуку, я не выбралъ бы другой фигуры». *Maxime Du Camp, Souvenirs littéraires*, t. I, p. 65; Paris, Hachette 1892.

Наружный видъ Мюссе былъ настолько-же прискорбный. Никоръ, посѣтивъ его, говоритъ: «Онъ взглянулъ на меня удивленно и разсѣянно и улыбнулся одной изъ тѣхъ улыбокъ, которыя являются только на однѣхъ губахъ, не освѣщая лица... Казалось, что физически, также какъ и нравственно, онъ потерялъ всякую выразительность». *Desiré Nisard, Souvenirs et notes biographiques*, t. I, p. 403; Paris, Calmann Lévy, 1888.

довъ и картина борьбы честолюбій вызываютъ у него своего рода отвращеніе и непріятное чувство. Онъ думаетъ, глядя на нихъ, когда же наконецъ всѣ образумятся? Его скука является продуктомъ разочарованія и анализа; она открыла ему глаза: онъ ясно видитъ, какъ пусты мечты и увлеченія людей, видитъ ихъ слѣпоту и ошибки. Онъ хочетъ быть мудрымъ и вооружается непоколебимымъ скептицизмомъ; всѣ его поступки имѣютъ въ виду вѣрную выгоду; онъ беспокоится только о необходимости и неизбѣжномъ; онъ знаетъ то отвращеніе и тотъ стыдъ, которые испытываютъ люди поддающіеся искушеніямъ; онъ увѣренъ, что найдетъ спасеніе въ своемъ безразличіи¹⁾.

Скучающій человѣкъ любитъ иронизировать. Онъ ни къ чему не относится серьезно, считая все въ мірѣ ничтожнымъ. Разъ конечная цѣль міра не известна, то всѣ человѣческія дѣйствія не имѣютъ смысла, во всемъ звучитъ внутренняя пустота. Въ дѣйствительности все сводится къ ничтожеству и забавно наблюдать людей въ ихъ шутовскихъ роляхъ. Счастье не существуетъ; люди, тратящіе силы въ поискахъ счастья, кажутся ему достойными смѣха. Общество похоже на маслянистое представленіе, гдѣ разыгрываютъ ссоры, изображаютъ радость и дѣлаютъ праздничныя мины. Онъ разоблачаетъ этотъ плохой маскарадъ, всюду открываетъ смѣшную сторону и неестественность. Такое же впечатлѣніе производятъ на него священнодѣйствія и церемоніи. Все это лицемѣріе сердитъ его; съ его губъ

¹⁾ Leopardi: Il mar, la terra e il ciel miro et sorrido.

срываются злые, умныя слова, тонкія остроты и сарказмы, это возбуждаетъ его и отвлекаетъ отъ скуки.

У скучающаго человѣка есть потребность забыться. Для него жизнь тяжела какъ барщина, онъ изнемогаетъ отъ ужаснаго отвращенія; у него нѣтъ мужества для обыденнаго труда и всякая обязанность раздражаетъ его: у него будутъ своеобразныя утѣхи. Онъ любитъ показное презрѣніе, злые рѣчи, возбуждающія насмѣшки; онъ постоянно насмѣхается, вслѣдствіе своей скрытой злобы. Чтобы имѣть силы для жизни, ему нужно избавиться отъ оцѣненія и потому у него являются безпричинно и неожиданно легкомысленные порывы, онъ затѣваетъ веселыя продѣлки, мистификаціи и шутки; его умъ сдѣлался беспорядочнымъ, мысли причудливыми и случайными, является склонность къ сумасшествію; онъ избѣгаетъ разговора, прикрываясь чудачествомъ, серьезное занятіе прерываетъ мальчишескими выходками. Онъ старается укрыться самъ отъ себя прикрываясь гаерствомъ, ища глупыхъ приключеній; онъ ищетъ опьяненія, хочетъ забыться въ наслажденіи и въ развратѣ.

Скучающій человѣкъ разочарованъ. Онъ вышелъ изъ жизни толпы, автоматичной, безсознательной, наивной и полной иллюзій; онъ слишкомъ далеко зашелъ въ разочарованіи, его усталость слишкомъ очевидна для того, чтобы могла явиться у него дружба или любовь; у него такое чувство, какъ будто онъ отжилъ, умираетъ и его жизнь безнадежна. У него презрительный, вызывающій или оскорбительный тонъ; все его сердитъ, онъ все не-

навидить. На всемъ его существѣ лежитъ печать ужаснаго унынія; ему противны и свои воспомина- нія и свой собственный видъ. Свой гнѣвъ и же- ланіе все разрушить онъ обращаетъ на самого себя; у него является любовь къ опасности. Какъ хваст- ливый и дерзкій игрокъ, онъ готовъ ради шутки убить себя; вѣтъ положенія, которое не стало-бы скоро для него невыносимымъ и потому онъ ищетъ забвенія въ убійственныхъ излишествахъ.

Есть два противоположныхъ типа скучающихъ людей. Во первыхъ, человѣкъ возбужденный, вѣ- рящій въ новое, ожидающій отъ жизни чудесъ; все, что похоже на дѣйствительность, приводитъ его въ ужасъ; онъ влюбленъ въ призраки, увлеченъ будущимъ, неизвѣстнымъ, невозможнымъ, мечтами. Его собственная фантазія внушаетъ ему еще большия отвращенія; онъ перестаетъ управлять своимъ во- ображеніемъ и, какъ бы въ припадкѣ сумасшествія, перестаетъ слушаться разума. — Во вторыхъ, чело- вѣкъ отрѣшившійся отъ всего. Онъ отказывается отъ дѣятельности, не находя въ этомъ смысла, от- казывается отъ всякихъ желаній и волненій. Един- ственно, что его занимаетъ, это скука лежащая въ основѣ всѣхъ вещей. Онъ защищаетъ отъ своего страданія: люди и ихъ глупость—вотъ его враги; его слова, какъ обнаженные шпаги, держатъ всѣхъ на почтительномъ разстояніи; всѣ его поступки указываютъ на ужасную душевную сухость, манеры его циничны, онъ ничего ни отъ кого не ждетъ, онъ предвидитъ, что ничто не можетъ его заинте- ресовать; смотря на міръ какъ на грубый обманъ, на людей какъ на несчастныхъ неудачниковъ, онъ

радуется своей пронизательности и находитъ счастье въ своемъ нигилизмѣ¹⁾.

Скучающій человѣкъ — интересный человѣкъ, ибо онъ испыталъ разныя чувства и дѣятельности. Его скука есть усталость отъ пресыщенія, отрече- ніе послѣ кутежа, или опытность бывалаго человѣка; онъ умѣетъ играть жизнью, смѣяться надъ нею, указать ея хитрости; попробуйте приблизиться къ нему, овладѣть его довѣріемъ—вы увидите его скры- тую иронию: какой тонкій критикъ! какой немоло- сердный изслѣдователь! это свободный, плѣнитель- ный своею смѣлостью умъ, съ которымъ можно осмѣлиться на всё. Вполнѣ ли кончилъ онъ сно- шенія съ міромъ? И всегда ли онъ нечувствите- ленъ къ искушеніямъ? Эти вопросы приходятъ на умъ, глядя на него. Понаблюдайте его, вы увидите странную борьбу между усталостью и желаніемъ. Не скрываются-ли за этимъ оцѣпенѣніемъ силы? У него есть внезапные порывы и неожиданная сла- бость; его раздвоенная, противурѣчивая душа, не похожа на его внѣшность; безпокойный, непрони- цаемый, благодаря своей загадочности онъ пред- ставляется интереснымъ и привлекательнымъ²⁾.

Скучающій человѣкъ не боится смерти. Онъ не

¹⁾ Леонарди пишетъ въ одномъ письмѣ къ Джіордани: «Я ра- дуюсь все болѣе и болѣе, убѣждаясь въ ничтожествѣ людей и ве- щей; я испытываю холодный ужасъ при изслѣдованіи проклятыхъ и ужасныхъ тайнъ жизни».

²⁾ Случается, что скучающій человѣкъ легко мирится со своей скукой. Шатобрианъ говоритъ: «Лучше ужъ покориться, запастись терпѣніемъ и спокойствіемъ духа, если не находишь ни въ чемъ удовольствія, находишь все скучнымъ, и на счастье и на несчастье отвѣчаешь слѣдующими полными отчаянія словами: «Какое мнѣ до этого дѣло?» *Mémoires d'Outre-tombe*.

призываетъ ее такъ, какъ тотъ, кто сильно страдаетъ, но и не чувствуетъ ужаса передъ нею и не отворачивается отъ нея, какъ тотъ, кто наслаждается жизнью; онъ ждётъ ее, смотритъ ей въ лицо съ ироническимъ безразличіемъ. Такъ какъ у него нѣтъ больше надеждъ, такъ какъ ему все надоѣло до отворачиванія и онъ усталъ до того, что готовъ упасть, то можетъ ли смерть быть страшной для него? Онъ очень часто говорилъ себѣ, что съ наслажденіемъ застрѣлился бы, смерть кажется ему пріятной; онъ чувствуетъ ея горькую сладость; она для него не загадка, не ужасъ, но вѣрный отдыхъ, удовольствіе удалиться изъ міра; онъ умираетъ съ явной радостью, съ удовольствіемъ, въ которыхъ заключается обида на міръ и высшее удовлетвореніе.

ГЛАВА XVI.

Скука въ литературѣ.

Скука отразилась въ литературѣ только въ новое время и первыя признаки ея относятся къ восемнадцатому вѣку. Когда скука изъ неяснаго, безсознательнаго безпокойства сдѣлалась интенсивной до болѣзненности, то вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалась и сознательной. Хотя человѣкъ всегда жаловался на свое несчастное положеніе, но все же онъ не впадалъ въ полное отчаяніе. Ему рано пришлось узнать, что жизнь недолговѣчна, что зло часто торжествуетъ, что въ жизни всѣмъ приходится терпѣть непріят-

ности. Пессимизмъ представляетъ собою систематизацію нашихъ жалобъ; въ немъ выраженъ взглядъ на жизнь; въ пессимизмѣ, если оставить въ сторонѣ его крайности, можно найти любовь къ дѣятельности и надежду на лучшее будущее ¹⁾.

Скука бываетъ различна по своему характеру. Ея причины лежатъ въ нашей личности, въ чувствительности субъекта; такъ какъ ея главнымъ основаніемъ является истощеніе и мысль о ничтожности всего, то она не допускаетъ возвращенія къ иллюзіямъ и ведетъ къ неизлѣчиму унынію. Это болѣзнь индивидуальная, слѣдствіе усталости и отчаянія. Это аристократическая болѣзнь, она развивается у людей съ тонко развитымъ умомъ; въ свое время она отразилась въ литературѣ: обратившись къ своему внутреннему міру, къ своему «я» человѣкъ ужаснулся своей душевной пустотѣ.

Романтизмъ, родившійся съ Руссо и Шатобрианомъ, освобождаетъ «я», революція освобождаетъ индивидуальность; восемнадцатый вѣкъ сваливаетъ въ кучу и отрицаніе и остатки прежняго, указываетъ на потребность счастья. Г-жа du Deffand вся пропитанная невѣріемъ и отчаяніемъ, анализируетъ съ жестокой точностью свое мученіе — скуку. Вскорѣ мыслители и поэты наперерывъ указываютъ на зло охватывающее состарившееся человѣчество.

Гете укажетъ на недостатки наукъ, тоску духа передъ загадкой творенія (Фаустъ) и столкновеніе свободной личности съ социальными условіями дѣй-

¹⁾ См. Брунетьера: «La philosophie de Schopenhauer et les conséquences du pessimisme». *Essais sur la littérature contemporaine*. 1892.

ствительности (Вертеръ). Шатобрианъ въ Рене говоритъ о силѣ, неистовствѣ и безконечной печали своего желанія. Байронъ и Мюссе передаютъ въ страстныхъ пѣсняхъ, похожихъ на рыданія, скорбь сердецъ и смертельное истощеніе отъ желанія.

Что же произошло? Человѣкъ изслѣдовалъ глубину вещей и понялъ ихъ печальный механизмъ. Богъ и сопровождающее его очарованіе исчезли; эгоизмъ cadaго сталъ явнымъ; провозглашено божественнымъ право страсти и наслажденія; вѣчное мы свели съ неба на землю, требуемъ счастья отъ существъ, трепещущихъ въ нашихъ объятіяхъ, счастья, котораго прежде ждали отъ вѣчнаго. Но желанія обманываютъ насъ, а силы измѣняютъ намъ; наша гордость въ одинъ прекрасный день сламывается: наши безсильныя стремленія погибаютъ подъ вліяніемъ скуки.

Послѣ лирическихъ произведеній, въ которыхъ обнажалось сердце, послѣ Исповѣдей и Воспоминаній, въ которыхъ изслѣдовалось неизмѣрно выросшее «я» и которыя открываютъ съ тщеславной откровенностью болѣе или менѣе глубокія волненія души, въ романѣ въ безличной формѣ проявилась скука. Романъ восемнадцатаго вѣка, слѣдуя за наукой, сдѣлался болѣе реальнымъ; изслѣдуя дѣйствительность, онъ нашелъ ее достойной презрѣнія и взялъ своей задачей осмѣять обманчивую жизнь, показать ея мерзость и утомительную бесполезность. Такъ дѣло идетъ у Флобера и у Мопассана, гдѣ скука прямо выставлена на видъ и принимаетъ форму хлесткой проны скептическаго презрѣнія. — Реальный романъ хочетъ быть вполне правдивымъ. Онъ во множествѣ

вывелъ на свѣтъ людей истощенныхъ, глупыхъ, жалкихъ, не могущихъ вынести тяжести постигшей ихъ участи. Въ романѣ нѣтъ мѣста идеалу и рисуется жизнь некрасивою, отвратительной, безсмысленной и глупой. Философія или главная, воодушевляющая идея романа въ томъ, что все сводится къ суетѣ суетъ и скукѣ ¹⁾.

Сказавъ это, и согласившись съ тѣмъ, что вліяніе скуки, отмѣченное въ новѣйшихъ произведеніяхъ, надо признать очень широкимъ, слѣдуетъ замѣтить, что описываемое зло занимаетъ въ литературѣ далеко не такое же значительное мѣсто, какъ въ обыденной жизни. Причина этого въ томъ, что скука сама по себѣ есть чувство, лишенное разнообразія, похожее поэтому на физическую боль: изъ нея нельзя извлечь дѣйствія, что видно изъ нашего перваго опредѣленія скуки, какъ отвращенія къ дѣйствію; она не способна къ различнымъ безконечнымъ и разнообразнымъ воплощеніямъ, какъ напр. любовь; ея наиболѣе выдающіеся признаки дѣлаютъ сходными характеры, отмѣченные ею. Съ другой стороны литература, имѣющая цѣлью забавлять насъ, покорить наше воображеніе, представляетъ собою не вполне вѣрное зеркало дѣйствительности; она только толкователь ея и произведенія искусства имѣютъ свои законы. Возможно, что скука, часто скрытая, представляющая амальгаму, можетъ быть открыта только помощью терпѣливаго анализа моралистовъ и мыслителей.

Вотъ почему мы хотимъ остановиться здѣсь на

¹⁾ Эта идея является главной идеей русскаго романа.

знаменитомъ и мало читанномъ и забытомъ произведеніи, предметомъ котораго является одна скука: мы хотимъ поговорить объ *Оберманнѣ* Сенанкура.

Оберманнъ появился въ 1804 году, но эта книга нашла читателей и цѣнителей только приблизительно около 1830 года, когда зло вѣка затронуло многіе умы, изслѣдовавшіе вопросъ о глубинѣ потерь чело-вѣческаго духа, которыя онъ понесъ со временъ исчезновенія стараго порядка вещей. Жалкій герой, изливающийъ въ этихъ, почти автобіографическихъ страницахъ свои безконечныя жалобы, говорить о событіяхъ меньше, чѣмъ о самомъ себѣ. Его жалобныя стоны комментируютъ изреченіе Ларошфуко: «Слабость есть единственное зло, которое нельзя исправить». Скука Оберманна имѣетъ источникомъ радикальный фізіологическій недостатокъ, плохое сложеніе ¹⁾. Дѣло идетъ объ органической, непоправимой слабости, обрекающей его на незавидное, уродливое существованіе: Оберманнъ не можетъ требовать себѣ яркой и полной жизни; онъ не можетъ наслаждаться своей внутренней жизнью, не принимаетъ участіе въ общественной дѣятельности. Дѣйствительно изъ его способностей трудно извлечь пользу, его повышенная чувствительность и горячее воображеніе заставляютъ его всѣмъ существомъ стремиться къ счастью и жаждаютъ гармоніи въ жизни. Интересъ книги заключается въ постоянной борьбѣ между сознаваемымъ безсиліемъ и побужденіями, стихающими только послѣ неудачи. Мучительная

¹⁾ Оберманнъ былъ бы поставленъ теперь въ ряды невравствениковъ. Это незаконченная, невѣрная натура, слабость которой неизлечима.

дилемма сотни разъ обдумана и тонко психологически изслѣдована, но въ заключеніе всегда получается возвращеніе къ скукѣ, которая является здѣсь скорѣе покорностью, чѣмъ отчаяніемъ.

Съ первыхъ же строкъ, гдѣ Оберманнъ анализируетъ себя, онъ ясно показываетъ свое непреодолимое отвращеніе къ дѣятельной жизни: «Хотѣли, чтобы я занялся тѣмъ, что я не могу хорошо выполнить, чтобы я могъ быть въ этомъ дѣлѣ полезнымъ, чтобы я употребилъ свои способности на то, что по существу противно моей натурѣ. Нужно ли было примѣняться, чтобы ненадолго угодить, и такимъ образомъ обмануть родственника, увѣривъ его, что я берусь на будущее время за то, что я на самомъ дѣлѣ началъ съ желаніемъ кончить и нужно ли было жить въ такомъ жестокомъ состояніи съ постояннымъ отвращеніемъ? Пусть пойметъ онъ мое безсиліе его удовлетворить, пусть онъ извинитъ меня.... Я не могъ отказаться быть человѣкомъ, чтобы стать дѣльцомъ».

Онъ меньше, чѣмъ кто-либо другой, стремится имѣть общественную должность; у него настолько хрупкое сложеніе, что оно дѣлаетъ его неувѣреннымъ въ выполненіи обязанностей и несеніи тягостей; кромѣ того онъ человѣкъ, нѣжно чувствующій, надѣленный къ своему несчастью, почти болѣзненной чувствительностью, которая не желаетъ мириться ни съ общественными условіями, ни со строгимъ формализмомъ профессіи: «Я спрашивалъ себя, я принималъ во вниманіе окружающее меня, освѣдомлялся у людей, такъ ли они чувствуютъ какъ я; я спрашивалъ, соотвѣтствуютъ ли вещи моимъ склон-

ностямъ, и увидѣлъ, что не было согласія ни между мною и обществомъ, ни между моими потребностями, ни тѣмъ, что оно даетъ».

Онъ хорошо чувствуетъ, что его неспособность жить имѣетъ глубокія причины, на которыя не можетъ вліять воля: «Я послѣдовательно предоставлялъ моему сердцу то, чего доискиваются люди. Я хотѣлъ даже помощью воображенія сдѣлать болѣе прекрасными страсть и ту призрачную цѣль, которой они посвѣщаютъ свою жизнь. Я хотѣлъ сдѣлать это и не могъ. Почему земля въ моихъ глазахъ не имѣетъ очарованія? Я совсѣмъ не знаю пресыщенія и всюду нахожу пустоту».

Онъ связываетъ свою вялость съ раннимъ истощеніемъ: «Вы знаете, къ несчастью я не могу быть молодымъ; вѣроятно продолжительная скука моихъ первыхъ дней сдѣлала соблазнъ невозможнымъ. На меня не дѣйствуетъ блестящая внѣшность..... Мое сердце, усталое еще отъ пыла одного бесполезнаго года, уже увяло, высохло, какъ-будто оно истощено отъ старости. Я погасъ, но не успокоился. Есть люди, которые наслаждаются своими скорбями, но для меня все прошло; у меня нѣтъ ни радости, ни надежды, ни покоя; мнѣ ничего не остается; у меня нѣтъ больше слезъ».

Его счастье будетъ вполне внутреннимъ: онъ найдетъ счастье въ знаніи самаго себя. «Преслѣдуемый въ печальномъ покоѣ, въ моей обычной апатіи, принужденный быть чѣмъ-нибудь, я сдѣлался, наконецъ, самимъ сабою..... Я сказалъ себѣ: Дѣйствительная жизнь человѣка въ немъ самомъ, та, что приходитъ извнѣ, случайна и подначальна.... Изучать

себя можно независимо отъ вещей и тогда, когда молчать страсти. Я удалюсь въ эти спокойныя горы, поразившія меня въ дѣтствѣ своимъ видомъ.....»

Но такая жизнь, представляющая собой только глухую покорность передъ несчастьями судьбы, очень печальна. «Я зналъ энтузіазмъ добродѣтели; въ странномъ заблужденіи я думалъ замѣнить всѣ двигатели общественной жизни этимъ призрачнымъ двигателемъ..... Заблужденіе продолжалось во всей силѣ въ продолженіе мѣсяца и его разсѣяла простая случайность. Тогда, при потерѣ послѣдняго очарованія, мысль о безцвѣтной и скоротечной жизни наполнила мою душу горечью.... Что за существованіе, когда въ немъ остаются страданія, а удовольствія уже исчезли! Можетъ быть, мнѣ будутъ даны нѣсколько тихихъ дней; но не будетъ больше очарованія, опьяненія, никогда ни одной минуты чистой радости; никогда! а мнѣ нѣтъ еще и двадцати одного года! и я родился чувствительнымъ и пылкимъ! Я никогда не наслаждался!»

Однако у него были наслажденія, внезапные порывы, экстазы воображенія и чувствительности, «Въ одну достопамятную ночь я испыталъ невыразимую нѣжность, очарованіе и безпокойство тщеславнаго возраста, и бесполезное сознаніе своей несносной и непроницаемой натуры, и страсть, и преждевременную мудрость, и наслажденіе, всѣ стремленія и страданія человѣческаго сердца, все это я испыталъ и испробовалъ. Я сдѣлалъ злополучный шагъ къ годамъ безсилія; я уничтожилъ десять лѣтъ моей жизни».

Онъ не можетъ выдержать такой горячности,

онъ созданъ для того, чтобы мечтать о жизни, а не принимать въ ней участіе; заключившись въ свое безсиліе, онъ смотритъ на волненіе живущихъ, какъ заключенный смотритъ на міръ черезъ желѣзныя рѣшетки тюрьмы: «Теплыя страны, прекрасныя мѣста, ночные небеса, таинственные звуки, старыя воспоминанія, досугъ и случай, прекрасная природа, выразительныя, высокія чувства, все прошло передо мною, все меня зоветъ и покидаетъ меня. Я одинокъ, я ни съ кѣмъ не дѣлилъ своихъ чувствъ, они живутъ въ сердцѣ и ждутъ: и вотъ я въ свѣтѣ блуждающій, одинокій среди чуждой мнѣ толпы, какъ человѣкъ, давно пораженный глухотою, съ жаднымъ взоромъ, устремленнымъ на всѣ эти нѣмыя лица, проходящія и волнующіяся передъ нимъ. Онъ все видитъ, но ему во всемъ отказано: онъ угадываетъ любимые звуки, онъ ищетъ ихъ и не находитъ; онъ страдаетъ отъ молчанія всѣхъ вещей среди мірскаго шума.... Все напрасно существуетъ передъ нимъ, онъ живетъ одиноко, отсутствуетъ въ мірѣ живыхъ».

По временамъ скука держитъ его въ тяжеломъ и горячемъ волненіи: «Раннимъ утромъ я иду въ лѣсъ, вижу солнце восходящимъ для прекраснаго дня, я хожу среди сырого еще папоротника между кустами терновника..... Мысль, что счастье было возможно, сильно волнуетъ меня и давитъ. Я поднимаюсь въ гору, спускаюсь, иду какъ наслаждающійся человѣкъ; затѣмъ слѣдуетъ вздохъ, досада и весь день испорченъ». И еще: «Во мнѣ есть разстройство, родъ бреда, это не страсть, но и не безуміе: это грустное волненіе и

несогласіе между мною и окружающимъ; это безпокойство, замѣнившее желанія, вслѣдствіе давно сдерживаемыхъ потребностей».

Онъ получилъ свое зло вмѣстѣ съ жизнью; меланхолія лежитъ въ глубинѣ его существа. «Послѣ кизарменно проведеннаго, бездѣтельнаго и скучнаго дѣтства, если я чувствовалъ себя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ взрослымъ, во многихъ другихъ я былъ ребенкомъ. Я былъ смущающійся, неувѣренный, предчувствующій, можетъ быть многое, но ничего не знающій, посторонній всему окружающему; я постоянно чувствовалъ себя безпокойнымъ и несчастнымъ.... Я скучалъ среди веселья и возвращался всегда печальнымъ».

Далѣе онъ жалуется болѣе опредѣленно: «Всегда ожидать и ни на что не надѣяться; вѣчное безпокойство, безпредметное волненіе, но безъ желаній, цѣлыя часы пустоты; разговоры, служащіе только къ тому, чтобы говорить пустыя слова, и избѣгать говорить о вещахъ; ѣда, гдѣ ѣдятъ изъ-за скуки; скучныя поѣздки за городъ, которыхъ не желалъ вовсе и конца которыхъ только и ждешь; друзья безъ дружбы, удовольствія на показъ; смѣхъ для удовлетворенія тѣхъ, кто зѣваетъ, какъ и вы, и ни разу чувства радости въ продолженіе двухъ лѣтъ!»

Онъ обдумываетъ самоубійство и иногда его скука переходитъ въ гнѣвъ; міръ представляется ему непонятно ужаснымъ, общество лживымъ и тщеславнымъ; онъ пробуетъ возбуждательныя средства (вино, чай), чтобы оправдать это ужасное состояніе. Съ годами его скука утихаетъ; онъ будетъ жить изъ-за любопытства и по привычкѣ; онъ не зоветъ

и не боится смерти, онъ съумѣетъ всегда скрашивать время: «Говорю вамъ, я очень измѣнился. Я вспоминаю, что жизнь вызывала во мнѣ нетерпѣніе, и былъ моментъ, когда я ее переносилъ какъ зло, которое осталось терпѣть недолше нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Но теперь это воспоминаніе мнѣ кажется чѣмъ-то чуждымъ... Я совсѣмъ не вижу причины, какъ для того, чтобы покинуть міръ, такъ и для того, чтобы оставаться жить. Я утомленъ; но при моей усталости, я нахожу недурнымъ отдохновеніе. Жизнь падоѣдаетъ и забавляетъ меня. Прийти въ міръ, вырасти, надѣлать много шуму, о всемъ безпокоиться, измѣрять орбиты кометъ и черезъ нѣсколько времени лечь на кладбищѣ, это мнѣ кажется настолько забавнымъ, что стоитъ посмотреть до конца... Я проведу на землѣ еще нѣсколько часовъ. Мы бѣдные ненасытны при жизни, но какъ ничтожны мы, когда насъ нѣтъ! Кромѣ того всегда есть дѣла требующія окончанія: теперь у меня есть большое дѣло, я хочу измѣрить, сколько воды упадетъ здѣсь въ продолженіе десяти лѣтъ...»

Этихъ цитатъ достаточно, чтобы показать интересъ этой единственной въ своемъ родѣ книги и дать общій набросокъ ея героя. Оберманъ есть несравненный представитель абсолютной и неизлечимой скуки, основанной на сознаваемомъ безсиліи и чувствѣ всеобщаго ничтожества. Въ литературѣ нѣтъ другой личности для сравненія съ нимъ, а если поискать въ дѣйствительности подобную личность, то мы назовемъ Леопарди. Итальянскій поэтъ, жертва ужасной судьбы, жалуется съ такой же силой отчаянія; онъ утверждаетъ, что всюду царитъ

несчастье и скука, и ясно доказываетъ, что секретъ міра заключается въ его ничтожествѣ.

ГЛАВА XVII.

Средства отъ скуки.

Важно побѣдить скуку и не дать ей одолѣть насъ. Скука есть страданіе, парализъ нашихъ способностей, вредная слабость, сердечный холодъ: жить въ скукѣ, значитъ чувствовать себя замерзшимъ, угасшимъ, не быть въ состояніи выполнить серьезное дѣло; какъ же побѣдить скуку?

Средство отъ скуки можетъ быть выражено въ одномъ словѣ: счастье. Но всегда было неосторожно говорить о счастьѣ, вещи далекой и неопредѣлимой: жгучій вопросъ для каждаго человѣка въ отдѣльности, гдѣ удача дѣло личное. Мы удовольствуемся въ этомъ вопросѣ общими указаніями, затѣмъ мы вкратцѣ напомнимъ главныя категоріи скуки.

Скука прежде всего есть жизненный фактъ: она связана съ органической усталостью. Больная душа, анализируя себѣ, чувствуетъ неудовлетворительность жизни, констатируетъ свое ничтожество. Въ этомъ видѣ скука имѣетъ основаніе, она законна, противъ этого ничего не найдется сказать. Скука происходитъ также отъ чувства однообразія и медлительности жизни, она указываетъ на явные и необходимые повторенія, и въ этомъ случаѣ трудно что-нибудь сказать противъ нея. Шопенгауеръ хочетъ,

чтобы молодых людей предохраняли отъ иллюзій, отъ увѣренности, что «въ мірѣ можно найти что-то важное».

Скука, такъ опредѣляемая, явленіе метафизическаго характера и найдется немного людей, страдающихъ ею, способныхъ понимать ее въ этой формѣ, представляющей собою квинтъ-эссенцію скуки. Будемъ знать, что надо отдать ей должное и не возмущаться напрасно противъ неизбежнаго.

Разъ сдѣланы эти уступки злу, составляющему часть нашего существа, мы должны предвидѣть, предупредить все то, что усиливаетъ ея власть надъ нами.

Въ борьбѣ со скукой имѣетъ важное значеніе скромное и трудное искусство жить и за недостаткомъ его — школа жизни.

Первымъ и основнымъ правиломъ искусства жить есть знаніе самого себя¹⁾. Тотъ, кто знаетъ себя, не будетъ игрушкой тщетныхъ желаній или жертвой убійственныхъ ошибокъ; онъ принимаетъ себя такимъ, какъ онъ есть, и бодро подчиняется судьбѣ.

Искусство жить требуетъ, чтобы мы были согласны съ жизнью, чтобы вполнѣ понимали ее. Мы должны развить насколько можно наши способности. Умъ самъ по себѣ много значить: онъ даетъ возможность избѣжать скуки, даетъ чедовѣку высшее счастье — пониманіе міра и наслажденіе имъ.

Можетъ ли жизнь идти безъ любви? Повиди-

¹⁾ Знаніе самого себя требуетъ большой умственной работы и есть шансы умереть раньше, чѣмъ придетъ къ этому. Люди руководствуются инстинктомъ.

мому это невозможно. Эгоизмъ ошибается въ разсчетѣ и прежде всего никто его и не придерживается. Люди, хотя и съ опаской, но все-таки хотятъ любить и быть любимыми. Будемъ жить чувствами и будемъ снисходительны. «Дорогія существа» также обманываютъ, какъ и все остальное; но что не обманчиво въ этомъ мірѣ, гдѣ все мимолетно? По крайней мѣрѣ, живя въ другомъ, выходятъ изъ своего я, расширяютъ свою душу и отстраняютъ скуку.

Можно побѣдить скуку, повинувшись долгу, служа идеалу. Въ этомъ всегда была основательная причина, чтобы служить идеалу. Интересуясь идеями, слѣдя за общимъ теченіемъ жизни, выходятъ изъ прѣдственной личной судьбы, поднимаются надъ неприятностями ежедневной работы.

Больше того, эти средства и палліативы противъ скуки могутъ быть указаны различнымъ образомъ. «Скука, говоритъ Альфредъ де-Виньи, есть болѣзнь жизни; чтобы вылечить ее, достаточно многого: любить и желать. И въ большинствѣ случаевъ этого и недостаетъ. И однако, достаточно любить что-нибудь, все равно что, или желать постоянно какого-нибудь событія, чтобы имѣть желаніе прожить хотя-бы нѣсколько лѣтъ». Г-жа Свѣчина пишетъ: «Я часто думаю, что сердце никогда не скучаетъ; два героя скуки Шатобріана и Бен-жамена Констан подали мнѣ вѣрную мысль, что не въ умѣ спасеніе отъ этого зла».

Перейдемъ къ различнымъ категоріямъ скуки, чтобы можно было указать средства для множества сложныхъ случаевъ.

Особенно занимает насъ скука отъ истощенія. Средство отъ настоящаго истощенія есть отдыхъ. Когда истощеніе не достигло крайней силы, то требуется лишь перемѣна занятій или обстановки. Это касается тѣхъ людей, которые скучаютъ отъ слишкомъ узкой жизни, или отъ одностороннихъ занятій. Они переходятъ къ другимъ занятіямъ противоположнаго характера. Тогда происходятъ неожиданныя превращенія, открываются новые характеры. Философъ, знавшій только логику, да абстрактное, вдругъ покидаетъ эти сѣрыя пустыни и входитъ въ иную жизнь, начиная писать Апокалипсисы и поэмы; чувственникъ, потерявъ возможность жить попрежнему, дѣлается сантиментальнымъ мечтателемъ; любовникъ идеалистъ отрицаетъ исключительность любви и открываетъ цѣлый міръ женщинъ. Г-жа du Deffand, героиня скуки, слѣлавшись старой, не нашла ли въ своемъ вѣтхомъ сердцѣ романтическое и почти безумное чувство? «Кто могъ бы повѣрить, говоритъ Шереръ въ приведенномъ уже отрывкѣ, кто могъ бы подумать? въ сердцѣ этой впадавшей въ отчаяніе, высохшей, семидесятилѣтней мизантропки мы видимъ въ ея послѣдніе дни внезапный расцвѣтъ романтическаго чувства».

Для чего привели мы эти примѣры? Мы хотѣли сказать, что умъ имѣетъ скрытыя силы и неожиданныя проявленія этихъ силъ и что его истощеніе, какимъ бы глубокимъ ни казалось, иногда бываетъ поправимо.

Перейдемъ къ скукѣ отъ монотонности и вспомнимъ, какое значительное мѣсто занимаетъ одно-

образіе въ нашемъ существованіи. Однообразіе необходимо, имѣетъ свои права, свою прелесть и очарованіе для людей, привыкшихъ къ опредѣленному образу жизни, къ опредѣленной обстановкѣ, къ одной какой-нибудь мѣстности; однообразіе избраннаго образа жизни составляетъ одно изъ условій счастья. Шатобрианъ заставляетъ Рене сказать слѣдующее: «Я чувствую, что люблю въ жизни однообразіе чувствъ и, если бы у меня было еще безуміе вѣрить въ счастье, я сталъ бы его искать въ привычкѣ». «Для большинства людей, пишетъ Шереръ, въ однообразіи заключается скука, то есть наибольшее изъ несчастій. Для счастливаго человека однообразіе ничто иное, какъ продолженіе того же счастья». Шопенгауеръ говоритъ намъ. «Чѣмъ уже нашъ кругозоръ, сфера нашихъ дѣйствій и сношеній, тѣмъ мы счастливѣе; чѣмъ шире они, тѣмъ болѣе мы терзаемся или беспокоимся. Мы находимъ счастье въ возможно большей простотѣ нашихъ отношеній и даже въ однообразной жизни, пока это однообразіе не производитъ скуку».

Но мы протестуемъ противъ однообразія, когда оно угнетаетъ насъ и вызываетъ скуку. Жизнь, имѣющая внутреннее единство, опредѣленное направление, проявляетъ силу, устойчивость и присоединяетъ къ главной идеѣ долгъ по отношенію самого себя: въ ея видимой строгости нѣтъ ни однообразія, ни скуки. Однако каждый разнообразитъ по-своему день, позволяетъ себѣ «развлеченія» и удовольствія. «Развлеченіе» съ его пошлостью и случайностями не всегда возможно, и на него не слѣдуетъ очень рассчитывать.

Нерѣдко чувство однообразія является главнымъ образомъ вслѣдствіе нашей лѣности, неподвижности и застоя умственной жизни. Повторяемъ, что терпѣливымъ и методичнымъ развитіемъ нашихъ способностей мы расширяемъ нашу душу и благодаря этому у насъ будетъ какъ бы нѣсколько существовацій. Міръ безконеченъ: будемъ зеркалами вселенной. Умъ дѣлаетъ насъ достойными разнообразія жизни и позволяетъ намъ открывать новые міры¹⁾.

Съ другой стороны посмотримъ, какъ богата и роскошна наша цивилизація! земля насыщена исторіей, въ которой мы черпаемъ науку, и древніе идолы свержены; человѣкъ, наслѣдникъ Бога, дѣлается болѣе великимъ, онъ хозяинъ планеты, онъ пересталъ дрожать передъ неизвѣстными силами, угнетавшими его предковъ; никогда не имѣлъ онъ столько знаній и ума; какая увѣренность, какая дерзость освободившагося пришельца! но вотъ его настигаетъ скука мыслителей и боговъ...

Тяжело чувство ничтожества жизни, когда это наше собственное ничтожество. Въ одинъ прекрасный день, послѣ многихъ изслѣдованій и сравненій, мы замѣчаемъ съ оскорбительной ясностью незначительность, пошлость и множество несовершенствъ

¹⁾ Ниче такъ прославляетъ умъ: «Увеличеніе интереснаго. — Съ развитіемъ культуры, все становится интереснымъ для человѣка, онъ умѣетъ быстро найти развивающую сторону вещи и схватить то, чѣмъ она можетъ заполнить пробѣлъ въ его мысли или подтвердить одну изъ его идей. Такимъ образомъ день ото дня исчезаетъ скука, а также и необыкновенная возбудимость сердца. Онъ кончаетъ тѣмъ, что вращается среди людей, какъ натуралистъ среди растений, и смотритъ на себя, какъ на явленіе, возбуждающее только его стремленіе къ знанію». *Humain, trop humain*, p. 280; traduction Desgrasseaux.

нашего индивидуума. А если мы не будемъ центромъ міра и солью земли, то міръ погибнетъ для насъ и земля опустѣетъ. Разъ перестаешь считать себя существомъ исключительнымъ, великимъ, хотя и непризнаннымъ, то начинаешь скучать¹⁾.

Что дѣлать противъ этой непріятной проникаемости? Согласимся бросить нашу глупую гордость, стѣсняющую и часто вводящую въ заблужденіе; конечно тяжело жить, отбросивъ все величіе, которое приписывало намъ наше воображеніе. Чтобы придать себѣ величія, сдѣлаемся рыцарями какого-нибудь безумнаго предпріятія, изобразимъ собою героевъ, и наша личность, такъ сильно умаленная, возвратитъ себѣ прежнее величіе.

Чувство ничтожности жизни заключаетъ въ себѣ мучительныя мысли: бесполезность жизни, невозможность счастья и отвращеніе, вызываемое всеобщимъ эгоизмомъ и глупостью. Оно увеличивается съ годами, по мѣрѣ того, какъ мы сознаемъ свои заблужденія и теряемъ иллюзіи, ибо истина печальна. Тогда является неодолимая скука, повсюду слѣдующая за нами и гнетущая насъ при малѣйшей попыткѣ размышлять. Какъ избѣжать ея?

Въ случаѣ, если мы увѣрены въ суетности жизни, въ томъ, что она достойна презрѣнія, то мы убьемъ желаніе, скроемся подъ защиту трансцендентнаго презрѣнія, и, если наше сердце разбито и мы съ отвращеніемъ относимся къ обязанностямъ, то намъ

¹⁾ Люди посредственные, говоритъ М. Ж. Бурло, не замѣчаютъ своего несовершенства и торжественно уважаютъ себя. Наиболее счастливый человѣкъ тотъ, кто любитъ собою, и потому не безъ основанія можно считать людей ограниченныхъ болѣе способными быть счастливыми.

остаётся мечь подъ видомъ ироніи и блестящихъ сарказмовъ.

Скука, происходящая отъ отвращенія къ жизни, можетъ имѣть другой источникъ, а именно въ отчаяніи обманутаго чувства, въ полной ветхости тѣла и души. Это — неизлечимая скука, утѣшающаяся высшимъ утѣшеніемъ человѣка — мыслью о смерти. Смерть имѣетъ своихъ поэтовъ, влюбленныхъ въ нее, страстныхъ поклонниковъ ея. Многіе переносятъ жизнь только съ мыслью о сладости послѣдняго часа или живя мечтой о самоубійствѣ и приговореніи къ смерти.

Если, заканчивая это длинное изслѣдованіе, мы спросимъ себя, какова будущая судьба скуки, то намъ нетрудно будетъ отвѣтить.

Скука будетъ возрастать и возстанетъ противъ конечнаго торжества добра. Будетъ ли она называться: недовольствомъ, желаніемъ, капризомъ, она постоянно будетъ потрясать землю и подвергнетъ все сомнѣнію. Она помѣшаетъ совершенствованію человѣка и достиженію полного равновѣсія. Долго еще человѣкъ, говорящій: я скучаю!—будетъ искать развлеченія въ жестокомъ эгоизмѣ, въ страсти, порокахъ и неразумныхъ побужденіяхъ. Скука является двигателемъ, ускоряющимъ міровое движеніе; она никогда не ослабнетъ.

Оглавленіе.

	СТР.
Введеніе	1
Глава I. Скука отъ истощенія	7
Глава II. Скука отъ недостатка въ разнообразіи и отъ недостаточной силы способностей.	31
Глава III. Скука отъ неудавшейся жизни и отъ жизни обезцѣненной какимъ нибудь изъяномъ	52
Глава IV. Скука отъ однообразія	70
Глава V. Скука отъ пресмыщенія	101
Глава VI. Скука подъ вліяніемъ чувства ничтожества жизни	119
Глава VII. Моральная сущность скуки	134
Глава VIII. Скука въ различные возрасты	145
Глава IX. Различные виды скуки	165
Глава X. Скука сообразная съ характерами	175
Глава XI. Скука женщины	186
Глава XII. Объективныя формы скуки	192
Глава XIII. Скука какъ фактъ и какъ функція.	203
Глава XIV. Современная скука	210
Глава XV. Портретъ скучающаго человѣка	222
Глава XVI. Скука въ литературѣ	228
Глава XVII. Средства отъ скуки	239

Представляем Вам наши лучшие книги:

Медицина

- Гиппократ. О природе человека.*
Николас Дж. Г. и др. От нейрона к мозгу. Пер. с англ.
Загородний Е. С. Принцип работы мозга.
Кожедуб Р. Г. Мембранные и синаптические модификации в проявлениях основных принципов работы головного мозга.
Павлова О. В. Основы психодерматологии.
Павлова О. В. Психо-нейро-иммунные взаимодействия и кожа.
Павлова О. В. Психо-нейро-иммунные взаимодействия при псориазе.
Павлова О. В. Психо-нейро-иммунные взаимодействия при атолическом дерматите.
Леках В. А. Ключ к пониманию физиологии.
Леках В. А. Прикладная медицина — постановка и решение задач.
Алексеев А. А. Интегративная соединительнотканная медицина. В 4 т.
Алексеев А. А. и др. Здоровье, сексуальность и вумбилдинг.
Вуколова З. П. и др. Доврачебная экстренная и неотложная помощь взрослым.
Львовская З. Д. (ред.) ФИЗИОТЕРАПИЯ: глоссарий текстовых конвенций (испанский, английский, французский, русский). В 2 т.
Пичуев В. П. Гинекология и акушерство: серьезно и доступно: Тебе, женщина.
Нейман Б. А. Программное регулирование организма. Гомеопатия.
Фролов М. В., Милованова Г. Б. Электрофизиологические помехи и контроль состояния человека-оператора.
Барышников А. Ю., Шишкин Ю. В. Иммунологические проблемы апоптоза.
Нужный В. П., Рожанец В. В., Ефремов А. П. Лекарственные растения и фитокомпозиции в наркологии.
Луба Е. С. Омолаживающая гимнастика лица.
Луба Е. С. Омолаживающая гимнастика лица для мужчин.
Луба Е. С. Подтяжка лица без операции и точечный массаж.
Луба Е. С. Омолаживание лица самомассажем ложками.
Луба Е. С. Китайская омолаживающая и оздоровительная система Ху Чуи Гонг. Тайна вечной молодости китайских императоров.
Агарков С. Т. Супружеская дезадаптация.
Кащенко Е. А. Сексуальная культура военнослужащих.
Кащенко Е. А. Секс: реальный и виртуальный.
Югай М. Внимание — копчик! Закономерности патологий организма.
Грегори Р. Л. Разумный глаз. Как мы узнаем то, что нам не дано в ощущениях.
Аронова Е. А. Иммуниет. Теория, философия и эксперимент.
Котов Ю. Б. Новые математические подходы к задачам медицинской диагностики.
Гельфанд И. М. и др. Очерки о совместной работе математиков и врачей.
 Серия «Раскрытая тайны мозга»
Сергеев Б. Ф. Ступени эволюции интеллекта.
Сергеев Б. Ф. Парадоксы мозга. Раскрывая тайны психики.
Сергеев Б. Ф. Стать гением. От инстинкта к разуму.
Сергеев Б. Ф. Ум хорошо...
Сергеев Б. Ф. Высшая форма организованной материи.

Представляем Вам наши лучшие книги:

Социология

- Осипов Г. В. (ред.) Рабочая книга социолога.*
Гидденс Э. Социология. Пер. с англ. Новое 2-е издание.
Молевич Е. Ф. Общая социология. Курс лекций.
Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования.
Зомбарт В. Социология.
Гринин Л. Е. Философия, социология и теория истории.
Гринин Л. Е. Производительные силы и исторический процесс.
Халтурина Д. А., Коротаев А. В. Русский крест: Факторы, механизмы и пути преодоления демографического кризиса в России.
Гайденко П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность.
Абрамов Р. Н. Российские менеджеры: социологический анализ становления профессии.
Давыдов А. А. Системная социология.
Ильин В. Н. Негуманитарная социология. Новый взгляд на обществоведение.
Ильин В. Н. Термодинамика и социология.
Здравомыслова О. М. (ред.) Обыкновенное зло: исследования насилия в семье.
Здравомыслова О. М. Семья и общество: гендерное измерение российск. трансформации.
Римашевская Н. М. (ред.) Разорвать круг молчания... О насилии в отношении женщин.
Гордон Л. А., Клонов Э. В. Потери и обретения в России девяностых: Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. Т. 1-2.
Лалин Н. И. (ред.) Социальная информатика: основания, методы, перспективы.
Дороговцев М. Ф. (ред.) Социологи России и СНГ XIX-XX вв. Биобиблиографический справочник.
Фриче В. М. Социология искусства.
Хайтун С. Д. Количественный анализ социальных явлений: Проблемы и перспективы.
Михайлов В. В. Социальные ограничения: структура и механика подавления человека.
Пугачев В. П. Управление свободой.
Вайдалх В. Социодинамика: системный подход к математическому моделированию социальных наук.
 Серия «Из наследия мировой социологии»
Мюллер-Лиер Ф. Социология страданий.
Мюллер-Лиер Ф. Фазы любви.
Летурно Ш. Прогресс нравственности.
Летурно Ш. Социология по данным этнографии.
Спенсер Г. Многообразие и многоженство.
Уорд Л. Ф. Очерки социологии.
Кареев Н. И. Общие основы социологии.
Зиммель Г. Социальная дифференциация.
Гюйо М. Воспитание и наследственность. Социологическое исследование.
Тард Г. Происхождение семьи и собственности.
Ковалевский М. М. Современные социологи.
Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности.
Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.

Представляем Вам наши лучшие книги:

URSS

Культурология

Жукоцкая З. Р. Культурология. Курс лекций.
Костяев А. И., Максимова Н. Ю. Культурология. Диалоги, схемы, таблицы, упражнения, тесты, комментарии, рекомендации, исследования.
Тасалов В. И. Искусство в системе Человек — Вселенная.
Заховаева А. Г. Искусство: социально-философский анализ.
Иванченко Г. В. Совершенство в искусстве и в жизни.
Афасижев М. Н. Изображение и слово в эволюции художественной культуры.
Осокин Ю. В. Современная культурология в энциклопедических статьях.
Сорочкин Б. Ю. (ред.) Дети и культура.
Хренов Н. А. Культура в эпоху социального хаоса.
Костина А. В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества.
Моль А. Социодинамика культуры.
Петров М. К. Язык, знак, культура.
Евин И. А. Искусство и синергетика.
Фриче В. М. Социология искусства.
Шинкаренко В. Д. Нейротипология культуры.
Шинкаренко В. Д. Смысловая структура социокультурного пространства. Кн. 1, 2.
Голицын Г. А., Петров В. М. Социальная и культурная динамика.

История культуры

Дьяконов И. М. Архавческие мифы Востока и Запада.
Преображенский П. Ф. В мире античных образов.
Преображенский П. Ф. Тертуллиан и Рим.
Преображенский П. Ф. Курс этнологии.
Свириденко С. (ред.) Старшая Эдда. Песнь о богах.
Сырмамятников С. Н. Сага об Эйрике Красном.
Ольденбург С. Ф. Культура Индии.
Майданов А. С. Тайны великой «Ригведы».
Асмус В. Ф. Немецкая эстетика XVIII века.
Рюмина М. Т. Эстетика смеха. Смех как виртуальная реальность.
Серебряков И. Д., Ванина Е. Ю. (ред.) Голоса индийского средневековья.
Зелов Д. Д. Официальные светские праздники как явление русской культуры.
Костяев А. И. Ароматы и запахи в истории культуры: знаки и символы.
Костяев А. И. Вкусные метафоры и образы в культуре.
Шукуров Ш. М. Образ человека в искусстве ислама.
Кокорина Ю. Г., Листер Ю. А. Морфология декора.
Классическое искусство от Древности до XX века. Сборник статей.
Шапова Ю. Л. Археологическая эпоха (хронология, теория, модель).
Шапова Ю. Л. Византийское стекло. Очерки истории.
Шулепова Э. А. (ред.) Российская провинция: среда, культура, социум.
Мазаев А. И. Искусство и большевизм (1920–1930-е гг.).
Манин В. С. Искусство в резервации. Художественная жизнь России 1917–1941 гг.
Стенев В. Т. Век фотографии. Очерки истории отечественной фотографии.

Представляем Вам наши лучшие книги:

URSS

Психолитгвистика

Слобин Д. Психолитгвистика; Грин Дж. Хомский и психология.
Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность.
Леонтьев А. А. Слово в речевой деятельности.
Леонтьев А. А. Психолитгвистические единицы и порождение речевого высказывания.
Владимирова Т. Е. Призванные в общение: Русский дискурс в межкультурной коммуникации.
Щербина Ю. В. Вербальная агрессия.
Горелов И. Н. Невербальные компоненты коммуникации.
Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи.
Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса.
Венцов А. В., Касевич В. Б. Проблемы восприятия речи.
Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса: От психолитгвистики к литгвосинергетике.
Наумов В. В. Литгвистическая идентификация личности.
Ажеж К. Человек говорящий. Вклад литгвистики в гуманитарные науки. Пер. с фр.
Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка.
Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность.

Серия «Психология, педагогика, технология обучения»

Гвоздев А. Н. От первых слов до первого класса. Дневник научных наблюдений.
Михеев В. И. Моделирование и методы теории измерений в педагогике.
Гнеденко Б. В. Математика и жизнь.
Гнеденко Б. В., Гнеденко Д. Б. Об обучении математике в университетах и педвузах на рубеже двух тысячелетий.
Хинчин А. Я. Педагогические статьи: Вопросы преподавания математики. Борьба с методическими штампами.
Фридман Л. М. Что такое математика.
Фридман Л. М. Величины и числа. Популярные очерки.
Фридман Л. М. Теоретические основы методики обучения математике.
Кузнецова Т. И. Модель выпускника подготовительного факультета в пространстве педвузовского математического образования.
Лачинов Ю. Н. Универсальный учебник: Познание через определенность сущностей.
Дунгу К. Н. Систематизация приемов учебной деятельности студентов при обучении математике.

Тел./факс:

(495) 135-42-46,
(495) 135-42-16,

E-mail:

URSS@URSS.ru

http://URSS.ru

Наши книги можно приобрести в магазинах:

«Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. (495) 625-2457)
«Московский дом книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (495) 203-8242)
«Молодая гвардия» (м. Полянка, ул. Б. Полянка, 28. Тел. (495) 238-5001, 780-3370)
«Дом научно-технической книги» (Ленинский пр-т, 40. Тел. (495) 137-6019)
«Дом книги на Ладонской» (м. Бауманская, ул. Ладонская, 8, стр. 1. Тел. 267-0302)
«Гнозис» (м. Университет, 1 г-м. корпус МГУ, комн. 141. Тел. (495) 939-4713)
«У Невтавра» (РГТУ) (м. Новослободская, ул. Чаянова, 15. Тел. (499) 973-4301)
«СПб. дом книги» (Невский пр., 28. Тел. (812) 311-3954)

Уважаемые читатели! Уважаемые авторы!

Наше издательство специализируется на выпуске научной и учебной литературы, в том числе монографий, журналов, трудов ученых Российской академии наук, научно-исследовательских институтов и учебных заведений. Мы предлагаем авторам свои услуги на выгодных экономических условиях. При этом мы берем на себя всю работу по подготовке издания — от набора, редактирования и верстки до тиражирования и распространения.

URSS

Среди вышедших и готовящихся к изданию книг мы предлагаем Вам следующие:

Серия «Из наследия мировой психологии»

- Вундт В. Введение в психологию.
 Вундт В. Проблемы психологии народов.
 Рибо Т. А. Эволюция общих идей.
 Блонский П. П. Память и мышление.
 Селли Дж. Очерки по психологии детства.
 Клапаред Э. Психология ребенка и экспериментальная педагогика.
 Уотсон Д. Б. Психологический уход за ребенком.
 Мюнстерберг Г. Психология и учитель.
 Лурья А. Р. Основные проблемы нейролингвистики.
 Сеченов И. М. Рефлексы головного мозга. Попытка свести способ происхождения психических явлений на физиологические основы. С биографией И. М. Сеченова.
 Малапер П. Элементы характера и законы их сочетаний.
 Овсяннико-Куликовский Д. Н. Вопросы психологии творчества.
 Фонтсерри Ж. Элементы психологии.
 Куз Э. Школа самообладания путем сознательного (преднамеренного) самовнушения.

- Журавлев И. В. Как доказать, что мы не в матрице?
 Журавлев И. В. Семиотический анализ расстройств речемыслительной деятельности.
 Журавлев И. В. и др. Психосемиотика телесности.
 Шуппе В. и др. Фундаментальная психология у истоков неклассической парадигмы.
 Поляков С. Э. Мифы и реальность современной психологии.
 Пугачев В. П. Управление свободой.
 Виттельс Ф. Фрейд. Его личность, учение и школа.
 Субботина Н. Д. Суггестия и контрсуггестия в обществе.
 Супрун А. П., Янова Н. Г., Носов К. А. Металпсихология.
 Режабек Е. Я. Мифомышление (когнитивный анализ).
 Аверариус Р. О предмете психологии.
 Арыхчев А. Н. Сознание: информационно-деятельностный подход.
 Хайтун С. Д. Феномен человека на фоне универсальной эволюции.
 Хайтун С. Д. Социум против человека: Законы социальной эволюции.
 Бейтсон Г. Разум и природа: неизбежное единство. Пер. с англ.
 Бейтсон Г. Шаги в направлении экологии разума. Кн. 1-3. Пер. с англ.

По всем вопросам Вы можете обратиться к нам:
 тел./факс (495) 135-42-16, 135-42-46
 или электронной почтой URSS@URSS.ru
 Полный каталог изданий представлен
 в Интернет-магазине: <http://URSS.ru>

**Научная и учебная
литература**